

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»**

Сборник статей по итогам международной конференции
«Язык и действительность.
Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака»

МПГУ
Москва • 2016

УДК 811.13(043)
ББК 81.47я4

Авторы-составители:

- И.В. Харитоновна**, д. филос. н., зав. кафедрой романских языков факультета иностранных языков Института филологии и иностранных языков
Г.В. Беликова, к. культ., профессор кафедры романских языков факультета иностранных языков Института филологии и иностранных языков
Е.Е. Беляева, к. культ., доцент кафедры романских языков факультета иностранных языков Института филологии и иностранных языков
О.А. Кулагина, к. ф. н., доцент кафедры романских языков факультета иностранных языков Института филологии и иностранных языков
Л.А. Мурадова, к. ф. н., профессор кафедры романских языков факультета иностранных языков Института филологии и иностранных языков
Е.Б. Передерий, к. ф. н., профессор кафедры романских языков факультета иностранных языков Института филологии и иностранных языков

Сборник статей по итогам международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака»/ И.В. Харитоновна, Г.В. Беликова, Е.Е. Беляева и др. – Москва : МПГУ, 2016. –с.

ISBN 978-5-4263-0340-9

В сборник включены материалы международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака», проходившей 16 марта 2016 года в Институте филологии и иностранных языков, на факультете иностранных языков.

Сборник печатается по материалам, представленным авторами. Тексты публикуются без изменений под авторскую ответственность.

УДК 811.13(043)
ББК 81.47я4

ISBN 978-5-4263-0340-9

© МПГУ, 2016

Предисловие

По решению Ученого совета Московского педагогического государственного университета от 30 марта 2015 г. кафедре романских языков Московского педагогического государственного университета было присвоено имя выдающегося ученого-лингвиста и педагога Владимира Григорьевича Гака. Вполне закономерно, что на факультете иностранных языков, с которым в течение многих лет была связана многогранная деятельность В.Г. Гака, появилась кафедра, носящая его имя.

В.Г. Гак начал работать на кафедре грамматики французского языка МГПИИ им. В.И. Ленина в 1970 г. К этому времени он уже накопил большой жизненный, научный и педагогический опыт: участвовал в Великой Отечественной войне (1942-1945 гг.), с отличием закончил одновременно два высших учебных заведения – переводческий факультет Военного института иностранных языков и исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1949 г.), преподавал в ВИИЯ, в МГИМО, защитил кандидатскую (1952 г.), а затем докторскую (1968) диссертации, получил звание доцента (1956 г.), а позже профессора (1969 г.). Он уже был автором таких значительных работ как «Французская орфография», «Курс перевода» (в соавторстве с Ю.И. Львин), «Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков» (в соавторстве с Е.Б. Ройзенблит), «Беседы о французском слове (из сравнительной французско-русской лексикологии)», «Французско-русского фразеологического словаря (в соавторстве с И.А. Куниной, И.П. Лалаевым, Н.А. Мовшович, Я.И. Рецкером, О.А. Хортик)»; им было написано более 30 статей.

В 1979 г. Владимир Григорьевич возглавил кафедру грамматики французского языка и проработал на этом посту до 1996 г., затем перешел в Московский государственный университет им. Ломоносова. Однако связь ученого с МПГУ не оборвалась: вплоть до своей кончины он оставался преподавателем кафедры, руководил аспирантами, был членом диссертационного совета факультета иностранных языков.

Период «МГПИИ-МПГУ» оказался для Владимира Григорьевича очень плодотворным. На высочайшем профессиональном уровне он читал лекции студентам, преподавал на Высших педагогических курсах и Факультете повышения квалификации, занимался с аспирантами. В МПГУ студенты встречались с ним уже с первых дней обучения в университете, слушая его курс «Введение в языкознание», а выпускникам-пятикурсникам он читал дисциплину «Сравнительная типология». Он также преподавал курсы «История французского языка», «Теоретическая грамматика» студентам, аспирантам, слушателям ФПК и ВПК.

С 1970 по 1996 г. Владимир Григорьевич написал учебники и словари, без которых даже сейчас, спустя годы после его ухода из жизни, невозможно представить себе изучение французского языка в нашей стране: «Essai de grammaire fonctionnelle du français. Nom et pronom», «Русский язык в сопоставлении с французским», «Сравнительная типология французского и

русского языков», «Теоретическая грамматика французского языка», «Введение во французскую филологию», «Французско-русский словарь активного типа» (в соавторстве с Ж.Триомфом, Г.Г.Соколовой, Г.К. Алексеевой, Т. Годье), Новый французско-русский словарь (в соавторстве с К.А.Ганшиной). Почти все перечисленные работы, как и те, что были написаны до 1970 г., неоднократно переиздавались и переиздаются в настоящее время.

В более чем 130 статьях, написанных за годы работы в МПГУ, ученый выразил свои взгляды на проблемы соотношения языка и мышления, языка и действительности, диалектики исторического развития языка. Одним из первых в отечественном языкознании Владимир Григорьевич подчеркнул знаковый характер высказывания, начал разработку семантического синтаксиса. Ему принадлежат новаторские работы по теории и типологии номинации. Много внимания он уделял проблеме сопоставительного изучения языков, в частности, русского и французского. Он плодотворно работал в области фразеологии и перевода. Прекрасная теоретическая база наряду с богатым практическим опытом преподавательской и переводческой работы позволили В.Г. Гаку разработать стройную и логичную лингвистическую концепцию, на которой он основывался при разработке учебников и словарей.

В.Г. Гак сочетал в себе талант выдающегося ученого и блестящего преподавателя. Его работы отличаются научной новизной, четкостью и доходчивостью изложения, ясностью формулировок и определений.

В.Г. Гак подготовил большое число специалистов высшей квалификации в области романского языкознания (с 1970 по 1996 г. более 30 кандидатов наук), которые сейчас работают во многих вузах России: в Москве, Калуге, Екатеринбурге, Орехово-Зуеве, Пятигорске, Таганроге и других городах.

В.Г. Гак дважды был удостоен звания Лауреата конкурса А.Ф. Лосева на лучшую научную работу в области гуманитарных наук (1-я премия МПГУ в 1985 и 1995 гг.). В 1997 г. по ходатайству МПГУ ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РФ.

Во Франции, деятельность В.Г. Гака в области французской филологии была высоко оценена: он был награжден орденом «За заслуги» Французской Республики.

В настоящее время на кафедре романских языков работают коллеги Владимира Григорьевича, его ученики и последователи, для которых проведение первых «Гаковских чтений» - почетная и ответственная задача. Надеемся, что встречи романистов на факультете иностранных языков МПГУ станут доброй традицией.

Организационный комитет

АБАКАРОВА Надежда Гаджиевна

кандидат филологических наук

Московский государственный педагогический университет

Организация проектной деятельности студентов-лингвистов в малых группах

В чем состоят особенности личностного и профессионального роста, взаимодействия и взаимозависимости в реализации проектной деятельности студентов, будущих преподавателей-филологов? Исследование проводилось в течение 2-х лет на кафедре романской филологии ИИЯ МГПУ в рамках проекта по совместной работе в малых группах по переводу французских текстов. Анализ полученных результатов раскрывает специфику работы по преодолению трудностей перевода, поиска эквивалентов, понимания литературных и исторических аллюзий.

В последние годы обучение в сотрудничестве (cooperative learning, collaborative learning), т.е. методика объединения учащихся в микрогруппы для совместного выполнения задания, стала одной из эффективных и популярных технологий в процессе обучения иностранному языку, в том числе и в высших учебных заведениях.

Студенты, работая в группе, пытаются совместно выполнить поставленную задачу. При этом задание строится таким образом, чтобы никто не смог выполнить его без помощи остальных участников группы. При реализации подхода обучения в сотрудничестве меняется и роль преподавателя, который превращается из источника информации и контроля в советчика и консультанта, направляющего работу группы в правильное русло. [1, с. 2]

Метод проектов – это комплексный метод обучения, позволяющий строить учебный процесс исходя из интересов учащихся, дающий возможность учащемуся проявить самостоятельность в планировании, организации и контроле своей учебно-познавательной деятельности, результатом которой является создание какого-либо продукта или явления. [2, с.8]

В основе метода проектов лежит развитие познавательных, творческих интересов учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического мышления. Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся – индивидуальную, в паре, групповую, которую учащиеся выполняют в течение определенного отрезка времени. Этот метод органично сочетается с методом обучения в сотрудничестве.

Формы организации совместной деятельности над проектом определяются исходя из особенностей тематики, целей совместной деятельности, интересов участников проекта.

В нашем случае речь идет о проекте перевода новелл французского автора Жеральда Хониксблума. За два последних года студентами было

выполнено несколько переводов с французского на русский, например, брошюр Музея Лаперуза и Музея Тулуз-Лотрека в городе Альби. В этот раз речь шла о более объемной и сложной задаче – переводе художественного текста.

Для того, чтобы это проект увидел свет, в первую очередь надо было скоординировать работу нашей команды, которая состояла без малого из 23-х человек (три новеллы – три подгруппы). Затем был намечен план перевода и сроки его осуществления.

Успех проектной деятельности учащихся в большой степени зависит от организации работы внутри группы, от четкого распределения обязанностей и ответственности за выполняемую часть работы.

Формами общения и организации работы были – проведение «мозговых штурмов» с целью найти лучший эквивалент, организация доступа к необходимой информации всех участников проекта, совместные чтения, при которых каждый мог внести свою лепту в перевод и найти более точные образы, многочисленные индивидуальные встречи, переписка, парная работа, работа в группах по 3-5 человек, обобщение результатов, встреча с автором, который смог ответить на многочисленные вопросы юных переводчиков, а также авторское чтение вслух отрывков произведений, что помогло уловить ритмику и мелодику новелл. Важной составляющей на завершающем этапе явилась редакторская работа, осуществлённая также студенткой, которая постаралась обеспечить высокий уровень единообразия и оформления переводов. Отдельной строкой можно было бы выделить страноведческие и лингвистические комментарии, подготовленные также исключительно самими студентами.

В ходе работы пришлось столкнуться со следующими трудностями, которые можно разделить на три группы: психоэмоциональные – моменты разочарований и усталости; организационные – соблюдение сроков всеми участниками, взаимодействие внутри микрогрупп; лингвистические, на которых мы в этой статье остановимся подробнее.

Во-первых, у наших студентов еще не было курса по теории и практике перевода и, тем более, литературного перевода; во-вторых, высокий интеллектуальный уровень новелл, глубокие познания автора в истории и литературе, его оригинальный слог, сложный синтаксис, огромное количество исторических и литературных аллюзий поставили для нас очень высокую планку.

Так, например, начало одной из новелл подразумевалось автором как подражание Прусту, его манере письма, мелодике фраз (курсив автора).

<i>Orlovka, de loin, à dix lieux à la ronde, vue à travers le pare-brise poussiéreux, quand on y arrivait en taxi la semaine avant la fin juin, ce n'était qu'une mosquée, rutilant dans la blancheur de son minaret,</i>	Орловка. Последняя неделя июня. Через пыльное стекло такси виднеется мечеть, блистающая белизной минарета, и приглашающая к себе к полудню по пятницам верующих
---	---

appelant le vendredi à 13h mais en vain les fidèles par la voix d'un mufti enregistré, *et, quand on approchait*, se dédoublant à trois cent mètres plus loin en une chapelle orthodoxe encore plus neuve, encore plus blanche, coiffée d'une coupole d'or scintillant dans le soleil ardent de la Mer Noire.

C'est ainsi que le narrateur Marcel, transposé dans cette station balnéaire en Crimée, à dix verstes de Sébastopol, aurait pu décrire ce village qui, à la différence de Combray, n'inspire rien d'un tableau de primitif...

записанным голосом муфтия, но, увы, напрасно. И всего тристаметров отделяют нас от православной часовни, еще более новой, еще более белой, увенчанной золотым куполом, сверкающим под палящим солнцем Черного моря.

Именно так писательский гений Марселя, оказавшись на этом курорте в Крыму в десяти верстах от Севастополя, мог бы описать эту деревушку, которая, в отличие от Комбрэ, не навеивает ни примитивные картины...

Часто при переводе литературных текстов студенты сталкивались с игрой слов или каламбуром:

Pour la boutade, disons que le pêcher rachète l'homme du péché.... Il n'y a qu'en français où *pêché* se confond avec *pêcher*, *pêcheur* avec *pêcheur*. Notre langue est non modernisée à la différence de la langue russe où toute l'orthographe est phonétiquement standardisée et où le mot *greshnik/greshnitsa*, pêcheur/pêcheresse, ne se confond jamais avec le mot *piercik*, pêche et *piercikovoye derevo* - l'arbre aux pêches ou pêcher.

Забавы ради, скажем, что это персики во искупление грехов людских.... Только во французском языке, грех созвучен с персиковым деревом, а грешник с рыбаком. Наш язык не модернизируется, в отличие от русского, в котором все правописание и фонетика урегулированы, и где слово *грешник/грешница*, *рыбак* / *рыбачка* никак нельзя спутать с *персиком* и *персиковым деревом*.

Но как при этом перевести следующий за этим отрывок?

«Agenouillé je déclarai : « Mon Père, je demande pardon à Dieu, car j'ai péché ». « Confesse-toi, mon fils ». « Le diable m'a dépêché la blonde à pagne fuschia et je n'ai pu m'empêcher de pêcher ! ». « Trois Ave Maria à la Vierge sur la palier, trois jours de pêche au poisson, et interdiction de goûter aux pêches pendant trois jours, mon fils ! »»

Студентка, ответственная за этот фрагмент текста, и группа, которая работала на этой частью новеллы, предложили перевести дословно, но, при этом сделать пояснительную сноску.

«Стоя на коленях я заявил: «Отец мой, каюсь перед Богом, ибо я согрешил». «Исповедуйся, сын мой». «Дьявол меня обольстил, я польстился на блондинку в парео и пустился грешить». «Склонись трижды в молитве к деде Марии, три дня порыбачь, и три дня без покусительств на персики»».Примечание – «Здесь автор использует игру слов, основанную на предыдущих размышлениях о персиках, грехе и рыбаке».

Особенное место в работе над переводами заняли комментарии, их в общей сложности больше 80-ти. Они и литературоведческие (*Марсель Пруст, французский писатель (10 июля 1871 — 18 ноября 1922); Комбрэ, коммуна во Франции, в департаменте Аверон, а также название первой части романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Сегодня в Комбре есть музей Марселя Пруста*), и исторические (*Вагон Перемиря – железнодорожный вагон, в котором 11 ноября 1918 года было подписано Первое комьенское перемирие между Францией и другими союзниками и Германией в Комьенском лесу, департамент Уаза, завершившее боевые действия Первой мировой войны*), и лингвистические (*Знак циркумфлекс – ставится над гласной и обозначает некогда произносившийся, но впоследствии выпавший согласный звук*). Было заметно, что студенты увлечены этой работой.

Среди различных существующих видов проектов - исследовательских, творческих, игровых, информационных, практических -мы можем назвать наш проект творческим, так как он предполагал максимально авторский подход и практическим, так как результат деятельности его участников был четко обозначен с самого начала.

Результаты выполненных проектов должны быть по возможности «осязаемыми»[1, с.9], в нашем случае – это издание двуязычного сборника «Орловка» с предисловиями писателя и руководителя проекта, автора этих строк.

Список использованных источников:

1. Корзюк Н.Н. Обучение в малых группах: теория и практика / Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст./ Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. –Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 166 с.
2. Щемелева, И. Ю. Применение инновационных методов обучения иностранным языкам в школе: учебно-методическое пособие / И. Ю. Щемелева, Ю. С. Васильева, А. О. Наследова, И. В. Нужа. – Орск: Издательство ОГТИ, 2009. – 118 с.

АЛИЕВА Тамилла Икрамовна

кандидат филологических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Аудирование как одно из средств коммуникативного подхода в

изучении французского языка

В современной методике преподавания иностранных языков важным является приближение учебного процесса к условиям естественной коммуникации. Учащиеся обычно овладевают языковыми средствами, познавательными и речевыми действиями в процессе решения когнитивных и коммуникативных задач. Методически целесообразным считается взаимосвязанное развитие умений во всех видах речевой деятельности. Многие методисты пришли к выводу о перспективности и плодотворности взаимосвязанного обучения аудированию, говорению, чтению и письменной речи.

Эти формы речевой деятельности различаются, во-первых, по характеру активности: для слушания и чтения – это внутренняя активность, говорение и письмо – это внешне активные виды речевой деятельности, во-вторых, формы речевой деятельности подразделяются на письменные и устные.

В основном весь процесс обучения иностранному языку, а в частности французскому языку, начинается с обучения аудированию, который направлен на формирование у учащихся базовых слухо-произносительных навыков. Аудирование – это понимание иноязычной речи на слух, способность различать и понимать говорящего, его акцент, его грамматические структуры и словарный запас, которым он владеет. Проблема обучения восприятия иноязычной речи на слух представляет собой один из главных аспектов обучения иностранному языку, именно поэтому очень важным является развитие и разработка технологий обучения аудированию [4, с.1].

При аудировании фраза часто понимается в результате распознавания информативных признаков. Наиболее информативным признаком принято считать интонацию, так как она обладает такими качествами, благодаря которым слушающий может понять связь частей фразы и раскрыть содержание. За интонацией закреплены такие речевые функции, как коммуникативная, синтаксическая, логическая, модальная. При восприятии речевых сообщений распознается коммуникативный план высказывания и интонация является одним из основных структурных признаков, по которым различаются коммуникативные типы предложений: повествование, вопрос, восклицание, побуждение.

При обучении аудированию могут возникнуть трудности, связанные с языковыми аспектами, такими как фонетические, грамматические и лексические.

Под фонетическими трудностями предполагается отсутствие четкой границы между звуками в слове и между словами в потоке речи. Следует отметить, что при обучении аудированию необходимо развивать речевой слух. На родном языке трудность восприятия речи может компенсироваться огромной практикой в слушании. Но для того, чтобы преодолеть трудности, связанные с пониманием речи носителей языка, надо уже с начала обучения слушать их речь, используя подлинные аутентичные записи.

Важным компонентом при обучении французскому языку является вводно-фонетический курс, а именно фонетическая зарядка, с помощью

которой учащиеся могут различать в речевом потоке отдельные звуки, слова, что составляет основу правильного произношения. Большой интерес у учащихся вызывают стихи, песни, скороговорки, которыми так богат французский язык и которые необходимо включить в фонетическую зарядку. Большинство упражнений вводно-фонетического курса основано на принципе имитации. Но не все учащиеся способны услышать разницу в произношении родного и французского языков, поэтому надо сопровождать имитацию объяснениями.

Грамматические трудности связаны прежде всего с наличием грамматических форм, не свойственных русскому языку. Воспринимая иностранную речь, учащийся должен расчленить ее на отдельные элементы. Для успешного понимания иностранной речи учащийся должен обратить внимание на интонацию, паузу и логическое ударение во фразе.

Лексические трудности заключаются в том, что в текстах встречаются незнакомые слова, которые и являются основной причиной непонимания текста слушающим. В процессе обучения аудированию необходимо выделить в воспринимаемой информации главную идею сказанного, при этом не обращая никакого внимания на каждое услышанное незнакомое слово.

При работе с аудиотекстом упражнения можно разделить на следующие группы: предтекстовые; упражнения, которые выполняются во время прослушивания и послетекстовые упражнения [5, с.2].

Предтекстовые упражнения выполняются перед прослушиванием текста. Их целью является понимание последующего текста. Необходимо ввести учащимся незнакомые слова, которые могут встретиться в тексте, объяснить тему будущего прослушивания, объявить название текста.

Упражнения, выполняемые во время прослушивания, чаще всего касаются сути представленной информации. Здесь проверяется умение учащихся ориентироваться в тексте, понять, в какой части текста искать необходимую им информацию, в соответствии с заданием найти нужный отрывок и заполнить пропуски в тексте.

Послетекстовые упражнения часто носят контролирующий характер. Как правило, это ответы на вопросы после прослушивания или тестовые упражнения: верно-неверно (*c'est vrai/oui c'est faux*). Неверная информация предполагает правильный ответ. Эти упражнения проверяют степень понимания учащимися информации, которая содержится в тексте. Необходимо также дать упражнения на высказывания своего отношения к прослушанному. Подбирая тексты или диалоги учащимся, преподаватель должен предложить им те задания, которые они точно смогут выполнить. Слишком трудные тексты могут вызвать разочарование учащихся и отбить охоту в изучении языка. Слишком легкие тексты могут сделать работу неинтересной и непривлекательной, они не развивают способности учащихся. Текст нужно слушать не один раз, а несколько, лучше всего не менее трех раз. Первый раз учащийся слушает в целом весь текст, чтобы понять, о чем идет речь. Во время второго прослушивания он делает данные ему задания, а третье прослушивание предлагается для самопроверки правильности выполнения различных заданий.

Вот несколько вариантов комплексных упражнений на понимание прослушанного текста или диалога:

- 1) составьте план прослушанного текста;
- 2) дайте реплики – верно/неверно;
- 3) ответьте на вопросы;
- 4) сделайте краткое резюме прослушанного текста;
- 5) выразите ваше мнение по данной ситуации.

Таким образом, аудирование составляет основу общения и с него начинается владение устной речью. Понимание иностранной речи учащимися способствует коммуникации между собеседниками [2, с.16]. Во французском языке все слова в предложении произносятся в потоке речи как единое целое благодаря таким явлениям как сцепление и связывание, что вызывает трудности в понимании текста. Во французском языке аудирование играет большую роль в обучении произношению и интонации, поскольку неправильное произношение ведет к непониманию смысла сказанного. Аудирование учит также культуре речи, так как необходимо дослушивать собеседника до конца. Коммуникативная особенность аудирования как вида речевой деятельности имеет главенствующую роль на всех этапах обучения иностранному языку и французскому в том числе [4, с.5]. Постоянно растущие требования к уровню владения иностранным языком требуют от современного учителя обязательного включения в учебный процесс заданий на аудирование.

Список использованных источников:

1. А.В.Коньшева. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку. «Каро» Санкт-Петербург, «Четыре четверти», Минск, 2005.
2. А.В.Коньшева. Английский язык. Современные методы обучения. Минск, 2006.
3. Е.Н.Соловова Методика обучения иностранным языкам. Просвещение, Москва, 2006.
4. Интернет сайт: <http://www.openclass.ru/node/465028>. Обучение аудированию на уроках иностранного языка.
5. Интернет сайт: http://stepsh.zhlobin.by/?page_id=330. Обучение аудированию.

АМЕЛИЧЕВА Варвара Максимовна

кандидат филологических наук, старший преподаватель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предикативные предложные синтагмы во французском и русском языках

Общеизвестно, что предложные синтагмы в силу своего общего реляционного значения служат для оформления разного вида дополнений (как присловных, так и обстоятельственных). Однако часто в грамматических описаниях упускается из виду еще одна их важнейшая синтаксическая функция, а именно способность к оформлению предикации. Как показывает Г. Гросс [7, с.124], во фразе *Ledictionnaireesturlatable* выбор аргументов зависит не от глагола *être*, который лишь актуализирует подлинный предикат —

предлог *sur*. Таким образом, аргументная схема этого предложения имеет следующий вид: *sur (dictionnaire, table)*. Ту же мысль высказывает Л.Н. Засорина применительно к русскому языку: «Высказывание *Книга на столе* является производящим для *Книга лежит на столе*, обратное соотношение противоречило бы языковой интуиции. (...) Следовательно, в деривационной истории «потомком» является более расчлененное, вербализованное высказывание с более конкретным определителем. В связи с этим можно подвергать сомнению теорию неполных предложений, которая трактует безглагольные фразы как высказывания с опущенным глагольным сказуемым» [2, с.48]. Ввиду ограниченного объема в настоящей статье предикативные предложные синтагмы будут рассмотрены на ограниченном материале: только в безглагольных предложениях (*phrases non verbales*).

Необходимо отметить, что не всегда предложная синтагма в безглагольном предложении является предикативной: так, Ф. Керлеру, сопоставляя контексты (1) *Où part-elle ? — À Berlin.* и (2) *À Berlin !*, отмечает, что в первом случае предложную синтагму следует анализировать и интерпретировать как аргумент глагола *partir*, следовательно отсутствие глагола надо трактовать как эллипсис, тогда как во втором случае ее интерпретация полностью выводится из собственного значения предлога, поэтому синтагма является предикативной [8, с.42]. В.Г. Гак также указывает на сложность разграничения двусоставных безглагольных и номинативных односоставных предложений; рассматривая театральные ремарки (1) *Agauche, bordantsurquelquesmètreslechemin, unbouquetdechênes*; (2) [*Le 26 mai. La barricade détruite du château-d'Eau.*] *Grandes lueurs dans le ciel*; (3) [*Le temple d'Apollon.*] *Unestatued'Apollonaumilieu delascène*, он указывает, что в первом случае мы имеем дело с двусоставным предложением с опущенным сказуемым (*setrouve*), во втором — с односоставным номинативным, в котором *dans le ciel* выступает как определение (= *célestes*), соответственно не является предикативным, а третий допускает обе трактовки [1, с.710].

Применительно к русскому языку следует заметить, что отсутствие глагола может говорить как о его нулевой форме в случае настоящего времени глагола *быть* (*Мы Ø в цейтноте*; ср. *Мы были / будем в цейтноте*), так и об эллипсисе (*Я тебя в клочки! Татьяна в лес; медведь за нею... (А.С. Пушкин)*). При этом если в первой фразе очевидно, что опущен глагол в будущем времени (*порву*), то во второй, как указывает М.А. Кронгауз [3, с.39], невозможно установить не только время опущенного глагола, но и сам глагол (*идет? бросается? бежит?*). Возможно лишь установить его принадлежность к определенному семантическому классу (глаголы движения).

В формальном отношении необходимо отметить, что и в русском, и во французском языках предикативные предложные синтагмы могут участвовать как в каноническом (субъект – предикат), так и в неканоническом построении фразы (предикат – субъект). Как показывает И.Н. Кузнецова [4, с.169], неканоническое построение фразы связано с изменением ее тема-рематической структуры. Это наблюдение подтверждают следующие примеры: *На дворе трава, на траве дрова; Augouîter, dulaitfroid, sucré (Barthes); À vous l'honneur.*

В семантическом отношении небольшое исследование, проведенное нами на материале Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru) применительно к предлогу *в* с в.п. и пр.п., показало, что в предикативной позиции предложные синтагмы сохраняют способность выражать те же типы отношений, что и в позиции присловного дополнения: пространственные (*И все это в стране, где ядерным оружием напичкан каждый кустик; Деревня в километре от нас*), временные (*Собрание в пятницу; Это в сентябре*), характеризующие (*Тут я разглядел, что он в пальто; Старик не в состоянии выслушать меня; Замок в три этажа; Она почему-то не белая, не черная, не в пятнышко, не в крапинку, а в цветочек; Он в стельку*), акциональные (*Он всегда в дороге, всегда в просветительских трудах; Кот из дома — мыши в пляс*), описывающие состояние или ситуацию (*Соня в слезах / в слезы; Непогода нынче в моде; Вечеринка в разгаре*), описывающие межличностные отношения (*Мы с ним опять в ссоре; Она все еще в девках; Черные глаза — это в дедушку; А не доучишься, так в солдаты!*) или идентифицирующие (*Сатанинская сила в запрете*). Таким же семантическим разнообразием отличаются и французские предикативные предложные синтагмы (*Cetissu, à rayures; À toiletour; À vousdeparler; Auxarmes, citoyens!*).

В прагматическом отношении интересен тот факт, что в обоих языках предикативные предложные синтагмы часто приобретают дополнительное деонтическое модальное значение, близкое к императиву (*К оружию! Револьвер на стол! Lesenfants, àtable! Lesmainsenl'air!*), или значение высокой скорости действия или движения (*Муж в дверь, а жена в Тверь; Я к Таврическому саду, перепрыгнул через ограду...; À moi! Ausecours!*) [6, с.184; 9, с.766].

С другой стороны, нанизывание безглагольных предложений с предикативными предложными синтагмами может производить очень интересный стилистический эффект, что прекрасно демонстрирует стихотворение Ж. Превера «Premierjour»:

- (1) Des draps blancs dans une armoire
- (2) Des draps rouges dans un lit
- (3) Un enfant dans sa mère
- (4) Sa mère dans les douleurs
- (5) Le père dans le couloir
- (6) Le couloir dans la maison
- (7) La maison dans la ville
- (8) La ville dans la nuit
- (9) La mort dans un cri
- (10) Et l'enfant dans la vie.

Как указывает Ю.Н. Пугачева [5, с.243], стихотворение целиком построено на риторическом приеме антанаклазы, т.е. многократного повтора одного и того же слова в разных значениях. Как правило, этот прием реализуется со знаменательными словами; в данном же случае сближаются разные значения предлога *dans*: в строках (1,2,3,5,6,7) локальное, в строке (8) темпоральное, в строках (4,9,10) абстрактные значения (описание состояния,

метафорической локализации или характеристики процесса). В противоположность вышеупомянутому, весьма характерному для предикативных предложных синтагм, дополнительному значению высокой скорости действия, в данном случае серия безглагольных предложений производит обратный эффект — напряженного статичного ожидания, который очень хорошо передает атмосферу описываемого события (тяжелых родов).

В заключение нам остается констатировать, что предикативные предложные синтагмы в силу своего разнообразия, повышенной семантической и прагматической сложности представляют собой крайне интересный объект для дальнейших исследований.

Список использованных источников:

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. - М.: Добросвет, 2004. - 862 с.
2. Засорина Л.Н. Предлоги в предикатной структуре высказывания (на материале локативных конструкций русского языка) // Вопросы русского языкознания. Вып. 2. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - С. 40-50.
3. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. - М.: Языки русской культуры, 1998. – 288 с.
4. Кузнецова И.Н. Функциональный анализ канонического и неканонического построения французской фразы // Романские языки и культуры: от античности до современности: VI международная науч. конф. романистов, 30.11 – 1.12.2011 г., г. Москва: сб. материалов. – М.: Век информации, 2013. – 336 с.
5. Пугачева Ю.Н. Биполярные фигуры // Синтаксические фигуры как система. - Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 214-263.
6. Хабургаев Г.А. Реализация валентности нулевого глагола в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. 2. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - С. 177-185.
7. Gross G. Les expressions figées en français : noms composés et autres locutions. - P.: Editions OPHRYS, 1996. - 161 p.
8. Kerleroux F. La coupure invisible. Études de syntaxe et de morphologie. - P.: Presses Universitaires du Septentrion, 1996. – 416 p.
9. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. - P.: Quadrigue/PUF, 2009. – 1107 p.

АНИСИМОВА Ольга Сергеевна

ассистент

Московский педагогический государственный университет

Основные прагматические установки французских пословиц с отрицанием

Прагматическая установка является основным компонентом, отражающим значение и цель употребления пословицы при критической дискуссии. Подробный анализ и классификация прагматических установок (далее -ПУ), задаваемых пословицами в качестве речевых действий (далее – РД), были приведены в исследовании Г.Д. Сидорковой “Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия” [1]. При изучении паремиологического

фонда английского языка, Г.Д. Сидоркова выделила 10 типов ПУ, которые могут быть реализованы при помощи пословиц: парирование, урезонивание, предостережение или угроза, обличение или упрек, сетование, (само)оправдание, обоснование, успокаивание, побуждение, совет [1, с.14]. Мы попытались взять данную классификацию за основу и адаптировать выделенные Г.Д. Сидорковой ПУ к объекту нашего исследования – французским пословицам с отрицанием (далее – ПсО). При изучении французских ПсО вне контекста, нам удалось найти примеры для всех типов ПУ. Но поскольку функции пословицы как РД активируются лишь в диалоговом или повествовательном дискурсе, мы обратились к примерам употребления ПсО в контексте.

Поскольку не все ПУ, предложенные Г.Д. Сидорковой, оказались распространенными для французских ПсО в прагматическом дискурсе, возникла необходимость изменения критериев классификации. Немногочисленными оказались примеры с ПУ «урезонивание» и «побуждение». Ввиду наличия сходных характеристик при реализации данных ПУ в дискурсе, рациональным представилось объединение попадающих под эти категории ПсО в одну общую установку – «побуждение». Сходной с ПУ «урезонивание» мы находим и установку «успокаивание». Однако ПУ «урезонивание», на наш взгляд, свойственна более сильным аргументам, в то время как ПУ «успокаивание» включает в себя аргументы менее сильные, но действенные, направленные на последовательное обоснование своей точки зрения и убеждение собеседника в её достоверности. Поэтому логичным представляется оставить ПУ «успокаивание» отдельной группой.

Термин «парирование» нечасто встречается применительно к лингвистическим исследованиям, поэтому целесообразным представляется изменение названия данной установки на «опровержение». Таким образом, при классификации французских ПсО выделяется 9 ПУ:

1) опровержение:

Son père avait voulu l'emmener à l'hôpital pour le faire soigner, mais sa mère s'y était fermement opposé.

-Comment veux-tu qu'il apprenne de ses erreurs si tu le dorlotes sans arrêt?- avait-elle riposté. Non, je vais m'occuper de lui et il va comprendre qu'il ne faut pas confondre vitesse et précipitation! [2, с. 101]

2) успокаивание:

...et lui écrivait à ses amis: "Ma Ninouchka devient grande et forte! Il y a des gens qui ont peur qu'elle ne fasse qu'une imbécile. Moi, je la trouve une imbécile telle qu'elle est. Et puis, je les aime, les imbéciles; comme dit le proverbe, les loups ne se mangent pas entre eux"... [3, с. 173]

3) предостережение / угроза:

Il ajouta d'un ton édifiant, en montrant une petite fumée qui s'élevait au-dessus de la centrale:

-Vera, il n'y a pas de fumée sans feu, ne vous promenez pas dans la cour, les Allemand vont commencer à tirer.

-Et alors, je ne crains pas les tirs, répondit-elle [4, с. 616]

...et je me dis en moi-même, en m'adressant à cette classe de reptiles, en général : Ah! Vous avez mangé mon trésorier, mes gaillards, eh bien! Nous vous mangerons à votre tour. **Il ne faut pas faire aux autres ce que vous ne voudriez pas qu'on vous fasse...** [5, с.29]

4) обличение:

... “Donc, vous ne pouvez pas ignorer le livre de M.Moch sur la relativité. Vous y trouverez je vous le répète encore tout l'historique que vous persistez à vouloir ignorer.... Vous avez lu je suppose la Bible. Vous y avez donc lu, **qu'il n'est pire sourd que celui qui ne veut pas entendre...**” Cette lettre-là restera sans réponse d'Einstein [6, с.154]

5) сетование:

“Hélène change envue d' œil!...Elle n'est sortie qu'avec moi pour aller à Saint-Sulpice, ou pour visiter nos pauvres....Elle était si gaie, autrefois dans ma maisonnette, dans sa jolie chambre qui est une vraie chapelle...Bon!Je devrais le savoir, **la belle cage ne nourrit pas l'oiseau!**C'est désolant! C'est effrayant!” [7, с.88]

6) (само)оправдание:

On peu fixer sa tente à un endroit et n'en plus bouger. C'est ce que ceux qui dissent: “**Ce n'est pas à un vieux singe qu'on apprend à faire la grimace**, à mon âge on ne change pas” j'ai toujours été comme ça, alors je ne vais pas changer maintenant, dans ma famille on est comme ça, de toute façon, c'est génétique, etc.” Ceux-là prétendent, que leur tente est en pierre et qu'elle est plantée là depuis la nuit des temps... [7, с. 339]

7) обоснование:

“De même, ce que nous faisons au jour le jour est personnalisé ou précisément inventé. Nous voyons souvent comme nous souhaitons voir. Ne dit-on qu'**il n'y a pas de pire aveugle que celui, qui ne veut pas voir et de pire sourd que celui qui ne veut pas entendre?** Eh bien, si c'est à cette réalité imaginaire que nous accordons toute notre confiance, notre façon de penser ressemble alors singulièrement à celle de ce sourd ou de cet aveugle” [8, с. 63]

8) побуждение:

“Une autre excuse que l'on invoque souvent pour ne pas s'infliger le travail de l'étude est la suivante: “**Je suis trop vieux pour apprendre!**”

Trop vieux pour apprendre! Jamais!!...

Veut-on des preuves comme quoi l'on n'est jamais trop vieux pour apprendre ...?Voici des exemples...”[9, с.38]

9) совет:

“La vitesse de transmission des données dans le cybespace est différente de la vitesse de réflexion et d'action des hommes. Il y a là deux temps différents. Or la vitesse de la lumière doit être soumise à la vitesse des hommes car **il ne faut pas confondre vitesse et précipitation**. Les définitions des choix, tactiques, stratégies, imposent toujours, même en cyberconflit, la primauté du temps de l'être humain sur celui de la machine...”[10, с. 277]

Следует отметить, что на прагматические функции влияет не только структура пословицы, но и контекст. Как мы убедились, при помощи контекста

возможно изменение прагматической установки пословицы. Среди приведенных ранее примеров, пословица *Il n'est pire sourd que celui qui ne veut pas entendre* в повествовательном дискурсе выражает установки «обоснование» и «обличение /упрек».

На реализацию прагматической установки влияет и её восприятие оппонентом. Далекое не всегда удается правильно трактовать пословицу:

-Oh, il y a des tas de proverbes de mon côté, si vous en arrivez là, dit Hoodenriant. Je pourrais vous rappeler que "Pierre qui roule n'amasse pas mousse".

-Soit, mais qui désire amasser de la mousse, à part quelques vieilles dames maniérées? demanda Crane. Oui, je suis une pierre qui roule, je suppose, et je roule autour de la terre, comme la terre roule autour du soleil. Mais je vais vous dire une chose: il y a une espèce de pierre qui amasse réellement de la mousse.

- Et laquelle, mon géologique divaguant?

-Un tombeau, dit Crane [11, с.29]

Таким образом, лишь контекст как инструмент активации ПсО в качестве РД способен отразить выражаемую пословицей ПУ и реальное количество ПУ, свойственных французским ПсО в целом.

Список использованных источников:

1. Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия // дис. докт. филол. наук, Краснодар, 1999.
2. Масы М. Flashes. Paris: Mon petit éditeur, 2014.
3. Русские портреты 18 и 19 столетий. Том 3. Выпуск 4. Спб., 2013 (1906).
4. Grossman V.S. Pour une juste cause. Lausanne: L'âge d'homme, 2008.
5. Sue E. Deux Histoires. Paris: imp. Simon Raçon et comp., 1860.
6. Moatti A. Einstein, un siècle contre lui. Paris: Odile Jacob, 2007.
7. de Gondrecourt A. Les péchés mignons. Tome 2. Bruxelles: Alph. Lebègue et sacré fils, 1847.
8. Canovi L. Marre de la vie? Tuez la dépression avant qu'elle ne vous tue! Paris: Les Phares Editions, 2012.
9. Trigo G. Apprendre à vivre: une aventure spirituelle. USA. Bloomington., 2011.
10. La Rue H. Mélanges historiques, littéraires et d'économie politique. Québec: Grant et Trudel, 1870.
11. Ventre D. Cyberattaque et cyberdéfense. Cachan: Lavoisier, 2011.
12. Chesterson J.K. Le club des fous. Lausanne: L'âge d'homme, 1983.

БАРИНОВА Ирина Константиновна

доктор исторических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Французское влияние на российское общество (на примере произведений русских писателей конца XVIII века – первой половины XIX века

Взаимоотношения Франции и России всегда занимали и занимают особое место в истории.

С приходом к власти Елизаветы Петровны, то есть, со второй половины XVIII-го века в России устанавливается французское влияние [16.]

Этому способствовали многие факторы:

- Знание французского языка, воспитание во «французском духе» не только самой императрицы, но и ее придворных (Шуваловых, Воронцовых, К.Г. Разумовского, А.Д. Кантемира, Е. Дашковой) и дворян [8, с. 54], [14, с. 161].
- Приезд в Петербург французского посла де ла Шетарди, установление связей в русском обществе.
- Переписка императрицы и вельмож с известными французскими деятелями (Вольтером, Гельвецием, Монтескье и др.) [5, с. 12-20].
- Распространение салонов, знакомивших дворянское общество с достижениями западноевропейских науки и культуры [3, с. 24]
- Поездки русских во Францию.
- Приезд французских архитекторов в Россию.
- Появление в России французского театра (постановка пьес Мольера в Петербурге).

Во время правления Екатерины II-ой получают свое распространение теории Ж. Ж. Руссо, Мабли, Рейналя [16.]. По примеру воспитательного учреждения в Сен-Сире в Петербурге появляется Смольный институт. Многие русские учатся за границей.

Таким образом, различные стороны государственной и общественной жизни испытывают серьезное влияние Франции.

Не углубляясь в подробный анализ трудов русских авторов, отметивших признаки французского влияния, перечислим основные произведения:

- комедия в стихах «Горе от ума» А.С. Грибоедова;
- повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и «Дубровский»;
- роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

В этих книгах представлена картина русского общества той эпохи, а также персонажи французов.

Французы, представленные в этих произведениях, являются, как правило, не только носителями зловердных пороков, но характерным явлением жизни русского дворянского общества того времени.

Сатирический образ невежественного гувернера-иностранца приобретает у писателей черты исторической типичности.

Следует согласиться с мнением историков, что русское общество того времени было как никогда открыто влиянию Запада, в данном случае именно Франции. «Язык культурных слоев русского дворянского общества был смешан с французскими элементами, что свидетельствует о взаимопроникновении двух культур». [Цит. по 1, С. 220].

Начиная с Отечественной войны 1812- го года происходит изменение русско-французских отношений. Л.Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир» показывает то значение, которое имел образ Франции и французов для России и русского общества до войны и после нее.

Очередное изменение отношения русских к Франции и французам происходит во время русско-турецкого конфликта в середине XIX-го века и связано с Крымской войной (1853-1856 гг.) [2, С. 37, 84].

В «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого представлены основные события этой войны, отношения русских и французских солдат.

Таким образом, следует отметить многогранность и неоднозначность российско-французских отношений XVIII-XIX вв.

От положительного (вследствие большой открытости русского общества) в конце XVIII века и первого десятилетия XIX века, до переломного момента 1812 года, когда Франция становится врагом российского общества, затем события и война в середине XIX-го века.

Список использованных источников:

1. Базонова А.В. Эпоха войны 1812 года и отражение ее на французском языковом материале в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». // Диалог культур: Россия – Запад - Восток./ Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения». 18-19 мая 2010 года. – Москва-Ярославль. Ремдер, 2010.- С. 217-221.
2. Бестужев И.В. Крымская война/Издательство Академии наук СССР. – М., 1956.
3. Бондаренко Н.А. Значение салонов первой трети XIX в. г. Москвы и г. Санкт-Петербурга в развитии межкультурных связей. // Диалог культур: Россия – Запад - Восток./ Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения». 18-19 мая 2010 года. – Москва-Ярославль. Ремдер, 2010.- С. 23-28.
4. Грибоедов А.С. Горе от ума: Избранные произведения./ Ленинград: Советский писатель, 1961. – С. 57-200.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XIX вв.). – СПб: Искусство – СПб, 1994.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи- М.: Златоуст, 1994.
7. Манфред А.З. Очерки истории Франции XVIII-XX веков. М., 1961.
8. Манько А.В. Личная библиотека Пушкина: к вопросу о ее роли в творчестве поэта. // Диалог культур: Россия – Запад - Восток./ Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения». 18-19 мая 2010 года. – Москва-Ярославль. Ремдер, 2010.- С. 54 - 59.
9. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Избранные сочинения./ М.: Художественная литература, 1978. –С. 7-169.
10. Пушкин А.С. Дубровский: Избранные сочинения./ М.: Художественная литература, 1978. –С. 438 - 491.
11. Пушкин А.С. Капитанская дочка: Избранные сочинения./ М.: Художественная литература, 1978. –С. 531 - 608.
12. Толстой Л.Н. Война и мир./ М.: Художественная литература, 1965. – Т. 4 – 7.
13. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы./ М.: Художественная литература, 1965. – Т. 2.
14. Торохова Г.З. Французская книга в культуре русской дворянской усадьбы (на примере библиотеки семьи Башмаковых- Верещагиных). // Франкоязычные

- культуры: проблемы языка и общества. - М.: Издательство МГУ, 2011. - С.160-170.
15. Фойер Кэтрин Б. Генезис «Войны и мира». / Академический Проект, 2002
16. Василенко Н.П. Отношения между Россией и Францией до Французской революции. // Отечественная война и русское общество. Россия перед столкновением с Францией.
17. <http://www.1812db.simvolika.org/1812db.php?action=card&cursor=307&id=314&query=id&sort&step=40&table=Subject&title&type=5>

БЕЛИКОВА Галина Васильевна,
кандидат культурологии, профессор

Московский педагогический государственный университет

**Семиотика языковых знаков с опорным компонентом
«Прецедентное имя» как средство репрезентации концептной
информации (на примере фразем-носителей культурной информации в
современном французском языке)**

Данная статья посвящена исследованию семиозиса фразеологических единиц, объективирующих тот или иной концепт как «квант знания» [1, с. 90]. индивида. Рамки статьи не позволяют остановиться на анализе более, чем одной избранной нами фразеологической единицы (ФЕ) *Travailler pour le roi de Prusse*.

Употребительный в современном французском языке фразеологизм *Travailler pour le roi de Prusse* (букв. «работать на прусского короля», в знач. «работать задаром») имеет в образном основании прецедентное имя, представленное атрибутивным словосочетанием, в определенном смысле составным этнонимом «le roi de Prusse». Образная мотивированность фразеологического значения данного языкового знака, содержание образа – составного этнонима «le roi de Prusse» – в основании внутренней формы фразеологизма оказывается стертым и требует этимологической интерпретации. Подобное диахроническое описание раскрывает механизмы формирования фразеологического значения, или, в терминах когнитивной теории метафоры, механизмы транспозиции информации «исходного домена» [2, с. 16-32] в новую концептуальную структуру, вербализованную посредством фразеологической единицы.

Фразеологизм «*Travailler pour le roi de Prusse*» содержит метафорические инференции, выводимые из фрейма источника. Вместе с тем, в основании метафоризации значения данного фразеологизма происходит интеграция элементов нескольких исходных ментальных пространств. Один исходный домен – это представление о скупости прусских королей, восходящее к историческим сведениям о том, что Фридрих Великий (Фридрих II (1712—1786) платил своим солдатам жалованье только за 30 дней в месяц. Таким образом, в последний день месяцев, имеющих 31 день, солдаты работали бесплатно, т. е. «работали на прусского короля». Другая концептуальная сфера-источник представлена следующим «сценарием»: Фридрих Великий, отправляясь на завоевание Силезии, опасался военного вмешательства России,

у которой был подписан договор с Австрией. С тем, чтобы гарантировать нейтралитет России Фридрих обещает 40 000 флоринов графу Бестужеву, имеющему значительное влияние на императрицу Елизавету Петровну. Выиграв войну король Пруссии не только не заплатил графу обещанное вознаграждение, но и высмеял его: «Как, неужели Россия продает свой нейтралитет?», рассмеялся в лицо обманутому Бестужеву король Пруссии. С тех пор, всем тем, у кого дела шли неважно граф Бестужев говорил, что они «работают на прусского короля». Король же Фридрих Великий остался очень доволен собой, считая, что не его завоевания, а именно эта милая шутка прославит его в веках. Нафразеологизацию значения ФЕ «*Travailler pour le roi de Prusse*» также, возможно, повлияли элементы когнитивной топологии еще одной сферы-источника, представленной следующим сценарием: долгое время в дружеской переписке с Фридрихом Великим находился Вольтер, который, не чувствуя себя в безопасности во Франции из-за подозрений в политической неблагонадежности, последовал приглашению Фридриха II поселиться в Пруссии. Легенда гласит, что Вольтер жаловался, что «работает на прусского короля», поскольку был обманут Фридрихом и не получил обещанной платы за различные услуги королю.

Таким образом, можно полагать, что современное фразеологизированное значение ФЕ «*Travailler pour le roi de Prusse*» является следствием смешения фреймовых структур знаний нескольких исходных доменов, которые в результате концептуальной интеграции создали новую метафорическую структуру значения. Наличие прецедентного имени в образном основании фразеологизма и, соответственно, в основе номинации данной фразеологической единицей определенного фрагмента действительности позволяет рассматривать данный фразеологизм как историческую метафору: чувственно-рациональный образ переосмысленного денотата свободносинтаксического словосочетания-прототипа ФЕ проецируется на типовые представления о явлениях окружающей действительности.

Для извлечения концептной информации, репрезентируемой данной ФЕ и, следовательно, выявления национально-культурных доминант в осмыслении тех или иных элементов объективной/субъективной действительности необходим анализ всех измерений семиозиса фраземы. Фразеологизм «*Travailler pour le roi de Prusse*» обладает предикативной семантикой, т.е. выполняет функцию предложения и в этом смысле является языковым предикатом; номинативный же характер этой ФЕ определяется ее воспроизводимостью и, как следствие инвариантностью в качестве языкового знака типизированного представления о плохо оплачиваемой или совсем неоплачиваемой работе. Обратимся к некоторым примерам актуализации в языке современной французской прессы ФЕ «*Travailler pour le roi de Prusse*»:

1. Mali, Centrafrique: l'armée française travaille-t-elle *pour le roi de Prusse*?

Un rapport parlementaire met en lumière l'isolement de la France en Afrique, où ses militaires affrontent des situations difficiles alors que les Européens ne se bousculent pas pour aider Et in fine, ils ont la claire impression que les retombées économiques de l'engagement militaire français ne seront pas au rendez-vous. «C'est troublant de

voir que l'on *travaille pour le Roi de Prusse*», c'est-à-dire pour rien, conclut Fromion.[3]

2. Quant à moi, je peux affirmer ne pas «*travailler pour le roi de Prusse*». [4]
3. Les mots pour le dire : « *Travailler pour le roi de Prusse* ». En entreprise, mieux vaut éviter de le faire: c'est un signe de dysfonctionnement. [5]
4. C'est cette même constante qui, sous l'impulsion des USA, orfèvre en la matière, conduit les États à augmenter leurs dettes sans se soucier plus que nécessaire que les peuples vont souffrir à devoir travailler « *pour le Roi de Prusse* ». [6]
5. Quand un gouvernement se dit prêt à travailler *pour le roi de Prusse* en s'engageant dans une guerre au Moyen-Orient dans laquelle son pays n'a aucun intérêt. [7]
6. La pathétique Ségolène a travaillé pour le roi de Prusse, plutôt pour le roi Hollande – un homme qui en plus l'a laissé tomber pour une autre: elle s'est donc doublement fait avoir. [8]
7. Vous en avez assez de *travailler pour le roi de Prusse* ? Et si vous pensiez à créer votre petite affaire. [9]
8. Faire une tranche à 75 % c'est révoquer l'Édit de Nantes et *travailler pour le roi de Prusse*. [10]

Если пропозициональное содержание фразеологизма «*Travailler pour le roi de Prusse*» узуально закреплено – «работать задаром / за несправедливо низкую плату, не соответствующую затраченным усилиям», то экспликация эмоционально-оценочного компонента фразеологического значения осуществляется посредством его контекстного анализа и с привлечением соответствующих когнитивно-модальных операторов (эмотивная модальность, аксиологическая модальность, деонтическая модальность). Все выше приведенные примеры актуализации ФЕ «*Travailler pour le roi de Prusse*» в разговорно-обиходном регистре современного французского языка коннотируют идею неправильного и неразумного поведения в той или иной описываемой ситуации. В параметрах когнитивно-модальной интерпретации содержание значения данного фразеологизма возможно представить следующим образом: нельзя и не следует применять свой труд, действовать в пользу кого-либо, не получая за это справедливого вознаграждения. Так вести себя плохо и глупо. Подобный образ действия вызывает чувство сожаления и неодобрения. Очевидно, что данный фразеологизм, наряду с другими языковыми средствами, входит в номинативное поле концепта «труд». Таким образом, анализ пропозиционального содержания ФЕ «*Travailler pour le roi de Prusse*» позволяет выделить следующие когнитивные признаки этого концепта: труд – это приложение усилий человека, за которые он должен быть вознагражден; труд без справедливого вознаграждения унижает и дискредитирует человека; трудиться на кого-то хуже, чем трудиться на себя; достойное вознаграждение за собственный труд поднимает самооценку человека.

Список использованных источников:

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Гнозис, 2004. – 389 с
2. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры/ Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32. [Электронный ресурс] / Будаев Э.В. – URL: www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm
3. Airault P. Mali, Centrafrique : l'armée française travaille-t-elle pour le roi de Prusse ? [Electronic resource] / P. Airault. –URL: <http://www.lopinion.fr/edition/international> (датаобращения 18.01.2016)
4. Travailler pour le roi de Prusse. [Electronic resource]. – URL:<http://www.dicoz.fr/>(датаобращения 18.01.2016)
5. Culture et management.Travailler pour le roi de Prusse. [Electronic resource].– URL:<http://www.oomark.com/>(датаобращения 18.01.2016)
6. Alain KERHERVE. Le scandaleux (et discret) 2ème plan d'aide à l'Irlande de la BCE. [Electronic resource].– URL:<http://www.gaullisme.fr/2013/03/31/le-scandaleux-et-discret-2me-plan-d-aide-lirlande-de-la-bce/> (датаобращения 24.01.2016).
7. Adrien Abauzit. Quand le pouvoir nous ment... [Electronic resource].– URL:<http://www.bvoltaire.fr/adrienabauzit/le-gouvernement-contre-le-peuple,2902>(датаобращения 24.01.2016).
8. Travailler pour le roi de Prusse. [Electronic resource]. – URL: www.bvoltaire.fr/ (датаобращения 24.01.2016).
9. Travailler pour le roi de Prusse. [Electronic resource]. – URL: www.mon-business.eu (датаобращения 24.01.2016).
10. L'impôt sur les ultra-riches voulu par Hollande contraire à la constitution ? [Electronic resource]. – URL:www.sudouest.fr (дата обращения 24.01.2016).

БЕЛЯЕВА Екатерина Евгеньевна,
кандидат культурологии, доцент

Московский педагогический государственный университет

Кофеологический лексикон в системе французского языка

На сегодняшний день известно множество самых разнообразных легенд, рассказывающих историю происхождения кофе. Однако единственное, что объединяет все эти красивые легенды - напиток впервые появился в Эфиопии. Именно поэтом она считается родоначальницей кофе.

Также популярна легенда о настоятеле монастыря, который добавлял настой ягод и листьев монахам, чтобы они не засыпали во время ночных молитв. И многие другие. Исторически же доказано, что племена местных жителей пользовались плодами кофейного дерева как едой, а не напитком.

Измельчённые ягоды смешивались с жиром и получали шарообразную форму. Получались удобные, не занимающие много места при дальних или боевых походах своеобразные энергетические консервы, позволявшие длительное время обходиться без еды.

По одной из легенд история происхождения кофе берет начало от **шейха Омара**, который считался самым уважаемым врачом своего времени. Этот шейх проводил исследования, пытаясь выявить новые лекарственные препараты. Однажды он обратил внимание на плоды кофейного дерева. Именно с этого факта и началась история кофе. Однако следует отметить, что изначально его использовали исключительно в качестве средства, снимающего головную боль и помогающего при несварении желудка.

Другая, не менее популярная легенда, гласит о том, что история кофе начинается с простого **пастуха по имени Калдим**. Он очень любил своих коз и всегда заботился об их самочувствии и здоровье. Однажды этот пастух заметил, что козы, наевшись плодов кофейного дерева, вдруг становятся значительно бодрее. Калдим тоже попробовал этих плодов и на себе ощутил невероятный прилив сил. Тогда он стал рассказывать всем о таком удивительном эффекте и, тем самым, дал начало **распространению кофе**.

Для покорения мира кофейному дереву потребовалось много долгих лет. Врагами кофе становились и религии и наделённые властью особы. К счастью, друзей оказалось больше. Первым против кофе выступило мусульманское духовенство. Однако кофе успело обзавестись уже множеством поклонников, в их числе был и правитель Египта. Поэтому кофе, со скрипом, был дозволен к применению.

Добравшись до Европы кофе, вновь столкнулся с представителями религии и местными царьками. Если со стороны духовенства выражалось презрение (что, правда, особо не помешало напитку), то местные начальники просто запрещали его употребление на своих землях. Так довольно известен факт запрета кофе в Вестфалии. Указ действовал на протяжении 20 лет!

Оскорблений на долю кофе выпало немало, его презрительно называли «чёрным африканским зельем», «кровью басурман», «сиропом адской сажи» и всё равно не смогли ни запретить, ни остановить его распространение. Поклонников кофе били, сажали в тюрьмы, проклинали, закрывали лавки и кофейни, мешки с кофе жгли на кострах, и это всё из-за любви к чашечке кофе...

Культура кофе в Франции, в Париже зародилась во второй половине XVII века. А сегодня столицу Франции вряд ли можно представить без многочисленных кофеен. Они стали неотъемлемой частью города, где ежедневно встречаются люди, обсуждают дела, решают важные вопросы, знакомятся, влюбляются, расстаются....

Первая кофейня в Париже открылась еще в 1672 году напротив одного из самых знаменитых театров мира Комеди Франсез. Ее хозяином был сицилиец Франческо Проккопио. Именно он сначала приучил своих сограждан к традиции кофейных ярмарок. А с появлением кафе весь **парижский бомонд** смог проводить встречи не только в литературных салонах. В кафе всегда

царила **демократичная обстановка**, располагающая к приятному времяпрепровождению за беседами о новостях культуры и искусства. Эту кофейню посещал даже Дюма-отец, отмечая, что здесь собирается весь цвет парижского общества.

Следует отметить, что для французов прием пищи - это особенный ритуал. Именно поэтому изысканные французские кулинарные рецепты не оставили вниманием и и приготовление кофе, создав настоящую **французскую кофейную культуру**. Французы знают невероятное количество самых разнообразных рецептов приготовления этого древнейшего напитка! Каждый истинный парижанин начинает свой день, наслаждаясь кофе с молоком и свежим круассаном. А в качестве ланча или второго завтрака они пьют крепкий бодрящий черный кофе.

Французы, как настоящие гурманы и ценители кулинарного искусства, никогда не пьют кофе, сваренный на кипяченой воде! Современные французские кофейни конкурируют с американским фаст-фудом. И, несмотря на широкое распространение последнего, парижане по-прежнему относятся к кофейням, как к **клубам**, где можно встретиться с родными и друзьями, обсудить новости, перекусить и с удовольствием провести время в уютной и теплой обстановке.

Особенностью парижских кофеен является традиция пить **кофе с ликером** или каким-либо другим алкогольным напитком. Такие добавки придают кофе восхитительный аромат, а также подчеркивают его крепость и изысканный вкус.

Однако кофе интересен не только с гастрономической, но и с лингвистической точки зрения. Особый интерес представляет исследование лексики, связанной с описанием вкусовых качеств кофе, типов и сортов кофе, аксессуаров, связанных с этим напитком, а также фразеологических единиц, в которых фигурирует лексема «café».

Lexique de la dégustation du café

Les notes positives	Les notes négatives
Acide: rappelle l'acidité franche d'un fruit (citron) ; s'oppose à une saveur amère et aigre. Caractéristique nette et agréable prononcée chez certains crus (Arabicas d'altitude).	Aigre: arôme piquant et trop acide. Apre: goût râpeux.
Boisé: arôme dur rappelant le bois, que l'on retrouve dans les cafés restés trop longtemps stockés sous forme de café vert.	Amer: rappelle la saveur caractéristique de la peau blanche du pamplemousse ou du chocolat noir ; est souvent obtenue par une torréfaction longue dite "à l'italienne".
Corsé: rondeur agréable et étoffée qui tapisse le palais, à l'opposé d'un arôme mince, plat.	Boueux: goût épais, vague et morne Caoutchouteux: un arôme que l'on trouve surtout dans les Robustas venant d'Indonésie.
Doux: bon café, très net, dénué de toute âpreté.	Herbeux: verdeur herbeuse particulièrement prononcée dans les Arabicas récoltés prématurément.
Fruité: goût prononcé de fruit mûr et parfumé trouvé dans les cafés laissés	Mince: café plat, sans vie, dénué de corps

<p>longtemps dans la cerise après récolte.</p> <p>Etouffé: qualifie les bonnes caractéristiques telles que le corps, l'acidité ; analogie avec le vin : puissant, qui a de la cuisse.</p> <p>Léger: arôme très rond, mais manquant d'âpreté ou d'acidité.</p> <p>Moelleux: goût rond et velouté, manquant peut-être d'acidité.</p> <p>Pointu: café avec une fine saveur piquante et acide.</p> <p>Rémanent: long en bouche, avec un arrière goût tenace, en général amer.</p> <p>Riche: arôme très généreux au corps étoffé.</p> <p>Sauvage: odeur de gibier que l'on retrouve dans certains cafés d'Ethiopie.</p> <p>Velouté: café qui a du corps, mais qui manque d'acidité.</p> <p>Vineux: un café riche avec beaucoup de corps et le velouté d'un vin rouge bien vieilli ; cet arôme prédomine dans les cafés de Colombie.</p>	<p>ou d'acidité.</p> <p>Moisi: arôme et goût résultant d'un mauvais stockage, surtout chez les Robustas.</p> <p>Neutre: insignifiant, sans caractère, ne présentant aucun des principaux arômes de façon nette.</p> <p>Plat: café sans vie ; peu de "notes de tête" ; peu de corps ; peu de rémanence.</p> <p>Rance: arôme très désagréable dû essentiellement à une contamination ou à un excès de fermentation ; café qui a mal vieilli après torréfaction.</p> <p>Rioté: arôme iodé, chloré, médicamenteux, rencontré dans certains cafés de la Baie de Rio au Brésil.</p> <p>Rude: goût âpre et râpeux manquant de finesse.</p>
--	---

Type du café

Café boisé

Café où un goût de bois est présent, comme dans certains arabicas, tel le Brésil «nature».

Café brûlé

Ce goût peut provenir d'une mouture réalisée avec un moulin inadéquat ou d'un café fait avec une machine libérant de l'eau trop chaude.

Café allongé

Il s'agit, le plus souvent, d'un express auquel on ajoute de l'eau chaude pour l'alléger.

Café aromatisé

Café auquel on ajoute un parfum (noisette, vanille, chocolat, ...), en aromatisant les grains ou en ajoutant un sirop dans la tasse.

Café arrosé

Café auquel on ajoute de l'alcool.

Café biologique

Café cultivé sans aucun produit chimique de synthèse (engrais, pesticides).

Café brûlot

Recette qui consiste à verser sur le café un mélange de Cognac et de Curaçao aromatisé aux épices et aux agrumes, le tout flambé.

Café complet

Café servi avec tous les produits qui composent un petit-déjeuner.

Café crème

Express auquel on ajoute un peu de lait chauffé par un jet de vapeur. On dit également "un crème".

Café double

Express préparé avec double dose d'eau et de mouture, servi dans une grande tasse.

Café en coque

Nom donné autrefois aux cerises entières du caféier durant leur séchage.

Café en parche

Nom donné, durant leur séchage, aux grains de café débarrassés de la peau et de la pulpe du fruit, mais encore couverts d'une pellicule cellulosique nommée la parche. Celle-ci est retirée après le séchage.

Café filtre

Une méthode d'extraction par gravité où l'eau passe à travers la mouture placée dans un filtre. Cafetières filtres traditionnelles, napolitaines et électriques.

Café lavé

Grains de café issus de la méthode « humide » afin d'extraire les fèves de café de leur fruit. Ce procédé, par des étapes de lavage et de fermentation, augmente l'acidité et développe la finesse des arômes.

Café liégeois

Deux recettes portent ce nom.

La première consiste à verser un café froid sur de la glace à la vanille, la seconde est une glace au café, nappée de crème fouettée.

Café lyophilisé

Café instantané soluble, réalisé selon le procédé suivant : le café est préparé puis rapidement congelé dans une chambre, sous vide, ce qui a pour effet d'extraire l'eau et de ne laisser que la matière sèche et soluble.

Café maure

Autre nom du « café turc », souvent utilisé au temps des colonies dans les pays du Maghreb. Dans ces pays, les établissements servant ce type de café s'appelaient aussi «cafés maures ».

Café moussonné

En Inde, café vert volontairement exposé aux vents de la mousson durant plusieurs semaines afin de l'humidifier et de lui donner une saveur particulière, comme autrefois durant sa traversée vers l'Europe.

Café rioté

Café au goût insolite, un peu salé, produit dans la région de Rio de Janeiro.

Café serré

Express préparé avec une dose d'eau de 3 cl ou moins. Le résultat est plus dense mais moins caféiné. La dose de 7g de café moulu pour un express reste inchangée. Aussi appelé «ristretto ».

Café naturel

Grains de café issus de la méthode "sèche" qui permet d'extraire les grains de leur fruit. Cette dernière consiste à sécher les cerises de caféier au soleil et par un ratissage permanent, conduire à un décorticage naturel.

Café turc

La préparation de café la plus courante dans tous les pays de l'ex-empire Ottoman.

Elle consiste en une décoction de café moulu très fin, le café ainsi réalisé est ensuite versé avec le marc dans la tasse.

Café viennois

Café noir nappé de crème fouettée et servi dans un verre.

Café frappé

Préparation qui consiste en une mousse fraîche de café obtenue en agitant, à l'aide d'un shaker, un express sucré avec de la glace pilée.

Café douceâtre

Une douceur trop prononcée devient alors un défaut. Douceâtre est une appréciation négative pour un café presque insipide.

Caffè americano

Express allongé traditionnellement consommé en Amérique du Nord et au Canada. Connu en France sous le nom de « café américain ».

Caffè con panna

En Italie, un express nappé de crème fouettée.

Caffè latte

Notre « café crème » version italienne.

Caffè macchiato

Une « noisette » à l'italienne sur laquelle on ajoute un nuage de mousse de lait.

Cappuccino

Célèbre recette composée d'un tiers d'expresso, d'un tiers de lait chaud et d'un tiers de lait mousseux, obtenu par la vapeur d'une machine à expresso, le tout saupoudré d'un peu de poudre de cacao.

Café doux

Café sans caractère agressif où les notes savoureuses présentes se mélangent de manière équilibrée. Cette expression est employée pour les cafés arabica lavés dits «Milds » et pour les meilleurs cafés du Brésil.

Café dur

Contraire de doux. Café qui heurte le plaisir, au goût peu harmonieux.

Café express

Issu d'une extraction à haute pression (au moins 9 bars), ce café a été inventé en Italie dans les années 40. Ce procédé donne une extraction concentrée, couverte d'une crème couleur noisette. Il se prépare généralement avec une dose de 7 grammes de café finement moulu (assemblage d'arabicas et de robustas, ou d'arabicas lavés et natures). On le sert de préférence dans une tasse de faible contenance.

Café fort

Café très corsé, qui a du corps, qui donne une impression de puissance.

Broche de café

Unité qui exprime la quantité de café vert chargé dans le torréfacteur.

Café vert

Grains ou fèves d'une seule espèce botanique des fruits du caféier, ou cerises, extraits selon plusieurs procédés connus dont celui du café lavé. Chaque année, un caféier produit environ 500 g de grains de café vert.

Crus de café

Café lié à un terroir précis. Quatre cents crus, pures origines, sont recensés dans le monde, depuis les plus simples jusqu'aux plus précieux que l'on boit purs, comme le Kona d'Hawaï et le Blue Mountain de Jamaïque.

Sortes du café

Le café arabica	Le café robusta
<i>Café vert arabica</i>	<i>Café vert robusta</i>
<i>Grain allongé</i>	<i>Grain petit et rond</i>

Types des machines à café

Machine expresso
 Machine à café automatique
 Machine à capsule
 Moulin / Broyeur à café
 Machine espresso Barista
 Machine à café de voyage
 Machine à levier

Les expressions usuelles

- **stratège en chambre** ирон.(stratège en chambre [или de brasserie, du café du Commerce])кабинетный стратег, стратег из пивной, доморощенный стратег; невежда в военных делах

Il refaisait les campagnes, il livrait des batailles, il discutait les opérations; il était de ces stratèges en chambre, pullulant dans les académies et dans les Universités, qui expliquent Austerlitz et corrigent Waterloo. (R. Rolland, Dans la maison

- **ce n'est pas ma tasse de thee**(ce n'est pas ma (ta, sa) tasse de thé [или de café]) - это не в моем (твоем и т.д.) вкусе, это не по мне

- *Vous prendrez un peu de thé avec moi? - Volontiers. Le thé, moi, ce n'est pas ma tasse de thé, tu le sais, mais le moyen de lui refuser? (San-Antonio, Après vous s'il en reste*

- **café colonial**разг. - стакан вина натошак

- **le café du Commerce** - des discussions de café de commerce — пустые разговоры, пустая болтовня о политике

- **prendre un café**арго уст.(prendre un [или son] café) - смеяться над кем-либо

vous voulez prendre le café aux dépens de qnразг. - вы хотели бы жить за чужой счет

- **c'est fort de café!**разг.(c'est (un peu) fort de café! [или de chicorée!, de tabac!]) [тж. c'est un peu fort!; c'est plus fort que le roquefort!; c'est trop fort!; elle est (bien / trop) forte celle-là!; celle-là est forte, par exemple!]) - ну, это уж слишком!, ну, это уж чересчур!

Le marquis (en costume de tennis). Nous avons joué l'honneur. Papillon. C'est trop fort! Pendant trois quarts d'heure je me démène comme un enragé, je me baisse toutes les dix secondes, j'envoie des balles au tonnerre de Dieux, je gagne!.. Oui, oui ... nous gagnons et c'est pour l'honneur! Ici, l'honneur, belle marquise, ne vaut pas un pet de lapin ... (L. Bénétière, Papillon, dit Lyonnais le Juste.)

- **lire commedanslemarcdecagé** - угадывать что-либо, ясновидеть что-либо

Ces hommes d'argent sont aussi des prophètes. Ils lisent dans le cours des changes comme dans le marc de café. "La livre baissera, mais le dollar n'est pas à son prix [...]". (R. Dorgelès, Partir

- **marcdecafé** - кофейнаягуща (длягадания)

- **moulin à café**разг. - автомат, пулемет

Lemoulin à café! Un des nôtres, écoute voir: les coups sont réguliers tandis que ceux des boches n'ont pas le même temps entre les coups; ils font: tac ... tac-tac-tac ... tac-tac ... tac ... (H. Barbusse, LeFeu

- **pausecafé**разг. - кратковременный перерыв (чтобы выпить кофе)

- **finspolitiquesdecafé**ирон. - тонкие салонные политики

Les fins politiques de café allèrent même jusqu'à prétendre qu'on avait engagé le père Landriani, l'archevêque actuel, à feindre une maladie et à prendre une démission. (Stendhal, La Chartreuse de Parme.)

- **tasse à café**арго - мопед; малолитражный мотоцикл

Предсталенную классификацию кофеологической лексики можно использовать не только в рамках лингвистических исследований, но и на занятиях по французскому языку.

Список использованных источников:

1. <http://www.cafecharlesdanican.com/le-dictionnaire-de-la-cafeologie.html> (датаобращения 18.02.2016)
2. <http://www.doctissimo.fr/html/nutrition/dossiers/cafe/14388-lexique-cafe.htm> (датаобращения 18.02.2016)
3. <http://www.terresdecafe.com/content/35-le-lexique-cafe> (датаобращения 18.02.2016)
4. <http://www.coffee-webstore.com/content/18-lexique-cafe>(датаобращения 18.02.2016)
5. <http://www.darboven.fr/nos-metiers/le-cafe/article/le-lexique-du-cafe> (датаобращения 18.02.2016)
6. <http://www.illy.com/wps/wcm/connect/fr/cafe/cafe-turc> (датаобращения 18.02.2016)

БЕЛЯЕВА Нина Геннадьевна,
старший преподаватель

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Межкультурная коммуникация и вызовы современного времени

Появление дисциплины «Межкультурная коммуникация» в сетке часов вузов имело большое положительное значение для студентов многих специальностей в связи с глобализацией и возможностью работать в международных компаниях. Даже дисциплина «Иностранный язык» в школах даёт представление не только о чужом языке, но и знакомит с другой культурой, ментальностью, нравами и традициями.

В настоящее время большое число людей участвует в международных политических, экономических и профессиональных организациях, международных форумах и конференциях, работают в многонациональных компаниях, обучаются за рубежом, путешествуют по всему миру. Для того чтобы поддерживать эти разнообразные и многоуровневые контакты и формы общения, необходимо знание не только соответствующего языка, но также норм и правил иноязычной культуры, психологии и истории своих партнёров.

Наконец, требуется знание самого процесса общения, чтобы прогнозировать возможности неверного понимания и избежать его.

Человек, общаясь с представителями других культур, чаще всего не может предсказать их поведение. При этом основная цель коммуникации заключается в том, чтобы понять смысл каждого конкретного поступка партнёра по общению, но этот смысл не всегда лежит на поверхности, зачастую он скрыт в традиционных представлениях о нормальном и ненормальном поведении.

В процессе межкультурной коммуникации один партнёр воспринимает другого вместе с его действиями и через действия. Современная система образования располагает широким выбором различных способов и методов обучения межкультурной коммуникации. Однако вызовы в политике и экономике последних лет показывают совершенно ясно, что желание договориться с другой стороной даже на дипломатическом уровне, учитывающем межкультурные аспекты в полной мере, почти невозможно, т.к. в первую очередь важны интересы каждого конкретного государства, но не многих заинтересованных сторон.

Можно ли сегодня наверняка утверждать, что с помощью всех этих знаний легче адаптироваться нашим выпускникам в интернациональных фирмах или трудиться за границей? Из опыта моего общения с некоторыми из них я этого подтвердить не могу и на 50%.

Понятно, что взаимоотношения даже в семье бывают очень сложны, т.к. без определённых трений никогда не обойтись. Что уж говорить о представителях разных народов, носителях разных языков и культур?! Как бы хорошо не стремишься понять чужой менталитет, отлично владея другим языком, люди относятся с настороженностью и не всегда стараются не придерживаясь стереотипов.

Например, один из моих студентов дистанционного факультета много лет работает в магазине «Декатлон» и уверяет, что постоянно ощущает себя «человеком второго сорта», и не он один, но и многие его российские коллеги. Не думаю, что можно рассуждать о каких-то комплексах. Я сама, часто находясь на отдыхе за границей, каждый раз убеждалась (и мои знакомые, друзья, родственники), что к россиянам почти все иностранцы относятся предвзято.

Исторически так сложилось, что мы для них всегда чужие, а события последних лет ясно показывают, что ни о каком сближении нашей страны с западными державами нет и речи. Конечно, на этом уровне действуют законы дипломатии, но именно из неё вышла межкультурная коммуникация в моём понимании. Нельзя отрицать, что нашим студентам нет пользы от знаний по этой дисциплине, но складывается ощущение, что только мы пытаемся уважать понимать иностранцев, но не они нас.

БЕССМЕРТНАЯ Жанна Дмитриевна

кандидат педагогических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Этапы развития обратной связи в процессе обучения иностранному языку.

В современном языковом образовании главное внимание уделяется процессу формирования и развития коммуникативной личности. Личность должна формировать и развивать компетенции коммуникации, которые включают в себя знания, умения, навыки и способы деятельности. Компетенция может сформироваться только на основе взаимодействия трех процессов: мышления, коммуникации (общения) и деятельности (взаимодействия), т.е. способность человека эффективно взаимодействовать с другими людьми.

Как указывает А.Н. Леонтьев, личностью человек становится только в процессе активного взаимодействия и коммуникации с другими представителями социума. Лишь активная коммуникация при наличии обратной связи обеспечит успешность деятельности. Умение использовать обратную связь в общении является одним из важнейших моментов, входящих в структуру коммуникативных способностей человека. Не установив обратной связи с собеседником, можно ошибочно предположить, что он правильно понял сказанное. Поэтому, в процессе обучения обратная связь играет важную роль, т.е. информация, которая поступает от студента к преподавателю, отражает сведения о ходе обучения, затруднениях и достижениях в овладении знаниями, развитии умений и навыков, познавательных и иных способностей, качеств личности в целом.

Взаимодействие преподавателя и студентов в процессе обучения строится поэтапно:

Первый этап. Вступление в контакт с установкой на диалог.

На этом этапе важная роль преподавателя направлена на взаимодействие со студентами. Необходимо помнить, что преподавателю нельзя показывать свой недовольный взгляд с использованием нервных движений и раздражительного тона, т.к. при этом происходит переход психических состояний от преподавателя студентам, что не создаёт условий для успешного взаимодействия. Эмоциональный позитивный настрой преподавателя является важной составляющей для получения эффективной обратной связи. Искусство преподавателя быть интересным, понятным, тактичным рождает мотивирующие возможности у студентов в процессе обучения.

Второй этап. Понимание ситуации взаимодействия.

Этот этап включает умение преподавателя ориентироваться в обстановке, т.е. его умение разбираться в особенностях личности студента, манере держаться, уровне воспитания и эрудиции, круге интересов и т.д. При этом преподавателю важно соблюдать сдержанность, доброжелательность и помнить, что жесты, мимика и слова успокаивают и дисциплинируют студентов.

Третий этап. Этап взаимодействия.

На этом этапе происходит поддержание контакта и создание плодотворной почвы для сотрудничества, где каждый студент испытывает желание высказаться, принять активное участие в разговоре. Студентам, которые игнорируют участие в диалоге, целесообразно поручить задание: следить за речью студентов, записывать ошибки, тем самым повлиять на эмоциональное состояние студентов и их настроение и направить их негатив в положительное русло.

При взаимодействии со студентами, преподавателю необходимо применять технику общения, заключающуюся в следующем:

- владеть своим настроением
- быть открытым и коммуникабельным
- быть терпеливым, без напряжения и нервозности реагировать на любое проявление личности
- при общении с одним студентом не терять из виду остальных
- разговаривать самого некоммуникабельного студента
- управлять инициативой во время диалога

Четвертый этап. Завершение контакта.

Преподавателю необходимо завершить контакт так, чтобы у всех появилось желание встретиться снова. Для этого используются положительные стимулы, такие как благодарность за активность на занятиях, за творческий подход, похвала, подбор интересного самостоятельного задания и другие стимулы, стимулирующие потребность студента продолжать обучение. Положительные воздействия лучше влияют, когда они применяются в присутствии группы студентов, отрицательные должны применяться в индивидуальных беседах. Положительные взаимоотношения должны строиться на основе доверия, подлинного уважения к личности обучаемых.

Обратная связь важна на всех четырех этапах коммуникации. Процесс обучения не будет давать результатов, если не будут выполняться следующие 2 условия: для обучаемого – возможность задавать вопросы, а для обучающего – возможность выяснить, как обучаемый понимает материал. Без информации о состоянии обучаемых, т.е. при отсутствии обратной связи невозможно грамотно управлять учебным процессом. Без систематической работы студентов, которую трудно представить без стимулирования (оценки), нельзя сформировать навыки и умения. Без информации, позволяющей оценить то, что сделано, обучение не состоится. Умение преподавателя использовать обратную связь в процессе обучения, в частности, обучения иностранным языкам, считается одним из важнейших элементов, входящих в процесс обучения.

Список использованных источников:

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.– М.: Смысл: Академия, 2005.
2. Иностр. языки в школе. – 2011. - №10. – С. 11-18
3. Иностр. языки в школе. – 2013. - №5. – С. 3-21

4. Иностр. языки в школе. – 2015. - №1. – С. 19-33

5. Иностр. языки в школе. – 2015. - №5.

БОГОВСКАЯ Ирина Вячеславовна

кандидат педагогических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Кросскультурная грамотность учителя иностранного языка в ценностной парадигме образования

Вызовы XXI века, требующие нестандартных подходов к решению возникающих проблем, глобальные изменения, с которыми сталкивается человечество, оказывают непосредственное влияние на состояние сферы образования. Исключительную важность при этом приобретает проблема исторической преемственности и сохранения национально-культурной идентичности подрастающего поколения. Расширение и углубление международных контактов в различных сферах общественно-политической и экономической жизни актуализируют значимость кросскультурной грамотности учителя иностранного языка в условиях все более тесного взаимодействия национальных культур, этнического и языкового многообразия мирового сообщества.

В этой связи предъявляются новые требования к профессиональной подготовке учителя иностранного языка. Усиление культуроведческого аспекта содержания обучения, его социокультурной направленности предполагает расширение объема лингвострановедческих и страноведческих знаний, развитие умений и навыков адекватного использования языковых средств и правил речевого и неречевого поведения согласно ценностным ориентациям инофонтов, их традициям и обычаям, стилю жизни и социокультурным стереотипам. В официальных документах государственного и международного уровней отмечается, что «жизнеспособность и эффективность любой цивилизации обусловлены привлекательностью, которая ее культура имеет для других стран» [6, с. 50].

Формирование вторичной языковой личности, способной к межкультурной коммуникации, к продуктивному межкультурному взаимодействию с представителями иной нации через взаимоуважение, толерантность и культурную сензитивность – важнейшая задача современного языкового образования.

В трудах по языкознанию и культурологии Э. Сепир пишет, что «язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [3, с. 185]. В языке отражается общественное самосознание народа, его моральные ценности, поэтому одни и те же факты социальной реальности могут приобретать в различных культурах разные коннотативные и денотативные значения.

В этой связи следует отметить, что «культура» относится к одному из фундаментальных понятий и дефинируется И.А. Зимней как

воспроизводящаяся при смене поколений система «образцов поведения, сознания людей, а также предметов и явлений в жизни общества», причем, как отмечает автор, содержанием образования является вся культура человечества: исторические традиции, ценностные ориентации, научные знания, искусство, система деятельности, язык [2, с. 71].

Таким образом, образование следует рассматривать в подлинно гуманистическом смысле как социальный институт, обеспечивающий успешную социализацию личности, стимулирующий расширение ее индивидуальных возможностей и достижений, наследование, освоение и воспроизводство культурных ценностей в процессе личностного приобщения индивида к культурным ценностям. При этом в силу своей культуросообразности образование, как пишет И.А. Зимняя, объединяет обучение и воспитание «как интернационализацию тех социокультурных ценностей, которые разделяются его членами» [2, с. 48]. Следовательно, содержанием иноязычного образования, является приобщение обучающихся к социальной, духовной, предметной и интеллектуальной культуре инофонов с целью «выращивания» их личностного потенциала [2].

Ценностные категории – нормы, идеалы, традиции, морально-нравственные правила, определяющие социокультурные отношения индивидов, субъективно осознаются и переживаются личностью в ходе взаимодействия личности и общества, личности и культуры как механизма передачи опыта поколений. В процессе изучения иностранного языка происходит формирование духовного человека, как представителя определенно этноса, обладающего устойчивыми ориентирами, способного к постижению системы ценностей другого народа, к обогащению культурного наследия своей страны, когда, по мнению Е.И. Пассова, иноязычная культура выполняет познавательную, развивающую, воспитательную и обучающую функции. [4]. Именно «культура вооружает личность умением постигать причины, тенденции социальных преобразований, помогает целенаправленно и эффективно в них участвовать путем самореализации сущностных сил и способностей» [4, с. 11].

Осознание культурно-национальной идентичности, как сложнейшего феномена, отражающего языковую картину мира, систему взглядов и мировосприятия инофонов, как пишет И.И. Халеева, обусловлено последовательным и поэтапным построением «в когнитивной системе реципиента (обучаемого) вторичных когнитивных конструкций - знаний, которые соотносились бы со знаниями о мире говорящего (представителя иной социокультурной общности)» [5, с. 34].

Термин «кросскультурность» в переводе с английского языка означает «пересечение культур». Кросскультурное взаимодействие в условиях современного языкового плюрализма – это диалог идеологий и культур, способствующий взаимообогащению и более точному осознанию культурной идентичности участников коммуникации. Кросскультурная коммуникация, как общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам всегда происходит на пересечении культур, причем все участники коммуникации осознают, что каждый из них принадлежит к иной культуре.

Изучение того, как социокультурные и поведенческие особенности носителей различных культур влияют на межкультурную коммуникацию, позволяет осознать своеобразие кросскультурного взаимодействия, обусловленное взаимопроникновением языков и культур. Данная позиция восходит к воззрениям М.М. Бахтина, трактовавшего диалогическое единство сознания и слова как залог существования и развития культуры.

Одним из первых взаимосвязь культуры и процессов коммуникации убедительно показал Э. Холл, доказав, что коммуникация – это культура, а культура – это коммуникация, приведя аналогию с изучением иностранных языков при помощи грамматических категорий. Э. Холл и его последователи обосновали тезис о необходимости обучения культуре иноязычного общения, успешность которого зависит от знания специфики коммуникативного поведения и особенностей конкретной культуры, от владения коммуникантами практическими навыками межличностного общения – кросскультурного взаимодействия. Нам импонирует точка зрения Н.Н. Алиевой, которая, рассматривая кросскультурность в лингвистическом и лингводидактическом аспектах, трактует данный феномен как «область научного знания о языке, о формировании языковой парадигмы личности в условиях поликультурного мира, взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры», «как новый способ мировосприятия, мироотношения и формирующийся на этом основании новый подход к образованию» [1, с. 11-12].

Кросскультурная грамотность предполагает не только владение фонетической и лексико-грамматической системой изучаемого языка, обеспечивающей взаимопонимание представителей лингвокультурных сообществ, но и знание, понимание и признание культурной идентичности, особенностей менталитета, национальной специфики, правил этикета, религиозных особенностей, традиций, обычаев, привычек, правил и норм поведения, культуры быта и общения, образа жизни разноязычных и разнокультурных коммуникантов.

Таким образом, овладение кросскультурной грамотностью приобретает особую значимость в процессе профессиональной подготовки учителя иностранного языка, осознания им уникальности реалий культурно-исторического процесса, диахронических и синхронических отношений поликультурного мира, когда существенно возрастает роль языкового образования как полилогического способа осмысления целостной картины окружающей действительности, духовных, культурных и нравственных ценностей в их национальном и общечеловеческом понимании.

Современное языковое образование призвано обеспечить формирование ценностных ориентаций, ценностного отношения и ценностного поведения личности в процессе межкультурного взаимодействия, приобщения ее к кросскультурным, общегуманитарным ценностям с учетом уникальности национальных культур в поликультурной реальности. Наследование, сохранение и распространение культурных ценностей, толерантное отношение к другим народам, уважение национальной идентичности создает благоприятные условия для развития языковых систем, поддержания и

сохранения культурно-языкового многообразия в современном поликультурном обществе.

Список использованных источников:

1. Алиева Н.Н. Кросскультурность как методология изучения второго языка в современной лингводидактике / Н.Н. Алиева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2007. - Т. 7. - № 28. - С. 7-13.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. - Воронеж: МОДЭК, 2010. - 447 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. - 656 с.
4. Пассов Е.И. Мастерство и личность учителя: на примере преподавания иностранного языка / Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев, Н.Е. Кузовлева, В.Б. Царькова. - М.: Флинта, 2001. - 240 с.
5. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И.И. Халеева. - М.: Высш. шк., 1989. - 236 с.
6. Харченко Л.Н. Инновационная деятельность в современном университете: нормативно-правовые документы / Л.Н. Харченко. - М.: Директ-Медиа, 2014. - 304 с.

БОЙЧУК Елена Игоревна

кандидат филологических наук, доцент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Грамматика ритма (исследование на материале французского языка)

Исследование ритма имеет одну яркую особенность: чем глубже проникаешь в проблему ритмических изменений устной или письменной речи, тем больше возникает вопросов и загадок. Известно, что ритм проявляется на различных языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом. Это подтверждается большим количеством исследований в рамках того или иного языкового уровня. Одни лингвисты рассматривают явление ритма исключительно как фонетический процесс [1; 3 и др.]. Другие наряду с фонетическим аспектом, который, безусловно, является наиболее значимым в процессе ритмизации (особенно для изучения устной речи), рассматривают иные аспекты образования ритма. Это связано с тем, что ритм не является принадлежностью только звучащего текста, он заложен в его письменной форме и предопределен его лексическим составом, синтаксическим строем, а также стилистическими и композиционными особенностями текста [2; 4; 5; 6; 7 и др.].

На основе проведенного анализа существующих теорий, можно сделать вывод о том, что ключевым средством образования ритма на всех уровнях его реализации является **повтор**. Представляя собой **структуру**, включающую **исходный элемент** и **повторяющиеся элементы**, повтор реализуется через просодические и фоностилистические средства, стилистические фигуры, словообразовательные средства, синтаксические конструкции. В данной статье предложена классификация ритмических средств на грамматическом уровне, а

их употребление иллюстрировано примерами из произведений современных французских авторов.

На грамматическом уровне целесообразно выделять морфологические и синтаксические средства ритмизации. В качестве **морфологических** средств повтор содержат *деривация* и *полипитон*. **Синтаксические средства** ритмизации нами объединены в следующие группы:

- 1) *лексическая, синтаксическая анафора, эпифора, симплога, анадиплозис, редупликация* – средства, занимающие позицию в начале или в конце предложения или частей сложного предложения, а также на стыке частей предложения;
- 2) *хиазм*– средство, элементы которого располагаются перекрестно;
- 3) *однородные члены, цепное нанизывание предложений, многосоюзие, бессоюзие* – последовательность элементов ритмической структуры, сопровождающаяся перечислительной интонацией;
- 4) *синтаксический параллелизм*– синтаксическая конструкция, представляющая собой следование подряд нескольких структурно идентичных конструкций;
- 5) *последовательность вопросительных, побудительных, восклицательных (повествовательных, вопросительных, побудительных) предложений, апозиопеза*;
- 6) *эпаналепсис, градационный повтор, восходящая и нисходящая градации, антиэллипс, мимезис, пситтацизм* - средства, в которых помимо позиции важную роль для ритма играет семантика.

Основным стилистическим предназначением данных средств является сообщение определенной информации посредством повтора лексем. В качестве основной предметно-логической информации следует рассматривать выделение главной идеи или темы текста, обеспечение внутритекстовых и внетекстовых связей; восприятие дополнительной информации обеспечивается, прежде всего, определенной степенью эмоциональности текста. Согласно классификации стилистических фигур, предложенных К. Фромилаг, перечисленные выше средства в большинстве своем представляют собой определенную степень трансформации смысла (*les détournements de sens*) [6, p. 184].

Наиболее высокая степень ритмизации обеспечивается: 1) наличием нескольких повторяющихся элементов, 2) наименьшим расстоянием между исходным и повторяющимися элементами, 3) высокой частотностью употребления в материале текста. Приведем примеры некоторых из перечисленных средств создания ритма на грамматическом уровне.

Употребление **однородных членов предложения** имеет определенную специфику в рамках анализа ритмики текста. Исследование показало, что наиболее продуктивными с точки зрения ритмики являются конструкции, включающие два и более однородных члена, соединенных между собой как союзной, так и бессоюзной связью. Основным критерием выделения данных типов связи является возможность включения в структуру неограниченного количества компонентов с небольшим слоговым объемом, что на фоне интонационного единства (перечислительной интонации) усиливает восприятие

ритмического повтора: *Tenez, ilyadesescalopes, despâtesfraîches, deschampignons, delacrème.* (A. Nothomb «Lefaitduprince», p. 66).

Необходимо отметить, что наибольшую степень ритмизации создают неосложненные однородные члены с бессоюзной связью. Следует подчеркнуть важность определения удаленности однородных членов друг от друга: чем короче дистанция между «повторяющимися» элементами конструкции, тем выше степень ритмизации. Кроме того, большое значение имеет употребление разделительных союзов: *ni...ni, soit...soit, tantôt...tantôt*, структура которых усиливает повтор: *Niseslèvres, nisesyeux, nisachevelureendésordrecesoir, nisesmains écartées, ouvertesrelâchéesdansl'allégressedelapromessed'unbonheurtrèsproche, neprouventqu'ilssontsortisdèscesoirdel'observationsilencieusedelapromessedecebonheurprochain* (M. Duras «Dixheuresetdemiedusoiren été», p. 18).

В зависимости от средства элементы повтора могут находиться в начальной, конечной, срединной, контактной, неконтактной, перекрестнойпозициях в рамках определенной ритмической единицы: *Certainsdébouchentsurleschampsdeblé. Certains sur la perspective de l'avenue qui coupe la place. <...>Certains autres aboutissent à des balcons qui surplombent les toits de la ville.* (M. Duras «Dix heures et demie du soir en été», p. 23.) (**анафора**);

Vous buvez toujours de cette façon?

Ça dépend, dit-elle, plus ou moins, oui, à peu près toujours de cette façon. (M. Duras «Dix heures et demie du soir en été», p. 12) (**эпифора**); *«Ils commencèrent avec le voisin de Nova, <...>. Ils commencèrent plusieurs fois ce manège sur le même sujet, <...>»* (P. Boule «La planète des singes», p.32) (**синтаксическаяанафора**)ит.д.

Для некоторых средств в большей степени важна позиция элементов по отношению друг к другу: анадиплозис, градация, эпаналепсис и др.: *J'aivusonvisage. La ressemblance de ce visage avec celui de ma mère était si frappante que j'ai pensé que c'était elle.* (P. Modiano «La Petite Bijou», p. 9) (**эпаналепсис** - позициячерезпромежуточныеэлементы); *Allons-nous passer notre temps à boire?- A boire de l'excellent champagne: il n'y a pas de meilleure occupation.* (A. Nothomb «Lefaitduprince», p. 125) (**анадиплозис** - позиция на стыке предложений).

При употреблении грамматических средств ритмизации наиболее явно прослеживается взаимосвязь позиции и семантики элементов, их значимость для смысла предложения или другой ритмической единицы. Так, например, в двух последних примерах повтор имеет следующий смысл: лексема *visage*повторяется дважды с тем, чтобы подчеркнуть важность, необходимость увидеть это лицо, похожее на лицо дорогого человека - мамы. В этом повторе есть некая суетливость и стремление не упустить возможность еще раз его увидеть. Во втором примере повтор на стыке реплик в диалогической речи звучит как стремление подхватить мысль и продолжить ее с некоторым уточнением: не просто пить, а пить отличное шампанское.

Описанные наблюдения приводят также к мысли о том, что употребление ритмических средств на грамматическом уровне очень тесно связано с таким

понятием как визуальный ритм текста. Однако здесь также нельзя умалчивать и о значимой роли пунктуации, которая непосредственно связана с графикой текста и его визуальным восприятием. Именно на грамматическом уровне через употребление описанных выше средств «в сопровождении» пунктуации наблюдается определенное наращение смысла, его развитие. Полученный вывод открывает перспективы дальнейших исследований ритма, в частности его семантики, смыслового предназначения, его необходимости для понимания текста.

Список использованных источников:

1. Антипова А. М. Ритм как компонент интонации / А. М. Антипова // Интонация; под ред. Ю. А. Жлуктенко, Л. Р. Зиндера. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 206-217.
2. Афонина И. А. Статистические параметры трансляции ритмико-фонетических особенностей французской речи при переводе на русский язык / И. А. Афонина : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Афонина Ирина Александровна. – Тюмень, 2008. – 235 с.
3. Барышникова К. К. Об экспериментально-фонетических исследованиях просодических характеристик речи / К. К. Барышникова // Всесоюзная научная конференция «Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи». – Минск: Минский государственный педагогический институт иностранных языков, 1973. – С. 42 – 53.
4. Иванова - Лукьянова Г. Н. О ритме прозы / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Уч. зап. МГПИ им. В.И.Ленина, – М., 1968. – № 292. – С. 37-49.
5. Шишкина, Т. Н. К вопросу о ритмическом построении речи : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шишкина Татьяна Николаевна.– М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1974. – 178 с.
6. Fromilhague С. Introduction à l'analyse stylistique / С. Fromilhague, А. Sancier-Chateau.– Р. : Dunod, 1996. – 273 р.
7. Meschonnic Н. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage / Н. Meschonnic. – Lagrasse, Verdier : coll. «VerdierPoche», 2009. – 736 р.

ВЛАСОВА Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

Смоленский государственный университет

Межстилевые характеристики грамматического тропа

О путеводной значимости грамматических форм и об их подчас большей значимости, чем у тропов лексических, в поэтическом тексте говорил ещё Р. Якобсон в своей знаменитой статье «Поэтика грамматики и грамматика поэзии» [12]. Эти идеи развивались многими исследователями XX века и привели к созданию грамматической стилистики, концепции «грамматики поэзии», психологизма в грамматике и других направлений лингвистической мысли: [2, 3, 4, 8].

Отступление от грамматической нормы есть способ актуализации грамматических компонентов языка в речи, и связано оно с проникновением в

грамматическую специфику слова. Поэтому в исследованиях последних лет всё более осязаем интерес к соотношению стандарта и творчества в грамматике. В работах многих выдающихся лингвистов показано, что «осознавание» грамматических смыслов в процессе их актуализации не только возможно, но и разнообразно и продуктивно [5, с. 31].

Перенос (транспозиция) одной грамматической формы/категории из одной среды в другую при создании стилистического эффекта именуется исследователями *грамматическим тропом* [7, 9], или *грамматической метафорой* [1, 10, 13]. Грамматической формой, которая подвергается переосмыслению, в зависимости от грамматического строя языка может быть категория числа, рода существительных, вида, времени глагола, формы компаратива прилагательного и т.д.

Е.И. Шендельс считала разновидностью грамматического тропа не только «фигуру транспозиции», но и так называемый лексико-грамматический оксюморон – приём, основанный на «несовместимости грамматических сем формы с лексическими семами того слова, которое выступает в данной форме» [11, с. 160]. Так, понятие грамматического тропа включает в себя целый спектр разнообразных языковых явлений, каждое из которых имеет свой механизм и специфику образования. Наиболее полного и детального описания грамматических тропов до сих пор не существует.

Исследования показывают, что фундаментальной основой грамматического тропа является асимметрия: прежде всего асимметрия языкового знака (наличие лакун в грамматической парадигме) и, с другой стороны, асимметрия языковой системы в целом (напр., асимметрия категорий рода или вида).

Общность характеристик грамматического тропа следует искать не только в формальных его чертах, но и в его актуализации в разных речевых сферах и жанрах. Усиление личностного, творческого начала, характерное для современной эпохи, проявляется часто как экспериментирование с языком и как осознанное преодоление нормы в прозе и поэзии модернизма и постмодернизма [5, с. 30]. И в прозаических, и в поэтических произведениях XX-XXI вв. грамматический троп реализует свой стилистический потенциал неоднозначно: от точечного эффекта остановки времени при употреблении *Presenshistoricum* в контексте прошедших времён до эффектных каламбуров. Так, каскад окказионализмов в стихах Ремона Кено, с одной стороны, имеет явно выраженный суггестивный эффект и служит организующей скрепой всего текста, а с другой – выполняет людическую функцию:

Bon dieu de bon dieu que j'ai envie d'écrire un petit poème / Tiens en voilà justement un qui passe / petit petit petit / viens ici que je t'enfile / sur le fil du collier de mes autres poèmes / viens ici que je t'enrapouète / et que je t'enrime / et que je t'enlyre ... (R. Queneau)

Вариативность грамматических форм возрастает в речевых сферах и жанрах, связанных с прямым воздействием на адресата. Например, в рекламных слоганах «Avec Carrefour, je positive!» (реклама гипермаркета Carrefour), «On reblochonnet on se détend» (реклама сыра Reblochon de Savoie), употребление

оказиональных транспонированных форм *positiver* и *reblochonner* в крайне малом контексте позволяют поддерживать главную функцию рекламы – конативную. Удачно вписываясь в рекламную языковую парадигму, грамматические тропы здесь прагматически оправданны и выступают эффективным средством привлечения внимания реципиента и гарантированного воздействия на аудиторию.

Грамматический троп абсолютно естественно вписывается в тексты короткого объёма – ходячие шутки, остроты, анекдоты. Так, намеренное сближение дистантных паронимов (в терминологии И.Н. Кузнецовой), благодаря которому возникает языковая игра, встречаем в школьной шутке: *L'examineur: qu'est-ce qu'une voyelle? / L'élève: c'est la femelle d'un voyou.*

Асимметрия форм грамматического рода обыгрывается и в жанре парасловаря. Это могут быть простые рефлексивные денотации неологизмов женского рода, нормативными словарями ещё не зафиксированные, но имеющиеся в узусе: **Auteure ou autrice** – *noms féminins tributaires de la mode née au Québec en Suisse, voici quelques décennies, et qui s'imposent partout à la langue française.* (Nicole Malinconi. *Petit abécédair des mots détournés*); либо грамматические окказионализмы встраиваются в сложную игру грамматическими и лексическими значениями: **Crépuscule** – *technicien en charge du rideau. Quand il le referme, c'est un tombé de nuit; quand il l'ouvre, c'est un enlevé de nuit; quand il s'emmêle les pédales... c'est une éclipse!* (Jacques Dor. *Le dictionnaire de la langue à moi.*) Лексема *tombé* мужского рода, существующая в языке со значением «упавший», имплицитно противопоставлена слову женского рода *tombé de nuit* («наступление темноты»). Второй окказионализм *enlevé de nuit* образован по аналогии с первым, но значение его прочитывается благодаря синтаксической связанности со словом *rideau* («занавес»): *enlever le rideau* – поднимать занавес.

В минимальном текстовом пространстве телеграммы её автор может позволить себе оставаться неординарным, подчёркнуто играть грамматическими формами: «*Деньгов совсем мало*» (телеграмма В. Маяковского Лиле Брик). Эффект «гиперэкспрессивной индивидуальности» возникает и от использования грамматического тропа в эпистолярном стиле: «*Наконец я получил твои письма. Зарадовался страшно*» (из писем В. Маяковского к Лиле Брик) [5, с. 66, 69].

Грамматическая креативность присуща даже социолектам. Так, Т.И. Ретинская отмечает, что некоторые глаголы французского студенческого аргю, образованные путём верланизации, реверланизации, псевдоверланизации или верланизации заимствованных форм, теряют флективные признаки глагола и вовсе лишаются глагольной парадигмы. В качестве примера приведём *géran* (от *ranger*), *goleri* (от *rigoler*), *quénar* (от *arnaquer*), *nesbi* (от англ. *business*) [6, с. 104].

Таким образом, можно констатировать, что грамматический троп свободно пересекает границы разных стилей и речевых сфер. Вместе с тем стремление к намеренному отступлению от грамматической нормы, равно как и образующийся при этом экспрессивный эффект, нарастает в «нетривиальных»

жанрах (эпистолярный жанр, текст телеграммы) либо в текстах, ориентированных на языковую игру (парасловарь, текст ходячей шутки, рекламного слогана, пародии и др.). Именно в этих типах текста создаются условия для пересечения узуса, нормы и языковой системы.

Грамматическому тропу присущи архитектурная и композиционная функции. Некоторые типы грамматических тропов выступают и в приёмоактуализирующей функции, поддерживая экспрессивную силу тропов лексических: градации, метафоры, сравнения. Основная функция грамматических тропов – людическая. В тексте грамматические тропы способны вступать в конвергентные отношения с другими стилистическими фигурами, усиливая его общую каламбурную направленность.

Даже небольшое исследование текстов, содержащих грамматические тропы, позволяет сказать, что исследуемая нами фигура всегда интенциональна и способна маркировать индивидуальный стиль.

Список использованных источников:

1. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях. / Э.М. Береговская. -М.: ЛИБРОКОМ, 2011. - 232 с.
2. Ионова И.А. Морфология поэтической речи. / И.А. Ионова. - Кишинёв: Штиинца, 1988. - 164 с.
3. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. / Б.Ю. Норман. 2-е изд. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 344 с.
4. Пиотровский Р.Г. Очерки по грамматической стилистике французского языка. / Р.Г. Пиотровский.- М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. - 200 с.
5. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. / Е.Н. Ремчукова. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - 224 с.
6. Ретинская Т.И. Отсутствие флективных признаков глагола как один из специфических механизмов словообразования во французском студенческом аргю // Романские языки и культуры: история и современность. Тезисы докладов российской научной конференции (Москва, Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 17-19 декабря 2003 г.). - М.: МАКС Пресс. - С. 103-104.
7. Сковородников А.П. Грамматический троп / А.П. Сковородников// Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. - М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 142-145.
8. Фирсова Н.М. Избранные труды. Актуальные проблемы грамматической стилистики и разговорной речи испанского языка./ Н.М. Фирсова. - М.: РУДН, 2009. Том I. - 641 с.
9. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. / Г.Г. Хазагеров. -М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
10. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора// Филологические науки. 1972.№ 3. - С. 51-56.

11. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Горького. Вып. 73. - М., 1973. С. 160-165.
12. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии// Семиотика. - М.: Радуга, 1983. С. 462 – 482.
- Oksaar E. Zur Frage der grammatischen Metapher // Festschrift für Hugo Moser zum 60. Geburtstag am 19. Juni 1969. - Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann. – p. 131-145.

ГЛАДКИХ Марина Викторовна
аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Лингвистическое изучение обращенности устной речи на рубеже XX и XXI веков

В современной научной литературе, посвященной изучению процесса речепорождения, встречаются три смежные характеристики речи: *диалогичность*, *адресованность* и *обращенность*.

Диалогичность и *адресованность* рассматриваются как фундаментальные свойства человеческой речи (М.М.Бахтин), которые заключаются в наличии автора речевого произведения (адресанта), получателя сообщения (адресата) и самого вектора направленности, цели сообщения [3].

В процессе речепорождения (как письменного, так и устного) выделяют два речевых плана: *референтный*, в рамках которого говорящий сообщает «объективную» информацию, и *интерактивный*, выражением которого является постоянное взаимодействие адресанта сообщения с адресатом. Интерактивная деятельность регулируется *интровертной* и *экстравертной* речевыми стратегиями, ассиметрично представленными в устных и письменных речевых произведениях [2].

В устной речи *интровертная* стратегия является проекцией адресанта в его речевом произведении, выражающейся в произвольной вербализации испытываемых в процессе речепорождения трудностей, самоперебивах, субъективной пунктуации.

Экстравертная функция заключается в ориентированности речи на адресата, прогнозировании его реакции, поддержании внимания и контакта, что соответствует понятию *обращенности речи* в работах Н.П.Вольвак, Т.А.Митрофановой, которые определяют обращенность как некий прагматический вектор, регулирующий процесс развертывания адресантом своего речевого произведения в зависимости от целей и ситуации общения, а также определяющий выбор и использование языковых и кинесических средств.

Некоторые исследователи (А.В.Полонский) выделяют «адресатность» речи в особую грамматическую категорию, обладающую своими средствами выражения (просодическими, синтаксическими, лексическими).

Отсутствие единства в терминологии, разные подходы к определению понятия свидетельствуют о многоаспектности и сложности явления *обращенности речи*, которое невозможно описать односторонне. Особый интерес для нас представляет проблема выбора фонетических средств для

реализации экстравертной речевой стратегии, поэтому целью нашего пилотного эксперимента является выявление связи между параметрами обращенности устной речи и вариативностью фонетических характеристик французской речи в зависимости от ситуации речепорождения.

История изучения *обращенности устной речи* начинается в Древней Греции (V в. до н.э) в рамках становления теории ораторского искусства или риторики.

Аристотель, описывая законы построения «убедительной» речи, приходит к выводу, что она должна быть прежде всего «удобопонимаема» для слушающего: для достижения цели оратор должен учитывать особенности своей аудитории (возраст, пол, политические и этические взгляды), а также помогать, вести ее голосом, интонацией, ритмом [1].

Более детальную разработку понятия *обращенной речи* дает отечественный реформатор театра, К.С.Станиславский, создавший систему упражнений, главная цель которых – сделать сценическую речь актера понятной для всех в большом помещении, легко воспринимаемой на расстоянии. Обращенная в зал речь должна отличаться четкостью артикуляции, выдержанностью «темпа-ритма», насыщенным звуком [4].

В 60-е гг. XX века хорошо поставленная *обращенная речь* становится неотъемлемым элементом профессиональной компетенции преподавателей и переводчиков. Методические пособия по фонетике этого периода, предназначенные для будущих лингвистов, содержат комплексы упражнений для постановки дикции, дыхания, голоса, рекомендации по технике речи.

Однако к концу XX века меняются физические условия реализации обращенной речи: для сопровождения публичных выступлений все чаще используется микрофон. Таким образом, исчезает удаленный получатель речевого сообщения, необходимость преодолевать пространственный барьер, а «линия звучания» существенно сокращается [4]. Зачастую говорящий испытывает дискомфорт от преобразованного звука собственного голоса, страха технологических неполадок, от необходимости обращаться к прибору, который является искусственным посредником между выступающим и аудиторией. Все эти факторы оказывают влияние не только на четкость артикуляции, но и на культуру речи в целом.

Вышеописанные положения легли в основу отбора корпуса для экспериментально-фонетического исследования обращенности устной речи, позволили нам разработать критерии, которым должна соответствовать монологическая публичная речь. Материалом для пилотного эксперимента послужат выступления участников 21 Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по вопросам изменения климата в Париже (доклады, интервью и дебаты на французском языке).

Список использованных источников:

1. Аристотель. Риторика // Античные риторики / Собр. текстов, коммент. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. Пер. Н. Платоновой. М., 1978.
2. Бубнова Г.И. Влияние канала порождения на реализацию дискурсивных стратегий // Новые технологии в филологическом образовании. Якутск, 2002,

с.8-19.

3. Митрофанова Т.А. Средства имплицитной передачи обращенности в различных сферах человеческого общения //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №. 12, с.192-198.

4.Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Искусство, 1990. Т. 3. 508 с.

ГОСТЕМИЛОВА Наталия Александровна,
кандидат филологических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Избыточное употребление диминутивов в разговорной речи современных мексиканцев

Обзор лингвистической литературы, посвященной вопросам использования диминутивов, обнаруживает отсутствие единого понимания данного явления. Вполне возможно, что это можно объяснить двойным подходом к самому определению уменьшительности, поскольку это понятие воспринимается не только с точки зрения количественности, но и с точки зрения оценочности. Мы также выявили отсутствие работ, посвященных избыточному употреблению диминутивов на материале испанского языка, тем более на материале отдельно взятых национальных вариантов, несмотря на то, что они являются отражением бытовой культуры носителей отдельной лингвокультурной общности, тесно связанной с ее традициями, привычками и особенностями, несущими национально - специфическую окраску.

Наш интерес именно к этому явлению на материале мексиканского национального варианта современного испанского языка можно объяснить повышенным в последнее время вниманием к проблемам межкультурной коммуникации, в том числе в аспекте межвариантной специфики, а также из-за частотности употребления диминутивов в речи современных мексиканцев.

Несмотря на то, что своеобразие мексиканской речи на грамматическом уровне проявляется не так сильно, как на лексическом, избыточность диминутивов в разговорной речи современных мексиканцев не может остаться незамеченной. Жители Мексики, независимо от возраста, образования и социального происхождения, употребляют с уменьшительными суффиксами практически все части речи, даже те, которые в других вариантах испанского языка практически не встречаются: существительное (*café - cafecito*), прилагательное (*malo - malito*), наречие (*tanto – tantito*), герундий (*llegando – llegandito*), причастие (*salado - saladito*), имя собственное (*Carlos- Carlitos*), междометие (*adiós – adiosito*).

Так как уменьшительные образования от существительных и прилагательных на материале мексиканского национального варианта не обнаруживают существенных отличий от других вариантов испанского языка, ограничимся тем, что заметим, что в большинстве проанализированных примеров диминутивы, образованные от слов, которые обозначают неизмеряемые объекты, употребляются говорящими для придания своей речи большей выразительности, экспрессивности. Как с оттенком

уменьшительности, так и ласкательности, эти словоформы употребляются гораздо реже. Например:

¿Quieres un cafecito, mi hijito?

Juan tiene un andadito que parece de pollo espinado.

La dieta blanda se solicitará para ese periodo después de haber estado malito, ya que el estómago no se encontrará del todo bien.

Разговорная речь мексиканцев изобилует междометиями, которые, в свою очередь нередко употребляются с уменьшительными суффиксами. К примеру, при фамильярно-дружеском регистре общения коммуникантов узуальна диминутивная форма *¡adioso!*:

"Entonces procura llegar antes de las 2:00 p.m. ¿Okey?, adioso", -dicen al colgar el teléfono ". (Loaeza, 25)

В качестве междометий, служащих для выражения просьбы или ее сопровождающих в мексиканском национальном варианте широко используются формы *¡por favorcito!*, *¡con permisito!* и *¡compermisito!*:

"A las sirvientas, les gusta llamarlas con su nombre en diminutivo. Para todo dicen: "Mande usted", "por favorcito", "compermisito", etcétera. "

(Loaeza, 39)

"Es la primera vez que me sucede... Aunque pensándolo bien... Con su permisito, voy a preguntárselo. "

(Agustín, 71)

Вторичное междометие *¡abuelita!* используется для выражения согласия, что наглядно подтверждается в следующем диалоге:

- *¿Vasalreventón?*

- *¡Abuelita!"*

(Diccionario del Español Usual en México)

Определительное местоимение *todo* также довольно часто встречается в мексиканском национальном варианте именно в уменьшительной форме:

Es que tu amor llena todito mi corazón.

(https://www.facebook.com/permalink.php?id=143419715765169&story_fbid=507560079266891)

Наш взгляд наиболее интересны случаи употребления уменьшительными суффиксами наречий, таких как: *apenitas*, *lejitos*, *lejecitos*, *tantito*, *ahorita*, *ahoritita*, *bastantito* и других. Подтвердим это следующими примерами:

¿Qué importa que esté sola? No los necesito para pasarmela bien, con observarlos de lejecitos tengo.

(Ribe, 56)

Así merito andaba el muchachito alegre hace tres semanas en mi cañada.

(<https://www.youtube.com/watch?v=GcUVZ1y7ji4>)

"La obsesión de beber acicateaba a Valente. Para colmo unos y otros lo incitaban con el jarro de pulque por delante.

—*¿Qué no va a decir salú con nosotros?... Por lo del milagro.*

—*¡Échese un trago padre! ... ¿Qué tanto es tantito?*

(Hilda de la Vega, 91)

Уместно задаться вопросом: что именно подразумевают мексиканцы, когда употребляют выражение *¿qué tanto estantito?* На наш взгляд, только в

Мексике можно услышать как сам вопрос, так и ответ на него, который может быть сформулирован следующим образом: “*tantitoesmuiposo*”.

Tantito, вне всякого сомнения есть уменьшительная форма от слова *tanto*. В свою очередь *tanto* может функционировать в речи не только как прилагательное (*nosoporto tanto ruido*), но и как наречие (*tenecesito tanto quenotedejaré ir*). Если в любом из предложенным примеров заменить *tanto* на *tantito*, то смысл сказанного поменяется на прямо противоположный: *tantitoruido*(*pocoruido*), *tenecesitotantito* (*tenecesitopoco*).

Отдельного упоминания заслуживает употребление наречия *ahora* в самых разных вариантах от *ahorita* до *ahorititita*, без которых невозможно себе представить практически ни одну речевую ситуацию. Так, весьма распространённый в Мексике диалог может иметь такое оформление:

-¿*Está el licenciado?*

-*No señor.*

-¿*A qué hora llega?*

-*Ahorita viene.*

Ожидание нужного человека может растянуться на несколько часов, а может вообще не произойти.

В другом диалоге наречие *ahorita* используется для конкретизации предмета речевой ситуации, его важности и безотлагательности:

Mexicano: ¿Cuándo podemos hablar?

Español: Ahora.

[*El mexicano hace amago de irse*]

E: ¿Pero dónde vas? ¿No íbamos a hablar ahora?

M: Ah, pero... ¿"ahorita mismo"?

Y en México cuando queremos que el ahora sea más ahora que el mismo ahorita decimos ahorititita. Así merito.

Употребление данного наречия именно в диминутивной форме столь распространено, что иногда может даже использоваться для выражения действий, относящихся не только к настоящему, но и к прошлому. Сравним:

Ahorita estuve escuchando un disco de Vinicius de Moraes.

Ahorita lo estoy escuchando otra vez

Изюминкой разговорной речи современных мексиканцев можно назвать употребление уменьшительных суффиксов с герундиями. Так, например, нередко можно встретить такие варианты как “*llegandito*”, “*callandito*”, “*corriendito*” и другие.

Форма “*llegandito*” используется для выражения действия, которое только что закончилось вместо столь узуальной в остальных испаноязычных странах “*acabodellegar*”.

"A mi tambien me da weba hacer la tarea llegandito del cole"

(<https://www.facebook.com/a-mi-tambien-me-da-weba-hacer-la-tarea-llegandito-del-cole-142463425787409/>)

Llegandito a Vallarta, me quisieron atorar

LLegandito a la playa, me quisieron enfiestar

Con 10 tequilas pa' empezar 10 margaritas pa' arrancar

(Maná, “Elborracho”)

В качестве примеров употребления других герундиев мы нашли следующие интересные случаи:

Ya se nos hizo tarde, vámonos corriendito.

Es muy temprano, vámonos callandito para no despertar a los que todavía están dormidos. (http://cvc.cervantes.es/foros/leer_asunto1.asp?vCodigo=42508)

В настоящей статье мы предприняли попытку рассмотреть распространение категории уменьшительной оценочности на лексические единицы, принадлежащие к разным частям речи, характерное только для Мексики. Осмелимся заметить, что категория уменьшительности, изначально связанная с выражением малого размера, в разговорной речи современных мексиканцев является одним из основных средств выражения эмоций самого широкого спектра, поскольку в одних и тех же морфологических процессах она совмещает функции денотативной и коннотативной оценочности.

Список использованных источников:

1. Agustín J. Inventando lo que sueño (drama en cuatro actos). — México: Editorial Joaquín Mortiz, 1991. - 176 p.
2. Diccionario del español usual en México / Dirigido por Luis Fernando Lara. - México: El Colegio de México, Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios, 1996.- 941 p.
3. Loaeza G. Los grillos y otras grillas. - México: Cal y arena, 1997. - 307 p.
4. Hilda de la Vega A. “*Marcelina Culebro*” – México: EDAMEX, 1993 - 81 p.
- Ribe E. “*Ruta Querreque*” - México: Universidad Autónoma de Coahuila, 2010. – 202 p.

ГРЕБНЕВ Никита Андреевич

старший преподаватель, аспирант

Московский педагогический государственный университет

Лексико-семантическая группа «улица» на примере улиц города Парижа

Улицы и их названия являются неотъемлемой частью нашего повседневного обихода: когда необходимо назвать место жительства, адрес, маршрут следования транспорта, место встречи. Они также являются важной частью административной номенклатуры, указаны в налоговом кадастре, а также кадастре недвижимости, связаны с многочисленными законодательными актами (в качестве наименований объектов государственной собственности.)

Очевидно, что названия улиц являются объектом интереса множества отраслей науки, от картографии до административного права. В то же время, являясь именами собственными, как и любые наименования, они представляют большой интерес для лингвистических исследований. Ономастика, раздел языкознания, изучающий имена собственные, имеет широкий круг интересных проблем, среди которых: история возникновения имен и мотивы номинации, их функционирование в речи, юридический статус и проч.. В нашей работе представлен анализ наименований улиц в синхроническом аспекте, целью

которого стало выявление типов путей городского сообщения и способов их номинации.

В качестве примера для рассмотрения мы взяли номенклатуру наземных путей сообщения (за исключением железных дорог) города Парижа, как представляющего большое разнообразие не только названий, но и типов объектов.

Все данные отобраны из свободного источника ресурса opendata.paris.fr по лицензии OpenDataParis. База данных (*voieactuellesparis2012*) предоставлена администрацией города Парижа, последнее обновление 21 июня 2013 года. В номенклатуру вошли лишь те линейные объекты (улицы, площади и проч.), которые находятся в административных границах города и входят в налоговый кадастр адресов.

Анализ предоставленных данных позволил выделить 38 различных типов линейных объектов: *allée* (99), *arcades* (1), *autoroute* (2), *avenue* (353), *balcon* (1), *boulevard* (118), *carrefour* (15), *chaussée* (2), *chemin* (14), *cité* (104), *cour* (52), *cours* (5), *esplanade* (15), *galerie* (23), *grande avenue* (1), *hameau* (7), *impasse* (194), *parvis* (2), *passage* (294), *passage souterrain* (1), *passerelle* (4), *place* (525), *pont* (32), *port* (26), *porte* (18), *promenade* (10), *péristyle* (5), *quai* (53), *rond-point* (4), *route* (86), *rue* (3392), *ruelle* (6), *sente* (2), *sentier* (7), *square* (170), *terrasse* (5), *villa* (216), *voie* (483), а также 10 объектов без указания типа. Общее количество объектов равно 6347.

Очевидным ядром этого списка является наименование "*rue*" – улица (53,4% наименований). Следующими по частотности (от 353 до 525 наименований) являются *place* (8,2%), *voie* (7,6%), *avenue* (5,6%). Среди оставшихся 25,2% наименований процентная доля каждого не превышает 5% (менее 300 штук).

Кроме частотного фактора, интерес представляют также пространственные характеристики путей сообщения. По протяжённости: из 32 трасс, длинней 2 км, 17 – *rue*, 10 – *boulevard*, 4 – *avenue* и 1 – *voie* (*Voie Georges Pompidou*). Среди самых широких (свыше 60 метров): 6 *avenue* (наиболее широкая трасса – *Avenue Foch*, 120 метров, 40 метров дорожного полотна), 1 *cours* (*Cours de Vincennes*) и 1 *rue* (*Rue de la Chapelle*).

Из 6347 путей 6117 не пересекают границ округа, 20 находятся в сопредельных с Парижем коммунах, а оставшиеся 230 пересекают границы 2х или более округов. Например, самая длинная улица города *voie Georges Pompidou* (13 км.) пересекает сразу 5 из 20 округов города, в то время как *Boulevard Périphérique* (35,04 км), являясь замкнутой трассой, очерчивает весь город.

Рассмотрим ближе каждый из 38 типов наименований линейных объектов. Все они являются частью городской инфраструктуры, предназначенной для доступа людей и транспорта к зданиям, местам проживания и отдыха, облегчения доступа к прочей городской инфраструктуре.

Обобщающим для всех типов термином могли бы послужить следующие: *odonyme* или *hodonyme* ("годоним"), *voies de communication* ("пути сообщения"), *voirie*, *réseau viaire* и *réseau routier* ("дорожная сеть").

Термин "годоним" – лингвистический, употребляющийся в ономастике, а точнее в топонимике. Он обозначает имя собственное, используемое для наименования путей сообщения. Однако, ресурс Trésor de la Langue Française Informatisé определяет *odonyme*¹ через другой ономастический термин, *choronyme* (хороним), который имеет более широкий смысл: любое наименование территории, пространства или географического объекта точечной, линейной или пространственной природы.²

Слово "*voirie*" имеет два значения в словаре LePetitRobert³ : "Совокупность дорог, обустраиваемые и обслуживаемые властями" и "обслуживание путей и дорог" с пометой "административный язык". Определение этой лексемы также можно найти в словаре по административному праву⁴: "Совокупность однотипных путей сообщения, как искусственных (дороги, железнодорожные пути), так и естественных (реки)". Таким образом, с правовой точки зрения, это наиболее подходящее обобщающее слово для обозначения путей сообщения. Но на наш взгляд, в качестве гиперонима оно не подходит, поскольку, являясь собирательным, оно имеет дополнительные сему "обслуживание" и принадлежит к административному стилю.

Наиболее распространённую единицу этой структуры, наименование "*rue*" – "улица", словарь LePetitRobert определяет следующим образом: "Путь городского сообщения, частично или полностью обнесённый домами"⁵. Стоит отметить, что около половины из 38 лексических единиц, обозначающих путь сообщения, определяются словарём через сему "*voie*" – "путь". Есть несколько исключений.

Во-первых, *carrefour, cité, cour, esplanade, galerie, hameau, place, porte, rond-point*, определяемые через слова "*lieu*" (место) и "*espace*" (пространство).

Во-вторых, *balconi péristyle*, являющиеся изначально частью здания, не предназначавшейся для публичного доступа. Однако, они являются синонимами слова *galerie*, и могут использоваться в качестве "прохода" или "места доступа", благодаря чему они вошли в список линейных объектов, зафиксированных кадастром адресов города Парижа.

В-третьих, *allée, cours, sente, sentier, impasse*, обозначенные через лексемы "*chemin*", "*rue*" или "*avenue*", представляющие частный случай семы "*voie*", и собственно слово "*voie*" – в первом значении "Espace à parcourir pour aller quelque part" (пространство, по которому можно куда-то добраться) и "Cet espace, lorsqu'il est tracé et aménagé" (это же пространство, когда оно проложено и обустроено).

¹Odonyme -choronyme désignant une voie de communication routière, ferroviaire ou autre. Trésor de la Langue Française Informatisé

²Tout nom de lieu désignant un espace ou quelque forme d'entité géographique qu'elle soit de nature ponctuelle, linéaire ou spatiale. Trésor de la Langue Française Informatisé

³1.Ensemble des voies aménagées et entretenue par l'administration publique. 2.admin. Entretien des voies, des chemins. Le Petit Robert

⁴Ensemble de voies de même nature, aussi bien artificielles (routes, voies ferrées) que naturelles (fleuves). Dictionnaire du droit administratif

⁵Voie bordée, au moins en partie, de maisons, dans une agglomération. Le Petit Robert

Из этого можно сделать вывод, что интегральными семами для этих 38 единиц являются семы "*lieu*" (место) и "*espace*" (пространство). Значит, гиперонимом по отношению к этим единицам является лексема *choronyme*. Однако, поскольку речь идёт не просто о физических объектах на территории города, а именно о путях сообщения, зафиксированных в качестве адресов и элементов дорожного хозяйства Парижа, любой из 6347 объектов из базы "OpenDataParis" может быть назван термином *odonyme* или *voiedecommunication*. Таким образом, лексемы, включающие в своё значение сему *voie*, можно отнести к ядру этой ЛСГ, в то время как остальные будут на её периферии. Интересно отметить, что эти лексемы используются чаще других для обозначения типа улицы: *rue, voie, avenue, passage, boulevard* и *allée* используются в 68,9% всех наименований.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что любой путь сообщения, это некоторое "пространство" для доступа людей и транспорта в определённую точку, естественного или искусственного происхождения, обустроенное или нет, вследствие чего в качестве наименований путей сообщения могут использоваться лексемы, изначально для этого не употреблявшиеся и с дорогами не ассоциирующиеся (напр. *balcon*)

Что же касается дифференциальных сем для этих объектов, то они весьма многочисленны и достойны отдельного и подробного рассмотрения.

Списокиспользованныхисточников:

1. Dictionnaire du droit administratif. P.: Éditions du Moniteur, 2002
2. <http://onomastika.ru>
3. <http://opendata.paris.fr>
4. Le Petit Robert. P.: Dictionnaires le Robert, 2011
5. Trésor de la Langue Française Informatisé. <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>
6. Лингвистический энциклопедический словарь. 2012
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В.Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988.

ГРИГОРЬЕВА Елена Яковлевна

*доктор педагогических наук, профессор
Московский городской педагогический университет*

Роль аутентичных текстов в современных учебниках иностранного языка

Важным фактором оценки качества современного учебника иностранного языка является аутентичность текстотеки и языка учебника. Для анализа текстотеки учебника необходимым является деление текстов на аутентичные (оригинальные) и учебные (дидактические). Требование аутентичности является одним из самых существенных и может рассматриваться с двух позиций: аутентичности формы/структуры текста и аутентичности языка. В современных учебниках иностранного языкаувеличивается доля аутентичных текстов, так как аутентичный текст обладает целым рядом достоинств в методическом отношении: он самобытен, имеет прагматическую цель и значимость, насыщен фактами иной культуры, стимулирует познавательную

активность учащихся, тогда как искусственно составленный текст выполняет чисто учебную функцию и отражает фиктивные ситуации, не существующие вне занятия, снижая тем самым мотивацию, достоверность представленных сведений [1].

Язык оригинальных текстов разных видов отражает реальную языковую действительность, особенности функционирования языка, способствует развитию речевого намерения говорящего. Вместе с тем при оценке текстотеки необходимо учесть уровень владения языком учащимися, иначе языковая сложность оригинальных текстов отрицательно скажется на мотивации обучаемых. Это означает, что дидактические тексты, специально составленные авторами учебника, также могут быть включены в текстотеку, но сохранять при этом структуру, форму оригинальных текстов. Такие тексты принято называть учебно- или квазиаутентичными и считать необходимыми на начальном этапе обучения.

В текстотеку учебника иностранного языка входит сумма всех коммуникативных сигналов, любой факт культуры иностранного языка, включая невербальные тексты, поэтому не менее важным критерием анализа можно считать функциональное разнообразие текстов учебника. Языковые свойства определенного вида текста (диалог, проспект, газетная статья, меню, интервью, статистика, песня, афоризм, фотография, дорожный знак, формуляр, географическая карта, расписание поездов, объявление, приглашение, рецепт, поэтическое произведение, квитанция и т. д.) отражают особенности жанра и стиля, иллюстрируют, какими стратегическими средствами располагает язык для различных целей, и оказывают воздействие на коммуникативную компетенцию учащихся.

Таким образом, можно говорить о взаимосвязи разнообразности текстотеки учебника/учебного пособия и успешности развития коммуникативных навыков обучаемых с его использованием.

В свете современных требований к целям обучения иностранного языка меняется роль и содержание страноведческой информации в учебном пособии, которая должна быть представлена таким образом, чтобы соответствовать опыту и интересам ученика, быть сопоставимой с аналогичным опытом его ровесника в стране изучаемого языка [3;4].

Несмотря на то, что в большинстве учебников иностранного языка сегодня уделяется достаточно места страноведческим текстам, они зачастую выполняют только общеобразовательную и информативно-познавательную функции. Лишь в учебниках последнего поколения проявляется адаптивная функция страноведческих текстов. Так, наряду с предметной информацией в учебниках представлена сопровождающая (сведения о нормах и традициях общения) и фоновая информация, что позволяет избежать так называемого «культурного шока» при контакте культур. В таких учебниках переносится акцент с описательно-документального на проблемный и критический способы презентации страноведческих текстов, контрастивное сравнение языка и культуры, затрагиваются животрепещущие проблемы, характерные для

повседневной жизни носителей языка и побуждающие к оценке разных мнений, собственного поведения в аналогичной ситуации, речевому взаимодействию.

При коммуникативном подходе текст есть единица коммуникации (общения), в пределах которой обеспечивается однозначное толкование составляющих его элементов; его признаками являются относительная смысловая завершенность и внутренняя организованность.

Тексты неоднородны по своему назначению и лексико-грамматической организации. Среди них различают:

- тексты-повествования (destextesnarratifs) различных жанров (литературных видов): романы, новеллы, исторические рассказы, киносценарии, репортажи, статьи о происшествиях, юмористические истории;
- тексты-описания (destextesdescriptifs): энциклопедии, словари, путеводители, планы, карты, расписания движения транспорта, диаграммы, графики, объявления, программы теле- и радиопередач, меню, реклама, каталоги, плакаты, формуляры, кроссворды;
- тексты-сообщения (destextesinformatifs): отдельные разновидности газетных и журнальных статей (краткие сообщения), телеграммы, открытки, письма, метеосводки, гороскопы;
- тексты-пояснения (destextesexplicatifs): научные, научно-популярные и политические статьи;
- тексты-рассуждения (des textes argumentatifs): рецензии, отзывы;
- тексты-инструкции (destextesinjonctifs): кулинарные рецепты, инструкции по эксплуатации, использованию чего-либо, медицинские рекомендации;
- диалогические тексты (destextesdialogiques): интервью, литературные и театральные диалоги;
- риторические тексты (destextesrhéoriques): стихи, басни, песни, рифмовки, считалки, пословицы, поговорки, лозунги [2].

Особое внимание необходимо уделять методике работы обучающихся с текстом как единицей представления языкового и лингвокультурологического материала. Текст демонстрирует употребление изучаемых морфолого-синтаксических и лексико-грамматических конструкций в их естественном окружении, выступает в качестве образца монологической и диалогической речи, служит основой для построения самостоятельного высказывания, являет собой пример функционального стиля (разговорного, научного, научно-публицистического, официально-делового). В этих своих функциях текст выступает как средство в обучении языку. Но текст может выступать и как самостоятельный объект изучения. В этом случае предметом рассмотрения становятся такие его особенности, как смысловая и структурная завершенность, коммуникативная направленность, композиционное оформление, разные типы лексической, грамматической, логической и стилистической связи между элементами текста, информативная насыщенность, различие в способах изложения мысли и др. Текст используется в учебном процессе как: единица представления языкового материала; средство формирования речевых умений и навыков; образец определенного типа сообщения; источник информации, т. е.

как средство и цель обучения языку.

Общие и частные признаки типовых текстов служат теми структурно-смысловыми ориентирами, опираясь на которые можно учить оперированию информативным содержанием текстов, развивая навыки извлечения информации, воспроизведения информации с определенной коммуникативной установкой и навыки создания собственного высказывания (текста) на заданную тему с использованием изученного материала.

На старшем этапе важным является обучение учащихся стратегиям чтения текстов разного типа. Под стратегиями чтения понимается комплекс знаний, умений, владение которыми позволяет школьникам:

- понимать тип, специфику и целевое назначение текстов;
- ориентироваться в этом тексте с учетом его специфики в соответствии с коммуникативной задачей (понять текст полностью или избирательно);
- извлекать информацию на разном уровне;
- пользоваться компенсационными умениями: догадываться о значении незнакомых слов, созвучных с родным языком; использовать словообразовательные элементы, игнорировать незнакомые слова, не занимающие в тексте ключевые позиции; пользоваться имеющимися в тексте опорами (ключевыми словами, рисунками, пояснениями, сносками); пользоваться справочной литературой и словарями разного рода.

Учащиеся должны усвоить несколько правил работы с текстом:

- читать текст на ИЯ не значит переводить каждое слово;
- для понимания любого текста важную роль играет имеющийся у школьника жизненный опыт;
- чтобы понять текст (или спрогнозировать, о чем будет идти речь в этом тексте), необходимо обратиться к помощи заголовка, рисунков, схем, таблиц, сопровождающих данный текст, его структуре;
- при чтении текста важно опираться в первую очередь на известные слова и выражения, и пытаться с опорой на известное прогнозировать содержание текста, догадываться о значении незнакомых слов;
- обращаться к словарю следует лишь в тех случаях, когда все прочие возможности понять значение новых слов исчерпаны [2].

В процессе развития умений понимать содержание текста перед учащимися должны ставиться разные коммуникативные задачи: понимать содержание полностью, или извлекать основную информацию из текста, или осуществлять поиск необходимой информации в тексте.

Работая с текстами, содержащими лингвострановедческую информацию, обучающиеся овладевают лингвострановедческими умениями. Они учатся распознавать в страноведческом тексте безэквивалентную и фонтовую лексику и употреблять её в рамках изучаемых тем и ситуаций общения; сопоставлять фондовые слова изучаемого и родного языков. Необходимо также, чтобы у учащихся были сформированы социокультурные умения: собирать, систематизировать и интерпретировать культуроведческую информацию; использовать толковые и двуязычные лингвострановедческие словари, различные справочные издания, интернет-ресурсы; составлять

лингвострановедческие комментарии.

Таким образом, в учебном процессе реализуются требования стандартов второго поколения: усиление социокультурной направленности обучения иностранным языкам, ориентация на культуроведческий аспект в содержании обучения, на включение школьников в диалог культур, приобщение их к культуре страны изучаемого языка.

Список использованных источников:

1. Григорьева Е.Я. Методическое проектирование содержания школьного иноязычного образования в условиях его модернизации // Иностр. яз. в шк. 2014., № 8. С. 2-6.
2. Григорьева Е.Я. Французский язык: кн. для учителя к учеб. для IX кл. шк. с углубл. изучением фр. яз. / Е.Я. Григорьева. М.: Просвещение, 2005. 127 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М., Просвещение, 2013. 63 с.
4. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. 2-е изд. М., Просвещение, 2010. 59 с.

ГУРЕВИЧ Дмитрий Львович

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Функционирование местоименных форм обращения в бразильском эпистолярном дискурсе XVIII-XX веков

Современный бразильский вариант португальского языка характеризуется высокой степенью универсализации в употреблении личных местоимений в аллокутивной функции. Местоимение *voçê* («Ты/Вы») стало фактически стандартной формой наименования собеседника (2 л. ед. ч.) в текстах большинства функциональных стилей, что отличает бразильский вариант от пиренейского, где сохранились именные сочетания с различной степенью прономинализации, которые включаются либо не включаются грамматистами в парадигму личных местоимений – «*osenhora / asenhora*»; «определенный артикль+имя собеседника» («*oCarlos / aAna*»); «определенный артикль+профессия/должность собеседника» («*oingenheiro; odoutor*») – и носят общее название «*Pronomes de tratamento da segunda pessoa*» («Формы обращения второго лица») [2, p. 284-285].

Вместе с тем, на более ранних этапах развития бразильского варианта присутствовали различные именные сочетания в функции наименования собеседника, характерной сферой употребления которых был эпистолярный жанр. К наиболее частотным из этих сочетаний относятся: *Vossa Mercê; Vossa Senhoria; Vossa Excelência; Excelentíssimo Senhor; Ilustríssimo Senhor*.

Данные формы обращения были проанализированы на корпусе бразильских эпистолярных текстов – деловых и частных писем, датированных периодом начала XVIII в. – середины XX в. Объем проанализированного корпуса – 146000 словоупотреблений; частотность интересующих форм

обращения распределилась следующим образом: VossaMercê (полная форма и аббревиатуры)– 498 раз; VossaSenhoria – 63 раза; VossaExcelência – 142 раза; você – 211 раз; ExcelentíssimoSenhor – 91 раз; IlustríssimoSenhor – 68 раз; oSenhor / aSenhora – 2 раза, несмотря на то, что именно эта форма отмечается грамматиками как основная форма обращения в официальном стиле речи [1, p. 165]; [Зр. 158]. Как показал анализ, общей тенденцией является преобладание форм VossaMercê, VossaSenhoria, VossaExcelência в текстах до второй половины XIX в. и преобладание формы você начиная с рубежа XIX-XX вв., что свидетельствует о том, что местоимение você окончательно приобретает свои нынешние функции универсального наименования собеседника, по крайней мере в эпистолярном дискурсе, к началу XXв. Широкое распространение аббревиатур («Vmсе»; «vmсе»; «vm^{ce}»; «V.»; «Ve»)указывает на снижение степени маркированности и, тем самым, на универсализацию местоимения на фоне резкого сокращения частотности сочетаний VossaSenhoria / VossaExcelência В косвенных падежных формах отмечается тенденция к замещению формы «lhe» («Вам») на конструкцию «avocê / avossamercê», причем частотность формы «lhe» снижается по мере нарастания универсального характера формы «você». Посессивное значение 2-го лица выражается конкурирующими формами притяжательного местоимения seu/sua и конструкцией «devossamercê / devocê», что также свидетельствует о процессе превращения именного сочетания в местоимение. Можно отметить, что обращение oSenhor / aSenhora, обладающее в современном языке крайне высокой степенью прономинализации, в эпистолярных текстах до середины XX в. вообще не встречается, что говорит о его относительно позднем включении в класс местоимений.

Список использованных источников:

1. BecharaEvanildo. Moderna gramática portuguesa / Evanildo Bechara. 37 ed. rev. e ampl. - Rio de Janeiro : Lucerna, 2001. - 672 p.
2. Cunha Celso; Cintra Luis F. Lindley.Nova gramatica do portugues contemporaneo / Cunha Celso; Cintra Luis F. Lindley. 2 ed. - Rio de Janeiro : Nova Fronteira, 1985. - 724 p.
3. Lima Rocha. Gramática normativa da língua portuguesa / Rocha Lima. 40.ed. - Rio de Janeiro : José Olympio, 2001. - 553 p.
4. Projeto Para a História do Português Brasileiro (PHPB) <https://sites.google.com/site/corporaphpb/home>. (2.02.2016)

ДУБОВАЯ Елена Вадимовна

кандидат филологических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Изображение течения художественного времени в эпическом тексте

Время как категория художественного текста представляет собой сложное, многоаспектное явление. Одна из его манифестаций — сюжетное время, выделяемое под углом зрения развертывания и протекания самого события, в эпических текстах, в частности, в «Песни о Роланде» изображается с

помощью целого ряда традиционно устоявшихся стереотипных речений, как, например:

L'ombre de nuit s'éclaircit, le jour vient.
Sous le soleil reluisent les armures; (XXIV, 93)
La nuit passa, le jour clair apparut.
Charles garnit les tours de Saragosse;(XLVIII, 186)
La nuit s'en va, l'aube claire apparaît.
Notre empereur chevauche fièrement... (VIII, 38)
Le jour s'en va; la nuit devient obscure.
Charles s'endort, le puissant empereur. (VIII, 37)
Le jour se passe et la soirée arrive,
Franks et payens frappent de leurs épées. (XLVII, 180)
Passe le jour, arrive la nuit sombre;
Claire la lune et les étoiles flambent. (XLVIII, 185)
Le jour se passe et la nuit, s'assombrit.
Charles est couché dans sa chambre voûtée. (LV, 202)

Подобные условно-поэтические формулы эпического койнэ призваны воссоздать процесс течения времени в его продвижении.

Эпические события отделяются друг от друга, как правило, суточным интервалом. Такой приём парцелляции временного континуума, когда принципиально необходимой считалась отмеченность начала и конца действия, восходит к глубокой древности. В смысловом отношении формальный суточный промежуток определяет не столько продолжительность, сколько направленность хода событийного времени, его динамическое продвижение. Обозначение продолжительности действий имеет не количественный, а качественный смысл. Структурное время произведения искусства не есть простая смена одних кадров другими. Это время связано с накоплением и превращением качества. Смена дня и ночи равноценна «трагическим этапам судьбы героя» [1, с. 98, 123]. Так, в примере:

Lanuits'enva, l'aube claire apparaît.
Notre empereur chevauche fièrement,
Sur son armée il regarde souvent.
«Seigneurs barons, a dit l'empereur Charles,
Voici les ports et les étroits passages:
Nommez quelqu'un pour rester à l'arrière». (IX, 38-39)

Проходит ночь, занимается заря, холодная и тревожная. Карл несётся со своим войском по ущельям, мрачный вид которых его пугает. Он размышляет, кого бы оставить здесь на страже. Зарождение нового дня предвещает завязку трагической драмы — Гвенелон порекомендует поставить во главе арьергарда своего пасынка Роланда, а тот из гордости станет настаивать, чтобы это дело доверили именно ему.

Le jour se passe et la soirée arrive,
Franks et payens frappent de leurs épées. (XLVII, 180)

Тема времени становится здесь элементом сюжета: проходит день, уже вечер наступает, а ужасная битва в самом разгаре: франки и арабы рубятся

сплеча, наносят друг другу сокрушительные удары; повсюду обломки копий и щитов, слышатся звон разбитых броней и шлемов, со всех сторон слышится предсмертный стон и сыплются проклятия. В этом примере одна форма накладывается на другую, описание переходит в повествование, поскольку обозначенный временной фактор поглощается, подменяется нескончаемым перечислением всё новых и новых подробностей, которые приостанавливая временное развёртывание, начинают играть роль квази-хронологического конституента в цепочке параметров поэтического времени: день уже закончился, а бой всё кипит.

Наряду с сюжетным временем в эпическом тексте отчётливо прослеживается и другая временная категория — личное время автора, хотя проблема авторства и не стояла перед эпическим певцом в её современном понимании [2, с. 132]. Индивидуально-авторское присутствие легко вскрывается среди прочих в явлении авторской проспекции, сигнализирующей о постоянном присутствии лирического повествователя, который осмысливает отдельные моменты эпического предания с позиций будущих событий и знаний, одному ему пока что ведомых и скрытых до времени от всех остальных. Синтаксическая проспекция отсучая к случаю может менять смысловое наполнение и функциональную направленность. Так, в следующем примере:

Ils ont en main des branches d'olivier

Ils rejoindront Charles, le roi de France.

Il ne pourra faire qu'ils ne le trompent. (I; 6)

будущее время в максимально сжатой форме как бы набрасывает схему развития всего сюжета «Песни»: потерпевший поражение язычник Марсилий, сознавая безвыходность своего положения, придумывает ловкий трюк — отправляет к Карлу послов с ветками оливы в руках — символом миролюбивых намерений — и обещает пойти на любые уступки, сам же вынашивает против франков коварные планы военного реванша. Будущее время расширяет объем смыслового содержания эпизода. Это лишь прелюдия кровавой драмы, разыгравшейся в Ронсевальском ущелье. Будущее время придаёт тексту дополнительную стилистическую экспрессивность. Несколько раз настойчиво повторенное: «Ils rejoindront Charles», «Il ne pourra faire qu'ils ne le trompent» — будущее время в контексте песни нагнетает предчувствие неотвратимой беды, вызывает чувство напряжённого ожидания у слушателей.

Que les payens ne tardent à venir,

Ces chevaliers frapperont, s'ils s'exposent. (XXXIX; 156)

De ceux de France ils voient les gonfalons,

L'arrière-garde où sont les douze pairs,

De l'attaquer ils ne manqueront pas. (XIII; 44)

Richard le vieux, qui les conduit au champ,

Y frappera de son épieu tranchant. (XXXIX; 154)

Le preux Roland, quand il les voit venir,

Se fait plus fort, plus fier et plus solide ;

Ne lâchera tant qu'il sera vivant. (XXVIII; 109)

Au ciel volaient les étincelles claires.
Les séparer, on ne le pourrait plus :
Sans homme mort, ils ne finiront pas. (LII; 198)
Mais le combat ne pourra s'arrêter
Jusque l'un d'eux reconnaisse son tort ! (XLVII; 181)

Будущее время, многократно клиниваясь эпическое настоящее, придаёт повествованию дополнительный эмоциональный накал. Тут прослеживается заметная речевая интерференция: в авторской монологичности в завуалированном виде угадывается внутренняя речь эпических героев, посторонний поток сознания – мысли и чувства, индивидуальные и коллективные – всех тех, кто участвует в военных действиях. Изобразительный синтаксис выполняет и определённую композиционную роль: будущее время, вторгаясь в сферу настоящего, сильно замедляет ход повествования. В этом проявляется общая тенденция к регулированию течения художественного времени, приведения его в соответствие с реальным физическим временем.

Il éperonne, et son cheval s'élance :
Lequel paiera ? car ils sont en présence. (XXI; 84)
Alors pleuraient cent mille chevaliers,
Qui de Thierry pour Roland ont pitié.
Dieu connaît bien quelle sera la fin ! (LI; 196)

Включение форм будущего времени - « Lequel paiera? », « Quelle sera la fin ? » провоцирует своеобразный взрыв сбалансированной динамической системы, образованной чередованием настоящего и прошедшего временных планов [3, с. 237], выход в иное измерение. Это будущее как бы зависает в своей неопределённости, автор не может поставить точку. Он как будто и сам не знает, что будет дальше, теряется в догадках. Такой стилистический эффект всецело обеспечен формами будущего времени. Квазивопросы - « Lequel paiera? », « Quelle sera la fin » - вносят в повествование спонтанность живой разговорной речи, ярко высвечивая образ конкретного лица, их задающего.

Временная перспектива позволяет сказителю издалека посмотреть на текущие события, глубже осознать их истинную значимость. Наряду с формулами-маркерами сюжетного времени они выполняют композиционную функцию в рамках эпического текста, создают ощущение непрерывного течения времени.

В целом способы обозначения сюжетного и авторского времени в самом тексте не всегда явно разграничены, зачастую структурно и функционально они теснейшим образом переплетены между собой.

Помимо упомянутых нами аспектов и средств передачи течения времени в эпическом тексте имеются и многие другие подходы к трактовке временных параметров.

Список использованных источников:

1. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве/ Отв. Ред. Б.Ф.Егоров. — Л., АН СССР, Изд-во «Наука», Ленинградское отд-е, 1974. — С. 84 – 103; 121 – 142.

2. Мейлах М.Б. Язык трубадуров. — М., АН СССР, Ин-т Языкознания, 1975. — 234 с.
4. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. — М., «Высшая школа», 2001. — 463 с.
5. Дубовая Е.В. Сигналы авторского присутствия в эпическом тексте. — М., Изд-во Прометей, 2012. — 54 с.
6. Дубовая Е.В. Стереотипы — эскизы природы в старофранцузской «Песни о Роланде» и их роль в организации эпического пространства и времени. — М., МПГУ, Изд-во Прометей, 2011. — 55 с.
7. Chanson de Roland/Par A. d'Avril. — Paris, 1865. — 337 с.

ЖАРКОВА Татьяна Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве РФ, Челябинский филиал

Феномен «дом» в межкультурной коммуникации

Общеизвестно, что подрастающее поколение, которому предстоит жить в новом тысячелетии, должно получить образование, отвечающее запросам экономического, социального и культурного развития своей страны и страны изучаемого языка. Чтобы комфортно чувствовать себя в глобальном и информационно-образовательном пространстве, студенты должны владеть, несомненно, социокультурными знаниями. От того насколько глубоки их знания, а также навыки и умения поддержать общение с партнерами, выразить свое отношение к делу, будет зависеть и успех в деловом сотрудничестве.

Согласно Д.С. Лихачева, изучение иностранных языков обостряет чувство языка — и своего в первую очередь. Это воспитательное средство. Особенно важно изучение грамматики и идиом иностранного языка [6]. Именно сквозь призму фразеологизмов мы попытаемся рассмотреть феномен «дом», его роль и значение для успешной реализации межкультурной коммуникации.

Так, сравнивая слова «*maison*» и «дом», нужно отметить тот факт, что у французов это слово связывается в первую очередь, «с местом, где живут», у русских — на первом плане оказывается ассоциация с понятием «семья». Поэтому русские говорят «*Я иду домой*» («*Своя хатка — родная матка*»), а французы, предпочитая уединение, скажут: «*Je vais chez moi*» («*Chacunestroiensamaison*»). Для французов дом — это пространство физического и психологического покоя и комфорта.

Для русской культуры «дом» — это и место жительства (свое жилье, квартира), и место работы человека, любое здание и учреждение, в более широком смысле — родина, родные места. Для русских «дом» понимается и как место, где человек родился, а также место физического и душевного приюта, комфорта, тепла: «*Быть как дома*», «*Дома и стены помогают*», «*В гостях хорошо, а дома лучше*» [5]. Согласно В.И. Далю, «дом» означает также: семейство, семью, хозяев с домочадцами; род, поколение, говоря о владельцах или высоких особах: «*Домом жить — не разиня рот ходить*», «*Дом вести не лапти плести (не задом трясти, не плясать)*», «*Свой дом — не чужой: из него не уйдешь*» [2]; хозяйство отдельной семьи: «*Дом — полная чаша*»; «*Дом: одни*

бу́ины ветры по углам перекликаются»; «Мило тому, у кого всего много в доме»; «Дом вести – не лапти плести»; отсутствие, нехватку имущества: «Худо тому, у кого ничего нет в доме»; «Счастье отпало, ничего в доме не стало».

В работе «Пословицы русского народа» В.И. Даль показал, что значит для русского человека «дом». Дом – это микромир человека и его семьи, где царят свой дух и своя атмосфера. Огромный пласт пословиц и поговорок тому яркое доказательство: «*Всякий дом хозяином держится*», «*Дом красится хозяином*», «*Без хозяина дом – сирота*» «*Горе тому, кто непорядком живет в доме*», «*Каково на дому, таково и самому*», «*Не красна изба углами, красна пирогами*», «*В гостях хорошо, а дома лучше*», «*Дома – не в гостях: посидев не уйдешь*», «*Домом жить – обо всем тужить*» [3].

В английской и немецкой культурах слова «*house*» и «*dasHaus*» отличаются от русского «дом». Для англичан и немцев – это только здание или строение. Домашний очаг, домашний уют, место для жилья, дом, жилище будут передаваться словами «*home*» и «*dasHeim*», а родина – «*nativeland*», «*dieHeimat*». Л.С. Бархударов в своей статье «Двенадцать названий и двенадцать вещей» пишет, что русское слово «дом» и английское «*house*» совпадают лишь в двух значениях: «здание, строение» (например, каменный дом – *a stone house*) и «династия» (например, дом Романовых – *the HouseofRomanovs*). Во всех остальных значениях эти слова не совпадают. «Дом» в русском языке имеет также значение «учреждение», причем в этом значении оно каждый раз переводится на английский язык по-разному, в зависимости от того, о каком конкретно учреждении идет речь; ср. «детский дом» – *children'shome* или *orphanage*; «торговый дом» – *commercialfirm*; «сумашедший дом» (разг.) – *lunaticasylum*; «исправительный дом» – и пр. В свою очередь, английское «*house*» также имеет ряд значений, отсутствующих у слова «дом»: «палата парламента» (например, *theHouseofCommons*), «театр» (например, *operahouse*), «зрители, аудитория» (*appreciativehouse* – «отзывчивая публика»), «сеанс» (*thefirsthousestartsatfive*), «гостиница» и пр. [1].

А.В. Павловская в работе «Англия и англичане указывает на то, что дом является центром вселенной для англичанина. К нему стремится душа его после работы, о нем мечтает он во время странствий, им дорожит больше, чем другими ценностями. «*Home, sweethome*» – приговаривают англичане («Дом, наш милый дом»), а на полотенчиках в виньеточках пишут: «*Thereisnoplacelikehome*» («Нет места лучше дома») [7]. Родная земля ассоциируется в английском языке с домом: «*East or West, home is best*», «*An Englishman's home is his castle*» ит.д.

Дом для англичан – это не только место, где они живут, но и атмосфера, созданная ими. Характерная черта внутреннего убранства английского «загородного дома» («*countryhouse*»): эклективизм – вещи разных эпох и стилей, накапливавшиеся в семьях, связанные с семейными воспоминаниями и типичным английским бытом [6]. Д.С. Лихачев, побывав в гостеприимном английском доме, отмечает любовь англичан к уюту, «скромной элегантности», к садам и паркам. Англичане впускают природу в свои дома [6]. Необходимо отметить, что англичане могут жить и в неудобном, но старинном доме и

вполне испытывать там *«thecharms ofdiscomfort»*– «очарование дискомфорта», ибо ценят старину, традиции, «дух времени» и т.д. [6].

М.И. Дубровин дает вот какое объяснение поговорке *«There is no place like home»* («Нет места подобно дому»): *«Home is the best, the most pleasant place; however humble one's home may be, it is the place where one feels happiest»* [4]. Известна еще одна поговорка – *«At home one can even eat straw»* («Дома и солома едома»)[4] и английская поговорка, которая является ключевой: *«An Englishman's house is his castle»* («Мой дом – моя крепость»).

Приведенные выше примеры означают, что понятие «дом» имеет как общие, так и специфические характеристики в русской, французской, английской и немецкой языковых культурах, связанные со стереотипами мышления, системой ценностей, образом жизни, самобытностью культуры. Феномен «дом» является бесценным ключом к пониманию культуры.

Таким образом, в пословицах и поговорках, включающих понятие «дом», ярко проявляется своеобразие быта, жизни, истории и культуры народа. Знание и активное владение фразеологическим богатством не только украшает речь делового партнера, но и способствует лучшему пониманию менталитета народа страны изучаемого языка, взаимопониманию, реализации диалога культур в межкультурной коммуникации.

Список использованных источников:

1. Бархударов Л.С. Двенадцать названий и двенадцать вещей // Рус. яз. за рубежом. – 1969. – № 4. – С.79-86.
2. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка.– М.: Эксмо, 2007. – 896 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
4. Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. – М.: Просвещение, 1993. – 349 с.
5. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. – 736 с.
6. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. Писатель, 1989. – 608 с.
7. Павловская А.В. Англия и англичане.– М.: Изд-во Московского ун-та; Триада Лтд, 2004. – 264 с.

ЖОЛУДЕВА Любовь Ивановна

кандидат филологических наук, старший преподаватель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

La sintassi delle frasi participiali assolute nella prosa italiana del Cinquecento

Семантико-синтаксическая структура абсолютных причастных обороты в итальянском языке XVI века

Costruzioni participiali assolute appartengono a un ampio gruppo di strutture sintattiche il cui funzionamento è andato incontro a cambiamenti notevoli nel corso dei secoli che dividono l'italiano antico e l'italiano moderno. I valori di costruzioni

participiali assolute, nonché le restrizioni semantiche e strutturali che delimitano il loro uso, sono state recentemente descritte in due grammatiche sincroniche (Salvi, Renzi (a cura di) 2010; Renzi, Salvi, Cardinaletti (a cura di) 2001). Nonostante l'esistenza di queste descrizioni dettagliate basate su vasti corpora, le strutture sintattiche in questione rivestono tuttavia interesse storico: visto che i cambiamenti nel loro uso procedevano gradualmente e riguardavano diversi proprietà semantiche e strutturali dei predicati, sarebbe opportuno ricostruire l'intero processo attraverso una serie di tagli sincronici. La presente ricerca mira a descrivere alcune tendenze nel funzionamento di costruzioni participiali assolute nella prosa italiana del XVI secolo.

Il XVI secolo fu un periodo di particolare importanza per lo sviluppo della prosa italiana; dopo la 'crisi Quattrocentesca' il volgare conquista nuovi spazi diventando un modo di espressione prescelto dalle persone colte anche fuori Toscana. Tranne numerose scritti polemici creati nell'ambito della *questione della lingua*, la prosa letteraria cinquecentesca comprende trattati storici e politici (fra gli autori più famosi si può citare Niccolò Machiavelli e Francesco Guicciardini), opere autobiografiche (fra cui "La vita" di Benvenuto Cellini è forse quella più famosa), numerose commedie (opere di Anton Francesco Grazzini, Niccolò Machiavelli, Alessandro Piccolomini, Donato Giannotti, Accademici senesi (gli "Intronati"), Girolamo Bargagli e altri). I testi soprannominati costituiscono il corpus sul quale si basa questa ricerca.

Il punto di partenza per la nostra analisi è costituito da due restrizioni sull'uso di costruzioni assolute che esistono nell'italiano moderno e che non funzionavano ancora nell'italiano antico (Egerland 2010: 884-885; Egerland 1999: 187). Si tratta della restrizione sul numero di argomenti nudi in un costrutto (**Conosciuta Elena Gianni*, tutti cominciarono a fare pettegolezzi; **Arrestato la polizia i manifestanti*, i tumulti cessarono; cfr. *Veduto il sacerdote lo capo del cavallo*, disse: ... (Fatti di Enea; VIII, p. 14)) e quella sul tipo semantico del verbo: solo i participi dei verbi transitivi e inaccusativi (e alcuni verbi inergativi se accompagnati da avverbi come *una volta* o *appena*) sono ammessi in costruzioni assolute nell'italiano moderno a differenza dell'italiano antico (*?*Cantato per più di trent'anni alla Scala*, la Tebaldi si ritirò; cfr. *Cenato ogni gente*, e rassettate a sedere, disse la Fede a la Filosofia... (Bono Giamboni, *Libro*, cap.16, par.1)).

Nel nostro corpus abbiamo cercato di confrontare il modo di costruire frasi assolute participiali in opere cinquecentesche di generi e stili diversi. Il quadro risultante non è uniforme: nella maggior parte dei testi le frasi assolute, salvo poche eccezioni, si costruiscono in conformità alle regole moderne, mentre "La vita" di Benvenuto Cellini abbonda di 'errori' tipici dell'italiano antico.

Per quanto riguarda il numero di argomenti non preposizionali, nella prosa di Cellini si può incontrare gli esempi di due argomenti nudi in una sola frase assoluta:

Di poi, venuto il magnifico Piero Soderini, essendo mio padre al suo ufizio del sonare, saputo il Soderini il meraviglioso ingegno di mio padre, se ne cominciò a servire in cose molte importantissime come ingegnere (B. Cellini "La vita", I, 6)

Mandatomi il Papa tutte le gioie, dal diamante in fuori, il quale per alcuni suoi bisogni lo aveva impegnato a certi banchieri genovesi, tenevo

tutte l'altre gioie, e di questo diamante avevo solo la forma. (B. Cellini "La vita", I, 52)

Nel resto del corpus analizzato non abbiamo trovato altri casi delle frasi assolute con due argomenti non-preposizionali, il che suggerisce la emarginazione quasi compiuta di tali costrutti.

Lo stesso vale per costruzioni assolute con verbi inergativi, che anche nell'autobiografia di Cellini sono piuttosto rari:

Sonato il campanuzzo e mandatici tutti fuora, in mia difesa disse Prinzivalle agli compagni... (B. Cellini "La vita", I, 16)

Sono molto frequenti invece i casi di mancata concordanza del participio in frasi assolute con verbi transitivi e inaccusativi, il che risulterebbe agrammaticale in italiano moderno:

Da poi, rimessi qui per lettere di cambio tutti i danari di mio padre, e prese le lettere, ed imbarcato la schiava, ed alcune sete ed altre robe che di mio guadagno aveva comperato, ne venni a Livorno (D. Giannotti "Vecchio amoroso" I, 1)

E del vecchio eramo come certissimi che, prestatomi indubitata fede, ne dovesse andar là senza pensare altro (A.F. Grazzini "Il Frate", III, 1)

Ripreso nuove opere, mi venne voglia, finite che io le ebbi, di cambiare maestro (B. Cellini "La vita", I, 14)

Venuto l'ora debita, che fu in sul tardi a ventidua ore, io lo fece sotterrare con grandissimo onore (B. Cellini "La vita", I, 49)

La presenza di tali esempi non solo nella prosa di Cellini ma anche nei testi di commedie cinquecentesche e, sporadicamente, in altri testi del nostro corpus fa pensare che si tratti di un fenomeno più diffuso e vivo di quelli menzionati sopra. Il fatto che il participio passato nelle costruzioni assolute di questo tipo molto spesso non viene concordato con il suo soggetto/oggetto, nella nostra opinione, non significa che ci sia una tendenza ad usarlo come forma invariabile; anzi, negli stessi testi non sono rari i casi di concordanza del participio nelle forme dove oggi questo sarebbe agrammaticale (p. es. il passato prossimo con *avere*). Un'ipotesi alternativa potrebbe essere che in tanti casi i participi non concordati sono della diatesi attiva anziché passiva. Questo spiegherebbe sia la presenza di due argomenti non preposizionali dipendenti dal participio (*Mandatomi il Papa tutte le gioie*) che l'uso di pronomi oggetto diretto negli esempi del tipo seguente:

Medicatomi e partitosi [il dottore], subito comparse un mio carissimo amico, chiamato Giovanni Rigogli (B. Cellini "La vita", I, 29)

Se si accetta questa spiegazione, si dovrà riconsiderare lo status semantico-grammaticale delle frasi assolute il cui soggetto coinciderà con quello della frase principale e che, conseguentemente, risulteranno non del tutto assolute:

...e prese le lettere, ed imbarcato la schiava, ed alcune sete ed altre robe che di mio guadagno aveva comperato, ne venni a Livorno (D. Giannotti "Vecchio amoroso" I, 1)

Nella presente ricerca abbiamo tracciato alcune tendenze nell'uso di costruzioni partecipiali assolute nell'italiano del XVI secolo – non ancora italiano moderno, ma neanche antico: già in questo periodo le ampie possibilità offerte dalla

синтаксис двенадцатого и тринадцатого веков начинают сокращаться соответственно. Наличие некоторых признаков синтаксиса древнего итальянского в прозе Бенvenuto Cellini (и, реже, в комедиях пятнадцатого века) может означать, что эти явления, а не являются абсолютно аграмматическими, а были отмечены как принадлежащие к народному итальянскому языку того времени.

Наш анализ предлагается включить в раздел «Морфология и синтаксис», поскольку явления, о которых идет речь, являются синтаксическими. Новизна нашего исследования заключается в диахроническом рассмотрении синтаксического феномена – абсолютных participialis – которые на данный момент не описаны и не проанализированы в двух фазах его развития – начальной (древнее итальянское) и конечной (современное итальянское), в то время как материалы, которыми мы пользуемся, относятся к пятнадцатому веку и таким образом образуют синхронический, но не охваченный в описании комплекс явления.

Библиография

1. Alisova T. «Studi di sintassi italiana» // Studi di filologia italiana, №XXV, 1967. С. 223-250.
2. Alisova T. «Rapporti tra sintassi e stile nel processo di formazione della lingua letteraria italiana (dal XIII sec. al XVII sec.)» // Beitrage zur romanischen Philologie, II Jahrgang 1963. Heft 2. С. 96-109.
3. Bertuccelli Papi M. «Frase subordinate al participio: Participio passato» // Grande grammatica di consultazione. A cura di L. Renzi, G. Salvi e A. Cardinaletti. Vol. 2. Bologna: Il Mulino, 2001. С. 593-604.
4. De Roberto E. Le costruzioni assolute nella storia dell'italiano. Napoli: Loffredo editore, 2012.
5. De Roberto E. «Sintassi e formularità in italiano antico: il caso delle costruzioni assolute» // Romanische Forschungen, №124 (2), 2012. С. 147-198.
6. Egerland V. «Frase subordinate al participio» // Grammatica dell'italiano antico. A cura di G. Salvi e L. Renzi. Bologna: Il Mulino, 2010. С. 881-903.
7. Egerland V. «Sulla sintassi delle costruzioni assolute participiali e gerundive nell'italiano antico e il concetto di anacoluto» // Revue Romane, №34 (2), 1999. С. 181-204.
8. Serianni L. «La prosa» // Storia della lingua italiana. A cura di L. Serianni e P. Trifone. Vol. 1. I luoghi della codificazione. Torino: Einaudi, 1993. С. 451-581.

ЗАГРЯЗКИНА Татьяна Юрьевна

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Этнотекст в контексте эпидиалогического дискурса

В последние годы одной из важных научных тем стало изучение эпидиалогического дискурса – дискурсивных средств и ценностных установок, связанных с оценкой говорящими своей языковой практики [5, с. 220] и проявляющихся при развертывании речи (греческая приставка *epi-* обозначает «поверх чего-либо», «возле» или «внутри»).

Этот аспект интересовал и В. Г. Гака, который писал об углублении интереса к региональным языкам со стороны его носителей и отношении к языку/диалекту на саму практику речи [2, с. 101-102]. В частности, он упоминал о том, что мужчины первыми стали использовать французский язык в своей производственной деятельности и на военной службе [там же], не придавая этому особого значения, затем эстафету приняла женщина, вполне осознанно отказавшись от родного языка, «заботясь о будущем детей» [3]. Следствием этого, по мнению В.Г. Гака, стала «психологическая пустота», которая, впрочем, быстро заполнилась - место деревенского говора, использовавшегося в семейно-бытовой сфере и альтернативному публичному общению, теперь «занимают ненормативная или арготическая речь». В.Г. Гак подчеркивал эволюционную значимость регионального дискурса и одним из первых в отечественной романистике применил к нему термин «эпилингвистический»: «... роль [диалектов] увеличивается не в собственно коммуникативной функции, а во вторичной функции – эпилингвистической – как средство символизации отдельности территориального социума» [там же].

В статье мы коснемся лишь одного аспекта темы, связанной с социолингвистическим изучением дискурса в рамках теории этнотекста (*ethnotexte*), разработаво французской лингвистической литературе. Разработка концепции началась на волне региональных и экологических движений 70-х гг. XX в., и сами исследователи – Ж.-К. Бувье, Гз. Равье, Ж.-Н. Пелен и др. чувствовали себя включенными в эти движения и призванными ответить на двойную потребность общественной жизни – защиту региональной культуры и окружающей среды [6].

Этнотекст определяется как «дискурс коллектива о себе самом» (*discours qu'une collectivité tient sur elle-même*) и существует преимущественно в устной форме. Этнотексты имеют а) «литературную»/фольклорную сферу (*sphère littéraire*) и б) сферу нелитературную (*sphère non-littéraire*). Фольклорные тексты (сказки, легенды, песни, пословицы и т.д.) для современного французского общества являются реликтами. Чаще всего этнотексты имеют форму воспоминаний о прошлом: общей истории коллектива и отдельных семей, культуре, быте, традициях, поверьях, сельскохозяйственных и ремесленных производствах, традиционных видах техники. В основании концепции лежит предпосылка, что значительная часть региональной культуры сохраняется в устной памяти коллектива и передается другим поколениям пусть и не во всей полноте, а во фрагментарном виде. Вместо целой сказки вспоминается наиболее яркий мотив, вместо полного образа персонажа – деталь одежды, особенность «биографии» и поведения. Кроме затемнения и даже забвения развернутой структуры мифа, сам миф подвергается деформации. Снижается степень универсальности, происходит актуализация события: привязка в местности, времени, персонажу – вымышленному или мнимому. Ср. актуализованный пересказ известной сказки о курочке: «Дело было здесь, на ферме Репон ... У Жирбалей было три курочки ...». Рассказчик может использовать и ссылку на собственный пример или пример из жизни известных в коллективе людей, и грань между сказкой и рассказом стирается: «Мой брат

был священником, и он мне рассказал эту историю. Поверьте, это случилось на самом деле» [8, с. 25 и др.].

Иное событие, напротив, может быть приукрашено, заострено и мифологизировано. Так, рассказ об ужасе, который вызвала встреча с диким животным - волком (для Франции, скорее в прошлом) или кабаном (в настоящем), может иметь значение установочного мифа, важного для коллектива. Примером может быть и «наполеоновская легенда», или комплекс представлений о чудесном рождении Наполеона Бонапарта, договорес духом - «Красным Человечком» (*Petit Homme rouge*), который «помогал» ему в битвах, чудесном спасении с острова Эльба через подземный ход и др. компоненты, зафиксированные П. Себийо [7, с. 396 и др.].

Грань между демифологизированной сказкой, мифологизированным рассказом или ностальгическим воспоминанием об историческом событии, жизни деревни или семьи может быть весьма зыбкой. Связь сказки с семейной ситуацией и воспоминаниями о родовой спаянности людей проявляется и в русскоязычном культурном ареале. Ср. семейные нарративы русских о рождении ребенка, зафиксированные И.А. Разумовой в наше время: «Существует такое представление, что рыба снится женщине к беременности. Также известно, что к рождению мальчика может присниться окунь или лещ, к рождению девочки – плотва или щука» [4, с. 236, 262], и аналогичный мотив в сказке об Иване Быковиче из собрания А.Н. Афанасьева: «Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас можно забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться» [1, с. 225]. Эти и другие примеры свидетельствуют об общих тенденциях, свойственных несказочной прозе (русская традиция) и этнотекстам (французская традиция).

Мы полагаем, что наряду с термином «этнотекст» можно использовать и термин «этнодискурс», делая акцент на развертывании текста: Ж.-Н. Пелен упоминал о «дискурсивном – этнотекстуальном – контексте», а Ж.-К. Бувье писал, что «этнотекст - это дискурс о культуре (*discours culturel*)» [8, с. 33].

Представляется, что концепция этнотекста/этнодискурса может иметь и более широкое применение. Очерчивая собственный культурный ареал, этнотексты устанавливают дистанции с иными культурными ареалами и обнаруживают дифференциальные признаки, противопоставляющие «своих» и «чужих». В этом случае этнотекст является средством самоидентификации коллектива и средством идентификации другого коллектива.

С нашей точки зрения, дискурс о «чужом» ареале - это тоже вид этнотекста. Так, дискурс иностранцев о России имеет комплекс устойчивых составляющих - констант, не зависящих от конкретной исторической эпохи и от личности самого говорящего, а в некоторых случаях, и от самой реальности. Эти константы касаются проявлений «русского характера», описания жизни и даже погодных условий. Они часто становятся объектом критики как стереотипы, создающие «неправильный» образ страны, затрудняющие

коммуникацию и поэтому требующие ниспровержения (холод, медведи на улицах, печки и лавочки и др.). Отчасти это так, но если бы все было просто, «помехи» уже давно были бы ниспровергнуты. Жизненность этих компонентов коренится в их функции, которая заключается не в отражении реальности, а в том, чтобы идентифицировать культурный ареал России. Сведения, не входящие в свод этнотекстов о России, но более адекватно отражающие реальную жизнь, не являются идентификаторами ее культурного ареала.

Основными функциями этнотекста о «своем» ареале являются идентификация и сплочение коллектива, формирование культурных ориентиров для жизни в данной среде. Функции этнотекста о «чужом» ареале заключаются в том, чтобы идентифицировать этот ареал, сделать его узнаваемым, выполнить роль «буфера», предупреждающего о культурных различиях в том числе и в преувеличенно акцентированной форме.

Таким образом, можно сделать вывод о двустороннем характере эпilingвистического дискурса: с одной стороны, он фиксирует культурные барьеры и этим способствует автономизации регионов, с другой – разрушают границы и обеспечивают непрерывность культурного и языкового пространства. Это еще раз доказывает роль взаимосвязь языка, общества и культуры, которую подчеркивал в своих работах Владимир Григорьевич Гак.

Список использованных источников:

1. *Афансьев А.Н.* Народные русские сказки. В 3-х тт. Т.1. М.: Наука, 1984.
2. *Гак В.Г.* Введение во французскую филологию. М.: Просвещение, 1986.
3. *Гак В.Г.* Отзыв официального оппонента о докторской диссертации Т.Ю. Загряжской «Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка». М., 1996 (на правах рукописи).
4. *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. М.: Индрик, 2001.
5. *Bulot T.* Discours épilinguistique et discours topologique : une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbain // *Revue de l'Université de Moncton.* 2005, vol. 36, n 1.
6. *Pelen J.-N.* Les phonothèques de l'oral au carrefour de la recherche et de la culture : <http://afas.revues.org/2813> (дата обращения 15.01.2016).
7. *Sébillot P.* Le folk-lore de France. En 4 vol. Vol. IV. Le peuple et l'histoire. P., 1968.
8. *Tradition orale et identité culturelle : Problèmes et méthodes/Dir. par J.-C. Bouvier.* Marseille : Editions du CNRS, 1980.

Семантическая эволюция термина *valeur* в терминосистеме Ф. де Соссюра

Лингвистическая терминосистема (далее ЛТС) Ф. де Соссюра представляет собой результат конъюнкции элементов различных лексических единиц, значения которых подвергаются действию следующих *операторов*:

- **Вариация** ядерных или периферийных сем: сосуществование на осях синхронии и диахронии нескольких дефиниций, выражающих одно значение. Системные отношения термина остаются прежними, а значение - связанным с неизменным научным понятием.

- **Модуляция** – изменение объёма или содержания выражаемого понятия посредством **уточнения** значения с добавлением или устранением периферийных сем без образования новых значений, но с возможной трансформацией семантических отношений термина.

- **Деривация** – образование нового значения. Деривация связана с необходимостью изменения на денотативном уровне для выражения нового понятия. В результате появляется **терминологическая многозначность**. Если значение образуется в связи с изменениями на сигнификативном уровне, то речь идёт о **концептуальной многозначности**. Деривация происходит посредством **расширения, сужения и переноса** значений при перегруппировке ядерных сем [1, с. 29–33].

Становление семантической структуры термина *valeur* затрагивает сразу несколько терминосистем, чем и вызваны существующие проблемы трактовки данного понятия. Используя метод компонентного анализа контекстуальных дефиниций и метод системно-генетического анализа, представим эволюцию семантики термина *valeur* на трёх этапах его развития.

1. Возникновение потребности в создании термина. Ф. де Соссюр развивая свою теорию, оперирует лексическими единицами, которые выражают смежные понятия в других терминосистемах. Источниками ингрессии термина *valeur* в ЛТС Ф. де Соссюра могли послужить сразу несколько систем, в которых термин имеет разные значения. Проанализируем такие значения и выделим в них семы, соотносящиеся с семой *valeur* в ЛТС Ф. де Соссюра. Такие "общие" в диахроническом плане семы обозначим как **интегрирующие**.

В записях Ф. де Соссюра о произвольности знаков обнаруживается связь с современными ему экономическими теориями. Так, лингвист переносит понятия номинальной (*valeur nominale*) и реальной (*valeur réelle*) стоимости в свою концепцию. При сравнении рукописи Ф. де Соссюра 1908-1911 гг. [8, с. 287], со статей словаря Littré 1877 г. [5, с. 6585] обнаруживается, что ученый указывает на **номинальность (произвольность)** отношений между означающим и означаемым: **значимость** языковых единиц не определяется их **фонетической оболочкой**, а зависит от социальной санкции. Совпадения в трактовке понятия свидетельствуют об интегральности семы '*arbitraire*'.

Термин *valeur* существовал до Ф. де Соссюра и в лингвистической терминологии. Э. Кёрнер указывает на то, что традиция сравнивать деньги со словами (знаками) зародилась уже в XVI в. в теории философа Л. Сальвиати [6, с. 66]. Э. София связывает первые употребления термина *valeur* для описания знаковых систем с работами многих философов [9, с. 34]. Первое использование термина *valeur* для выражения лингвистического понятия зафиксировано в 1718 г. в работе синонимиста Г. Жирара. Термин *valeur* трактуется как некая *сила* слов, устанавливаемая через определение степени их *энергии*, а также *разности* идей, выражаемых словами. Это эффект, производимый словами на сознание, т. е. репрезентация присвоенных слову идей, зависящая от общей (присвоенной узусом) или частной установки. В контекстуальных дефинициях обнаруживается интегрирующая сема '*différence*', а также '*dépendant de l'institution*' (или '*conventionnel*'). Отметим также, что, согласно концепции Г. Жирара, синонимы объединены *главной идеей* (*idée principale*), но различаются *второстепенными идеями* (*idée accessoire*) [4, с. 757], которые и соотносятся со *значимостью*.

Идеи Г. Жирара были широко известны в той научной среде, к которой относился Ф. де Соссюр. Кроме того, отдельные фрагменты концепции Г. Жирара были отражены в авторитетной французской Энциклопедии, которой непосредственно пользовался Ф. де Соссюр [9, с. 36]. В той же Энциклопедии теория Г. Жирара получает своё развитие: согласно Н. Бозэ, *значимость* состоит в присвоении идей, присваиваемых слову узусом. Два слова, обладающие общим *главным смыслом* (*sens fondamental*), который возникает с присвоением *значению* (*signification*) слов некоей объединяющей *идеи* (*idée*), различаются на уровне их *значимости* (*valeur*) в связи с тем, что каждое слово рассматривается с особой точки зрения. *Значимость* слов возникает из-за наличия у каждого слова своего *особого смысла* (*sens spécifique*) [3, с. 843]. По мнению Ф. де Соссюра, *смысл* присваивается не самим единицам, а их *разности*, что, однако, подтверждает интегральность семы '*différence*'.

Анализ контекстных дефиниций термина *valeur* в работах, с которыми Ф. де Соссюр был знаком, позволяет выявить два значения с ядерными семантиками: 1) '*idée accessoire des mots*'; 2) '*sens spécifique des mots*'. С одной стороны, наблюдается **концептуальная многозначность** термина *valeur*: описывается одно и то же научное понятие, но с позиций разных ученых. Если же рассматривать понятия "*sens spécifique*" как эквивалент понятия "*l'idée accessoire*", то перед нами феномен **вариации** исходного значения.

2. Формирование термина. Семантическая структура термина *valeur* в ЛТС Ф. де Соссюра начинает формироваться в 1891 г. В своих рукописях ученый определяет термин через такие ядерные семантики как '*rapport*', '*corrélation*', '*négatif*', '*relatif*', '*conventionnel*', '*arbitraire*', '*entre les signes*', '*entre les significations*', '*entre un signe et une signification*', '*fondé sur les oppositions*'. На уровне последней семантики обнаруживается вариация: один раз используется сема '*fondé sur les différences*'. Данное значение уточняется с помощью периферийных сем '*réciproques*' (вариация: '*mutuelles*'), '*fondé sur l'attribution préalable de certaines significations à certains signes*', '*essence de la langue*',

'impliquant l'existence d'autres valeurs' [8, с. 17-197]. В 1901-1908 гг. значение модулируется за счёт периферийной семы *'incorporelle'*.

При формировании термина **valeur** в анализируемой ЛТС, следовательно, происходит деривация нового значения посредством метонимического переноса (особый смысл, вызванный разностью - отношение, основанное на разности). *Значимость* начинает рассматриваться как *отношение* или *взаимосвязь* не просто между словами, а между *значениями*, между *знаками*, а также между *знаками* и *значениями*. Такие отношения являются *конвенциональными, нематериальными и негативными*, т. е. основывающимися на *разности* или *оппозиции*. Интегрирующей оказывается не только сема *'différence'*, но а также *'signification'* и *'conventionnel'*, выступающая как вариант семы *'dépendant de l'institution'*. Общность наблюдается и при сравнении сосюрговской семы *'l'attribution préalable de certaines significations à certains signes'* и уже существующей семы *'idées attachées par l'usage à chaque mot'*.

3. Устойчивое равновесие. На данном этапе семантическая структура термина считается оформленной и не подвергается воздействию операторов. Термин **valeur** следовало бы представить как однозначный термин, не имеющий синонимов в ЛТС. Однако такая устойчивость нарушается при обращении к псевдоаутентичной работе "Курс общей лингвистики", в которой обнаруживаются два значения термина **valeur**: 1) *'rapport', 'entre les signes', 'dépendant de la signification', 'sans laquelle la signification n'existerait pas';* 2) *'élément de la signification'*. Два значения связаны посредством ядерных сем *'relatif', 'arbitraire', 'différentiel', 'négatif', 'conventionnel', 'dans l'usage'* и периферийных сем *'considérée dans son aspect conceptuel', 'considérée dans son aspect matériel', 'résultant de la présence des autres valeurs', 'basé sur l'opposition', 'basé sur la différence', 'dépendant de ce qu'il y a dehors et autour du mot'* [7, с. 158-168]. Совпадение со значением, выявленным в рукописях обнаруживается на уровне большинства сем. Однако в рукописях *значимость* - это лишь отношение (в том числе и между *значениями*), основанное на разности. Исходя из текстов "Курса...", понятие *значения* шире: *значимость* является элементом *значения* и полностью от него зависит.

Противоречия обнаруживаются и при анализе "Курса..." в отрыве от рукописей. При экспликации термина **valeur** издатели пишут, что слова могут обладать одним *значением*, но разной *значимостью*. Однако если *значимость* - это элемент *значения*, то они не могут противоречить друг другу. В пользу такой точки зрения говорит системный подход, у оснований которого и стоял Ф. де Соссюр. Так, исследователь С. Бадир настаивает на том, что характеристики целого должны быть отражены в части этого целого [2, с. 40].

Итак, анализ аутентичных и псевдоаутентичных текстов позволяет представить семантическую структуру термина **valeur** одновременно на осях синхронии и диахронии, что помогает проследить историю разграничения "проблемных" понятий современной лингвистики: *значимость, значение, смысл, идея* и др. При этом сложность в однозначном установлении действующего оператора семантических изменений термина **valeur** в диахронии, противоречия в выявлении точного значения термина в синхронии,

подтверждают необходимость изучения истории становления остальных смежных элементов ЛТС Ф. де Соссюра, определяющих границы анализируемого термина.

Список использованных источников:

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). - М.: Международные отношения, 1977. – 265 с.
 2. Badir S., Saussure : la langue et sa représentation, Paris, Harmattan, 2001. - 120 p.
 3. Diderot & d’Alembert, Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Nouvelle impression en fac-similé de la première édition de 1751-1780, Stuttgart – Bad Cannstatt, Friedrich Frommann Verlag, 1988.
 4. Girard G, La justesse de la langue Française ou les différentes significations des mots qui passent pour synonymes, Laurent d’Houry, Paris, 1718. - 620 p.
 5. Littré Émile, Dictionnaire de la langue française, Paris, Hachette, 1963.
 6. Koerner E.F. Ferdinand de Saussure. Origin and development of his linguistic theory in western studies of language. A critical evaluation of the evolution of saussurean principles and their relevance to contemporary linguistics. – Burnaby: Simon Fraser University, 1971. – 453 p.
 7. Saussure F. de. Cours de linguistique generale / Publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prep. par Tullio de Mauro. Paris, 1997. 520 p.
 8. Saussure F. Ecrits de linguistique générale. Etablis et édités par S. Bouquet et R. Engler avec la collaboration d’ A. Weil. Paris: Editions Gallimard. 2002, - 348 p.
- Sofia E. Petite histoire de la notion saussurienne de ‘valeur’, in Cl. Normand et E. Sofia, Espaces théoriques du langage. Des parallèles flous, Louvain-la-Neuve, Academia, 2013. – p. 29-64.

ИВАНОВА Юлия Витальевна

кандидат филологических наук, доцент

Смоленский государственный университет искусств)

Метафора и жест в романе Бен Желлуна «La réclusion solitaire»

Таар Бен Желлун является одной из ярких фигур французской художественной литературы конца XX века. Его творчество привлекает читателя своей многогранностью, заставляя проводить параллели между днём настоящим и далёким прошлым, между культурами столь различными, как европейская и африканская. С одной стороны это особое сочетание сказок, легенд, мусульманских ритуалов и африканских мифов, а с другой стороны события его произведений – это взгляд писателя на проблемы современности, главной из которых, по мнению автора, является миграционный процесс и проистекающие из него разногласия на почве расовой нетерпимости.

Таар Бен Желлун родился в 1944 в Фесе, но отрочество провёл в Танжере. Изучал философию в Рабате, однако его учёба была прервана, так как он был помещён в военный лагерь на 18 месяцев. И именно там Бен Желлун начал писать. Он преподавал в лицеях сначала в Тетуане, затем в Касабланке. В 1971 по причине мусульманизации преподавания он переезжает в Париж, где продолжает своё образование на факультете социологии. Он пишет диссертацию по социальной психиатрии о психических расстройствах у

госпитализированных иммигрантов. Но скоро он принимается писать художественные тексты, и в 1972 году на свет появляется сборник стихов, а затем и первый роман. Таар Бен Желлун активно сотрудничает также с газетой «LeMonde» [1, с. 404-405].

Остановимся подробнее на метафорическом описании жестов в одном из первых произведений Таара Бен Желлуна романе «Laréclusion solitaire». Это история рабочего эмигранта, который живёт в жестокой реальности, сталкиваясь с насилием, ненавистью и расизмом. Поэтому он предпочитает уходить в другой мир – мир своих воспоминаний, где смешаны картины его прошлого: нищей деревни, опустошённой земли, восстания крестьян, заполненных тюрем, брошенного ребёнка, смутного образа своей матери и единственной постоянной вещи в этом мире – солнца. И от полного одиночества в его сознании возникает иллюзия любви к придуманной им же самим женщине. Не желая жить одними фантазиями, он отказывается от выдуманного объекта страсти, начинает жить в действительности. В один из дней он встречает реальную женщину, такую же, как он, эмигрантку, и быть может, вместе они смогут разрушить то одиночество, ту изоляцию, на которые обречены все эмигранты.

Метафорическое описание жестовых характеристик персонажей может служить одним из вербальных средств интенсификации коммуникативного содержания. Благодаря образу метафора связывает язык с мифом и искусством и соответствующими им способами мышления – мифологическим, художественным, синтетическим [2, с. 296]. Таким образом, с помощью метафорического выражения невербальные явления приобретают согласно замыслу автора в воображении читателей и конкретный кинесический рисунок, и ассоциируемый с ним образ, которые, объединяясь, четко воссоздают эмоциональную картину описываемых событий и взаимоотношений между героями. Красочность и образность такого вербального воссоздания жеста помогает избежать банальной констатации производящегося кинесического акта, конкретизировать в образе, заложенном метафорой, его значения.

Одним из ведущих лейтмотивов романа «Laréclusion solitaire» становится близкая для автора тема – эмиграция. Раскрывая все те острые социальные и психологические проблемы, которые возникают в процессе адаптации приезжего, Таар Бен Желлун обращает читательское внимание прежде всего на одиночество и безразличие, которые окружают главного героя. Вначале он пытается найти своё место в этой новой действительности. Тщетность попыток достучаться до окружающих писатель метафорически описывает в жесте отчаяния – «царапать пальцами небо»:

«Un chant rassemble l'enfant et l'olivier. Mes doigts griffent le ciel» [3, с.28].

Как справедливо отмечает В.А. Маслова, «с психолингвистической точки зрения поэтический образ можно расценить как систему специфических раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчётом, чтобы вызвать эстетическую реакцию реципиента» [4, с. 19]. На наш взгляд, это утверждение справедливо и для прозаических художественных произведений. В качестве такого рода интенсификаторов может быть

использовано конструирование художественных образов посредством перенесения свойств человека на неживую природу. Чаще всего этот перенос осуществляется при описании мира человеческих эмоций. Это мы видим и в текстах Таара Бен Желлуна. Герои его произведений избирают одним из оружий борьбы с безразличием окружающих смех, изображаемый метафорически, чаще всего – с помощью метафорической или метонимической персонификации. В романе смеются не только люди, но и вещи, которые, совершая подобные невербальные действия, помогают главному герою вернуться к реальной жизни:

«On a tiré la chasse d'eau au fond du couloir. Le bruit est de retour. Le rire saccadé de la chasse nous rappela au présent» [3, с. 41].

Иногда неживая природа становится активным персонажем и, переходя из романа в роман, становится связующим звеном целой серии произведений. Характеристиками такого рода Таар Бен Желлун наделяет дерево, которое становится символом покинутой родины. В минуты отчаяния оно приходит на помощь, внушая герою веру в свои силы, ободряя смехом:

«Les mots en grappe tombent. C'est le rire de l'arbre.

Il nous reste le pouvoir de rire. Et nous rions aux éclats. Mais ça fait peur ...» [3, с.57].

Герои начинают верить в свои силы и бороться единственно возможным для них методом – смехом.

Писатель использует в качестве носителей человеческих эмоций, наряду с предметами неживой природы и представителями флоры, также и животных. Например, он не говорит напрямую о переживаниях своего героя, его эмоционально-психологическое состояние проецируется на другого персонажа:

«Oui, ma lucidité voyage sur un âne qui ne s'arrête que pour boire. Le regard de l'âne – bien silencieux – cogne de tristesse les cailloux déposés par le jour. La nuit se chargera de les colorer» [3, с.89].

При создании зооморфных метафор происходит перенос тех или иных моральных, эстетических, поведенческих характеристик человека на животное, и писатель производит на читателя необходимое эмоционально-психологическое впечатление. Как точно замечает Е.И. Карпенко, эмоциональное воздействие на реципиента «оказывает эффект психологического напряжения, который сохраняется в метафоре, когда её образно-ассоциативный комплекс осознаётся как живой» [5, с. 34].

Для последующего анализа метафорического описания кинесических явлений в художественном тексте, на наш взгляд, будет немаловажен тот факт, что около 70% из общего числа метафорического отражения жестов в романе «Laréclusion solitaire» относятся к разряду эмоциональных. Благодаря метафорической форме вербализации характер этих паралингвизмов превращает их в яркие авторские свидетельства того, как именно писатель представляет невербальное поведение в тех или иных коммуникативных ситуациях. Используя метафорическое описание жеста, писатель добивается точности эмоционального оттенка. Такое чувство, как жалость, может быть

воплощено во «взгляде, который закутывается в саван жалости», а слёзы печали – это «огромные и тяжёлые шары печали, которые висят на глазах»:

«Ses mains serraient le verre de bière. Son regard roulait dans un linceul de pitié. <...> Une boule énorme et lourde, une boule de tristesse pesait sur ses yeux. Elle me prit la main et me dit : « Tu es de l'or, de l'or humain. Quit' aenvoyé ? » [3, с.100].

Говоря о языковых приёмах, Ш. Балли отмечает, что у обыкновенного человека они служат, чтобы выразить новые впечатления, желания, стремления, тогда как поэт жаждет передать жизнь в красоте, он желает вне себя распространить свою эмоцию [6, с. 47]. На наш взгляд, это утверждение справедливо и по отношению к творчеству писателей-прозаиков. Посредством стилистического арсенала используемых тропов писатель стремится сфокусировать внимание читателей на определённых деталях (в нашем случае – жестах), раскрыть своё видение описываемых вещей, людей, событий.

Так с помощью метафорического описания Таар Бен Желлун раскрывает все нюансы и передаёт малейшие оттенки кинесического явления. В романе «La réclusion solitaire» благодаря подобной тропеической форме отражения и мастерскому их использованию писателю удаётся создать живые и красочные образы изображаемого мира, позволяет читателям понять и ощутить эмоционально-психологические взаимоотношения персонажей, их душевные переживания.

Список использованных источников:

1. Dictionnaire des littératures de la langue française. – A.-D. – Bordas, Paris, 1994. – 766 p.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
3. Ben Jelloun T. La réclusion solitaire / T. Ben Jelloun. – P.: Denoël, 1976. – 137 p.
4. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста / В.А. Маслова. – Минск: Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, 1999. – С. 19-21.
5. Карпенко Е.И. К проблеме национально-культурных метафорических коннотаций / Е.И. Карпенко // Актуальные проблемы германистики и романистики. – Смоленск: СГПУ, 2002. – Выпуск 6. – С. 33-40.
6. Bally Ch. Le langage et la vie / Ch. Bally. – P., 1926. – 236 с.

КАЩУК Светлана Михайловна

доктор педагогических наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Межкультурная коммуникация в рамках учебных сетевых международных проектов

В третьем тысячелетии цифровой и реальный миры тесно соприкасаются. Общение представителей разных культур способствует их сближению. Сегодня

это все чаще происходит в цифровом иноязычном пространстве, наиболее удобной и доступной для межкультурной коммуникации среде.

В ноябре 2015 года в институте французского языка в Барселоне проходила конференция «Demain, quelles pratiques d'enseignement du FLE?», на которой обсуждались, в том числе, и вопросы появления и интеграции в учебный процесс учебника-гибрида, позволяющего организовать процесс обучения французскому языку таким образом, чтобы учащийся мог находиться одновременно в реальном (в классе) и цифровом (например, в блог-приложении) учебных пространствах.

Отметим, что и в отечественной методической школе также существуют примеры организации обучения французскому языку с использованием цифрового иноязычного пространства. В рамках проведенного исследования в отечественной высшей и средней школе была разработана концептуальная модель активного обучения иностранному языку с интеграцией мультимедиа технологий, которая прошла успешную апробацию в ходе обучения французскому языку в рамках сетевых учебных проектов «КиберШкола», «Пообщаемся в блоге: правда / ложь?», «Из Кана в Коломну».

Сетевой проект «Cyberécole» («КиберШкола») представляет собой пример обучения французскому языку с интеграцией мультимедиа технологий в рамках проектной методики. Цель проекта – использование французского языка для позиционирования отечественного учебного заведения во франкофонном виртуальном пространстве.

Описание проекта: российские учащиеся представили в виртуальном франкофонном пространстве свою школу, свою учебную группу, высказали желание найти группу-партнёра из страны изучаемого языка для общения (<http://www.cyberecole12.blogspot.com>; <http://www.cyberecole17.blogspot.com>). После того, как группа-партнёр из французского учебного заведения была найдена, в течение нескольких лет велся школьный блог на французском языке, где российские школьники общались со сверстниками из Франции, выкладывая в блог устные и письменные высказывания на французском языке. Лексический, грамматический, фонетический и страноведческий материал обычных школьных уроков был полностью востребован на занятиях в мультимедийном языковом классе.

Партнёры по сетевому проекту: 2 группы российских и французских подростков 14–18 лет. Время проведения: одно занятие в неделю в течение трех учебных лет 2009/2010, 2010/2011, 2011/2012. Роль преподавателя: найти группу-партнёра соответствующего возраста из Франции, руководитель которой был бы заинтересован в реализации данного проекта; направлять развитие проекта, не подавляя инициативу учащихся.

Получен положительный опыт: интеграция в процесс обучения дистантного аудирования аутентичной речи сверстников – носителей языка и письменной коммуникации способствовала переносу знаний, полученных в рамках реализации данного проекта, в учебные ситуации обычных занятий; значительное повышение мотивации к изучаемому языку как инструменту межкультурной коммуникации.

Сетевой проект «Blogons en français: Info / Intox?» («Пообщаемся в блоге: правда / ложь?») явился примером обучения французскому языку с интеграцией мультимедиа технологий в рамках проблемного обучения. Цель проекта – использование французского языка в качестве средства коммуникации при создании совместного учебного виртуального пространства на французском дидактическом сайте <http://www.lewebpedagogique.com> в рамках международного конкурса, организованного Министерством образования и Министерством иностранных дел Франции для школьников всего мира, изучающих французский язык как иностранный. Описание проекта: учащиеся двух стран, изучающие французский язык как иностранный, должны создать совместный блог, в котором в течение учебного года смогут знакомить виртуальных коммуникантов культурными особенностями своих стран, выложив в блог 8 текстов от каждой группы по определённой преподавателями-руководителями проекта тематике.

Перед участниками проекта были поставлены проблемы: 1. Создать для класса-партнёра текст на французском языке информативного характера с иллюстрациями, содержащий помимо достоверной и ложную информацию. 2. Найти ложную информацию в тексте, присланном классом-партнёром.

Партнёры сетевого проекта: 2 группы российских и бразильских подростков 14–16 лет. Время проведения: одно занятие в одну / две недели в течение учебного 2009/2010 года. Роль преподавателя: следить за выполнением условий конкурса.

Достигнут положительный результат: принцип новизны (получение каждый раз от учащихся-партнёров новых текстов с заведомо заложенной в них ложной информацией) поддерживал мотивацию и способствовал доскональному изучению учащимися полученных текстов, с привлечением дополнительных информационных источников; у учащихся появился интерес к межкультурному общению (всего в блоге было представлено 54 статьи (вместо 16-ти в соответствии с условиями конкурса) и оставлено 117 комментариев к ним.

Сетевой проект «De Caen à Kolomna» («От Кана до Коломны») представлял собой обучение французскому языку с интеграцией мультимедиа технологий в рамках обучения в сотрудничестве. Цель проекта – использование французского языка в качестве средства коммуникации между студентами – будущими учителями французского языка, обучающимися в России в МГОСГИ и во Франции в рамках соглашения с Канским университетом Нижней Нормандии о студенческой мобильности.

Описание проекта: российские студенты МГОСГИ (г. Коломна, Московская область), отправленные на стажировку во Францию (г. Кан, Нижняя Нормандия) и обучающиеся на тех же условиях, что и французские студенты, должны показать учащимся факультета иностранных языков своего вуза, оставшимся в России, процесс обучения и внеучебную деятельность французского студенчества (<http://www.francekgpi.blogspot.com>).

Перед участниками проекта были поставлены задачи:

1. Задавать вопросы, требующие ёмкого информативного ответа.

2. Давать полные ответы, иллюстрирующие французскую действительность.

Партнёры сетевого проекта: студенты факультета иностранных языков МГОСГИ, изучающие французский язык как первый, второй и третий (факультативный) иностранный, проходящие стажировку в университете Нижней Нормандии (Франция) и студенты, не попавшие на языковую стажировку во Францию и обучающиеся в Коломне. Время проведения: одно / два занятия в неделю в течение двух учебных лет 2008/2009, 2009/2010. Роль преподавателя: создавать на занятиях по практике речи французского языка, лингвострановедению, методике обучения французскому языку ситуации, в которых студентам будет необходимо получать дополнительную аутентичную информацию из Франции.

Представлен положительный опыт: важным является тот факт, что блог продолжает функционировать самостоятельно и после окончания учебного проекта. Коломенские студенты продолжают общаться в нёмна французском языке по собственной инициативе, делятся впечатлениями о стажировке, дают советы. Блог стал популярен в студенческой среде других факультетов, что повысило интерес к французскому языку в вузе.

В заключении хотелось бы отметить, что в результате реализации сетевых учебных проектов в высшей и средней школе у обучаемых была сформирована готовность к социальному взаимодействию в цифровом иноязычном пространстве, что проявилось в умении толерантно относиться к партнёрам другой культуры и корректно представлять себя, свою культуру, свою страну.

Список использованных источников:

1. Кащук С. М. Технологические инновации и инновационные педагогические технологии в обучении иностранным языкам (на примере французского языка) / С. М. Кащук // Преподаватель XXI век. – 2014. - № 1. – С. 28 – 33. (0,7 п. л.)
2. Кащук С. М. Современные информационно-коммуникационные технологии и мультимедиа в обучении иностранным языкам: история развития – уточнение понятийного аппарата / С. М. Кащук // Преподаватель XXI век. – 2013. - № 4. – С. 94 – 101.
3. Кащук С. М. Изменение функции учителя / преподавателя в рамках информатизации современного образования / С. М. Кащук // Наука и школа. – 2014. - № 1. – С. 98 - 102
4. Кащук С. М. Методика обучения аудированию и говорению посредством информационных и коммуникационных технологий / С. М. Кащук // Иностранные языки в школе. - 2012. - № 7. - С. 9 – 12.
4. Кащук С. М. Блогосфера учителя французского языка / С. М. Кащук // Иностранные языки в школе. - 2009. - № 5. - С. 67–71.

КИРИЛЛОВА Нина Николаевна

доктор филологических наук, профессор

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Лексема и фразема в сравнительно-типологическом аспекте

Две языковые единицы заголовка – лексема и фразема (последняя по

терминологии Н.Ф. Алефиренко) – выступают репрезентантами двух уровней: лексического и фразеологического. Если название первого является признанным в теории языка, то атрибуция второго вызывает споры. Наше мнение мы обосновываем с помощью метафоры: фразеологический уровень, являясь производным от лексического в «младенчестве», обретает самостоятельность в процессе «взрождения», свидетельством чего являются фразеологические дериваты, то есть лексемы с новым значением. Фразеологический уровень, таким образом, из производного превращается в производящий. Фразема как единица этого уровня, порождает лексему с новой, совершенно другой семемой, но в той же форме. Лексический уровень обогащается новой семемой, что бесспорно. Неоднозначным является толкование взаимоотношения лексем «матери» и «падчерицы». Это значение квалифицируется в словарях по-разному либо как новое значение, либо как омоним. Так, у существительного *tuile* 'черепица' производное значение 'désagrément inattendu / 'неожиданная неприятность', выделившееся из фразеологизма *recevoir une tuile sur la tête* (буквализм, или атомарное словосочетание «получить черепицу на голову»), словари Larousse, Hachette, Le Robert отмечают в составе его полисемии, а LEXIS - как омоним.

Фундаментальное свойство языка – асимметрия языкового знака лежит в основании всей лингвистической концепции Владимира Григорьевича Гака. Из двух типов асимметрии - синтагматической и парадигматической - В.Г. Гак вывел три определяющих признака фразеологизма: полилексемность, идиоматичность и узуальность. Первая отличает ФЕ от цельноформленных единиц, вторая отграничивает их от аналитических словосочетаний (типа *avoir lieu*), а третья - от индивидуально-авторских речений (3, с. 122). Асимметрия – это результат тенденции языка к синонимии и полисемии. Рассмотрим вопрос соотношения лексемы и фраземы с трех точек зрения: а) от семемы к лексеме, б) от производной лексемы к семеме, в) от атомарного словосочетания (АСС) к фразеосемеме.

а) От семемы к лексеме. Ономазиологический (а и в) и семасиологический (б) принципы исследования лексической системы составляют одну из дихотомий теории языка. В зависимости от задач исследования ведущим признается либо тот, либо другой принцип.

Во французском языке как языке аналитическом межуровневая синонимия (т.е. соотношение разных категорий плана выражения национального языка при одном и том же содержании) имеет вид цепочки из четырех звеньев: лексема → аналитическое слово → фразеологическое словосочетание → идиома. Представим цепочку семемы 'упрекать' *reprocher* → *faire un reproche* → *reprocher un cheveu de la tête à qqn* → *chercher des poux dans la tête de qqn*. 1. Простая лексема: *Stendhal reprochait à Mérimée de n'avoir pas lu Helvétius ni Condillac; il lui reprochait son ironie cruelle et son manque de tendresse* [8, с. 996].

2. Аналитическое слово: В дефинициях нередко значение первого звена раскрывается посредством второго, т.е. аналитического слова: *reprocher* 'faire des reproches à qqn au sujet de qch'. Аналитическое слово входит в границы

фразеологии, а не лексики: *faire un reproche (des reproches, grief, des griefs)*. Многочисленные синонимы, которыми богата данная категория, выполняют аспектуальную и другие грамматико-семантические функции. План выражения семемы упрекать в совокупности состоит из семи вариантов. Пример полисемии: *faire face à qch : faire face à la fenêtre : On sentait une odeur d'iris et de draps humides qui s'échappait de la haute armoire en bois de chêne faisant face à la fenêtre. (Flaubert Madame Bovary), / шкаф, стоящий напротив окна/. Ср. Ниже: *faire face à la demande* 'удовлетворять спрос', *faire face aux dépenses* 'нести расходы', *faire face à ses tâches* 'выполнять свои задачи', *faire face à ses dettes* 'выплатить долги'.*

Теория аналитических слов была защищена в докторской диссертации З.Н. Левита в конце 60-х годов, которая изложена в учебниках по лексикологии французского языка, благодаря которой сложилась неформальная научная школа – Минская школа фразеологии (З.Н. Левит, А.Н. Степанова и др.). См. подробнее [5, с. 10-19]. Аналитическим словом называются лексикализованные устойчивые сочетания слов, создаваемые по особым структурным моделям, компоненты которых выполняют служебную и знаменательную функцию в рамках всего словосочетания» [7, с. 5]. В отличие от фразем и идиом, в аналитических словах глагольный компонент, утрачивая свое значение, выполняет служебную функцию, а знаменательный (существительное, прилагательное) либо сохраняет свое первичное значение, либо десемантизируется. Значительное место в этом списке занимают названия частей тела: *faire face à qqn, faire face à qch, prendre corps* и многие другие. Первый опыт составления частотного списка лексических аналитизмов отражает 3056 сложных устойчивых единиц. Их частотность в литературных произведениях составляет 5-6 единиц на страницу, а в текстах делового и технического жанра они являются одной из главных характеристик, составляющих специфику данного жанра по причине их вхождения в обязательные формулы-клише.

3. Фразеологическое словосочетание то, в котором сохраняются компоненты в прямом значении рядом с переосмысленными: *C'est que le Recours, on le connaît, on ne peut pas lui reprocher un cheveu de la tête (E. de Goncourt. Les frères Zemganno (НБФРФС)*

4. Идиоматическое словосочетание, или просто идиома. *Lucien bouillait. – Notre temps est compté. Nous avons une mission à remplir. Vous n'allez pas nous chercher des poux dans la tête? (J. Fréville. Plein vent. (НБФРФС)*. В функциональном аспекте между «звеньями цепочки» наблюдается большое разнообразие: фраза может состоять целиком из фразеологизмов, то есть обойтись без лексем (известная фраза Архангельского: «Прекрасный пол хлебом не корми – денно и ночью перебивают косточки синим чулком и белым воронам» [1, с. 98-99]. Но это иллюстрация не живой речи, а языковой игры.

Нередки фразы с тремя фразеологизмами - два аналитических слова и один образный фразеологизм (идиома), или только с аналитическими словами: *Peut-être suis-je seulement en train de jeter ma gourme, de me faire les griffes (Vialar P. Tournez, jolies gosses)*. Возможно, у меня сейчас как раз такое

время, когда я должен перебеситься, приобрести жизненный опыт (НБФРФС). Три аналитических слова: Vous me connaissez, Gilon ! J'ai toujours eu mon franc-parler ;ce n'est pas du goût de tout le monde (Druon, M. Les Grandes familles) Вы ведь меня знаете, Жилон! Я всегда говорил правду в глаза, и это не всем было по вкусу [НБФРФС].

Б) от производной лексемы к семеме. Глагол *dire* является заглавной лексемой лексического поля «речи», обладает высокой частотностью и продуктивностью. Наше внимание привлёк глагол *se dédire*: являясь производным по форме и значению благодаря отрицательному префиксу *dé-* названный глагол *se dédire* «отказаться от данного обещания» является синонимичным не лексеме, а идиоматическому выражению «пойти на попятный/-ую». Однако в их языковом статусе нет ничего общего: французский глагол имеет прозрачную внутреннюю форму (ср. *conseiller/ déconseiller*), а внутренняя форма идиомы русского языка затемнена и нуждается в культурологическом комментарии. ФЕ идти на попятный двор, идти на попятную (разг.) «отказываться от прежнего решения, уже данного согласия, данного обещания» [2, 463]. Французская лексема *se dédire* отличается от своего «прародителя» глагола *dire* морфемами спряжения 2-л. мн.ч. *vous dédisez* и в императиве *dédisez-vous!* И, второе отличие, является лексемой высокого стиля.

В) На межъязыковом уровне синонимия образуется между двумя типами деривативов -лексическим *se dédire* и фразеологическим идти на попятную. Общее для двух языков значение «отказаться от данного обещания», представляет собой манифестацию двух разных поверхностных структур, так как возникли, по словам В.Г. Гака, «на пересечении национально-специфического и культурно-обусловленного аспектов» [4, с. 262], каждая в соответствии со своей языковой системой.

Все значимые единицы языка относятся либо к лексическим знакам (ЛЗ), либо к фразеологическим (ФЗ). Первые противопоставляются вторым как устойчивые цельноформленные (fr. *mordicus*) устойчивым раздельноформленным (fr. *à tout prix*).

При сравнении языков констатируется отсутствие изоморфизма междуструктурными частями (ядром и периферией) лексики и фразеологии в разных языках. Ядро образуется фразеологическими единицами с фразеологической семантикой, сокращенно ФЕ с ФС (fr. *faire main basse*). К периферии относятся раздельноформленные устойчивые единицы с лексической (неосложненной) семантикой, сокращенно ФЕ с ЛС. (fr. *prendre de l'âge, faire grief*). Примеры лексических единиц с фразеологической семантикой (сокращенно ЛЕ с ФС): fr. *salopard* и ЛЕ с ЛС fr. *s'enfuir*.

Таким образом, периферия фразеологии представляет собой смешение таких единиц, которые являются фразеологическими либо только по форме, либо только по содержанию. Этим объясняется сложный и противоречивый механизм взаимодействия фразеологии с лексикой вследствие проникновения одной системы в другую.

Рассматривая разноуровневые и разноязычные языковые единицы, констатируем, вслед за В.Г. Гаком, что в статике (в словаре) основной единицей

является лексема цельнооформленная, в динамике (высказывание) – раздельнооформленные конструкции, скрепленные валентностными свойствами (лексика), либо вопреки им (фразеологические единицы разных типов).

Список использованных источников:

1. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии/В. Л. Архангельский. Ростовн/Дону.:Изд-воРост. Ун-та, 1964. -315 с.
2. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии [Текст] Историко-этимологический справочник / В.М.Мокиенко, Л.И. Степанова - СПб.: Фолио-Пресс. 1998. – 704 с.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998 – 768 с.
4. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999 - с. 260-265.
5. Николаева, Э. А. Фразеологический состав официально-деловых документов: Структурные и семантические особенности (на материале договоров Евросоюза). Учеб. пособие / Э. А.Николаева- М.: «Аспект Пресс», 2012 – 143 с.
6. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др. ; под ред. В.Г. Гака. - М.: Рус.яз. - Медиа, 2005. - XX, 1625, [3] с. – (сокр. НБФРФС)
7. Частотный список фразеологизмов французского языка под ред. З.Н Левита, Минск, 1979.-144 с.
8. Lanson G. Histoire de la littérature française. P. Librairie Hachette et Cie. 1902. – 1182 p.

КОЗАРЕНКО Ольга Михайловна

кандидат географических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве РФ

Анализ научного дискурса студенческих презентаций на французском языке

Контекст исследования. Программа Правительства РФ по развитию фундаментальных научных исследований в России на долгосрочный период предусматривает «развитие кадрового потенциала науки», а также «интеграцию российской фундаментальной науки в мировое научное пространство» [3]. Это предъявляет новые требования к организации научной деятельности студентов. Относясь ко всем направлениям подготовки будущих специалистов, это положение приобретает особое значение для преподавателей иностранного языка (ИЯ). Трудно отрицать в этом контексте роль английского языка, однако принцип поддержания лингвистического многоязычия, побуждает нас в рамках преподавания французского языка (ФЯ)[4] продемонстрировать его возможности, как языка науки, и прививать студентам навыки научного исследования на ФЯ.

Методы исследования. В последние годы нами разработана концепция по формированию иноязычной исследовательской компетенции(ИЯИК) [2],

которая объединяет в себе исследовательскую и иноязычную коммуникативную компетенции. ИЯИК, имеет свои особенности, критерии оценки, стратегию формирования. Настоящее исследование дополняет содержание ИЯИК. Его цель заключалась в анализе научного дискурса студентов в презентациях на ФЯ, подготовленных для студенческих научных конференций. С этой целью мы проанализировали 51 презентацию студентов (СП) разных специальностей вузов столицы и других городов. Мы благодарим всех преподавателей, предоставивших нам эти материалы. Презентации были подготовлены студентами бакалавриата.

Анализовались письменные высказывания студентов, зафиксированные ими в текстах мультимедийных презентаций. Эти высказывания являются письменным сопровождением коммуникативной ситуации и относятся к категории коммуникативно-сопровождающего институционального делового дискурса [Зорина, 2014]. *Гипотеза исследования.* В соответствии с основными принципами научного дискурса, который в той или иной мере должен был бы присутствовать в такого рода работах, мы предполагали увидеть: утверждение, аргументацию, обоснование, эмпиризм, логичность, методологичность, критицизм, навыки анализа и оценки. Эти принципы призваны отражать развитие мыслительной деятельности (анализ, синтез, и т.д.) и способствовать развитию творческого потенциала личности.

Результаты исследования. Установлено, что из 51 проанализированной СП лишь 47,4% носили исследовательский характер. Остальные фактически являлись рефератами и поэтому были исключены из статистической обработки.

Рассмотрим особенности научного дискурса СП. Начнем с формулировок названий работ. Четкая формулировка проблемы исследования среди проанализированных СП наблюдалась всего в 43,3% случаев. Отметим, что часто им свойственен крайний минимализм: «Mondialisation», «BMW», часты такие формулировки, которые соответствующие схеме «Явление + Страна» («BalancedepaiementenSuisse», «ÉcotourismeenFrance»).

Если работа носит исследовательский характер, то это сразу отражается на ее заголовке «Région de Sotchi: un pas vers l'accélération du développement durable de la Russie?», «Tourisme sera-t-il la locomotive de l'économie française?». Отрадно отметить, что в названиях работ отсутствуют формулировки по образцу «подлежащее + сказуемое + прямое дополнение», а также заголовки, начинающиеся со слов «L'Etude de...».

Системность изложения в СП присуща 56,6% работ, о чем говорит наличие в них плана. Однако его формулировки носят часто упрощенный и даже формальный характер, что может быть отражением низкого уровня системности восприятия иноязычного материала, а, следовательно, и его воспроизведения. Лишь одна СП была основана на сопоставлении аргументов и контраргументов. Всего в 2 из СП планы были представлены структурными, а не текстовыми слайдами. Досадно, что ни в одной из СП не была представлена методика исследования, а также сформулирована цель и гипотеза его (в этом

отношении более выигрышны школьные исследовательские презентации, например воспитанниц Пансиона МО РФ).

Анализ обнаружил достаточно частое стремление представить информацию не в виде текста, а только картинки, порой даже лишенной подписи. Многие формулировки заголовков слайдов односложны («Indicateurs», «Lefinancement») и не информативны («Information économique», «DéveloppementDurable»). Здесь уместно вспомнить основные вопросы, на которые обращают внимание во французских методиках: «QOOQCCP: Qui? Quoi? Où? Quand? Comment? Combien? Pourquoi?» и ответы на которые могут помочь студентам в представлении основной информации. Крайне редки броские, оригинально сформулированные заголовки, сразу привлекающие внимание: «L'Europepourrait-ellevivresansRussie?»).

Другой особенностью дискурса СП является или полное отсутствие *авторского* текста на слайде или его минимальное присутствие. Такие слайды представляют собой иллюстрацию с заголовком и пояснениями, заимствованными из оригинала. Самым неудачным примером является воспроизведение больших фрагментов чужого текста, да еще и без ссылок на автора. В данном случае активизация коммуникативных усилий студента сведена к нулю, не говоря уже о плагиате. Иногда, вместо переформулирования текста оригинала, студенты механически разбивают целую фразу на части и, не меняя ее структуры, приводят эти отрывки фразы в виде отдельных высказываний. Встречаются неоптимизированные высказывания, когда, например, на одном слайде с одного слова могут начинаться несколько фраз. Отмечены лишь единичные случаи критических и аргументированных высказываний, формулировок проблем. Как отмечалось ранее, крайне редко встречается самостоятельно сформулированный текст (как правило, это относится к СП в которых используется перевод материалов с родного языка). В этом случае студенты часто сохраняют стилистику устного высказывания: «À partir de ces chiffres nous pouvons faire la conclusion que les croisières...»). Самым распространенным вариантом является текст, представляющий формулировку термина или перечисление и констатацию признаков явления. Единичны слайды с высказыванием собственных суждений и умозаключений. Только треть СП содержит раздел Заключение, что свидетельствует о несформированности логичности высказываний.

Для текста СП характерна высокая терминированность. В 75,9% СП использовались иноязычные термины данной отрасли знаний. Графическое представление информации, в виде графиков и таблиц характерно для 60% СП, статистические данные в тексте приводились в 62,7% СП (основная их доля приходится на СП по экономике). Эти данные требуют серьезного осмысления, т.к. в основе любого исследования должны лежать *факты* и их соответствующая количественная или качественная обработка. Интересно отметить, что 11% студентов используют графические приемы комментариев на графиках (стрелки, зачеркивающие кресты, контуры) вместо текста. Ни в одной из презентаций анализ статистических данных не выведен на слайд, хотя, по нашему мнению, это было бы хорошей подсказкой выступающему. Можно

предположить, что этот анализ выносится либо на устное высказывание либо не делается вообще. В 23% СП их авторы пытались обращаться к юмору, как правило, это были графические рисунки, лишь в одном случае был приведен юмористический текст на ИЯ. Серьезным нарушением правил научного дискурса в СП является отсутствие ссылок на оригинальные источники текстовой или статистической информации слайдах. Ссылки присутствовали лишь в 33% СП.

Выводы. 1. СП должна стать не только иллюстративной опорой выступления, но и отражать его исследовательский характер (работа по формированию ИЯИК). 2. Текст СП должен нести в себе элементы научного дискурса, присущего исследовательским работам. 3. Необходимо обращать внимание на системность восприятия информации на ИЯ. 4. Следует формировать привычку структурированного высказывания. Наличие плана презентации (с отражением проблематики, гипотезы, методов исследования, изложения фактов и их анализа с последующими выводами и заключением) должно стать жестким требованием ее выполнения. Это пробудит потребность в установлении причинно-следственных, временных и т.д. связей, что найдет отражение в письменных комментариях к устным высказываниям. 5. Текст слайда на ИЯ должен представлять собой осмысленные и переформулированные студентом фразы оригинальных источников, работающие на раскрытие темы исследования; формулировки авторских утверждений; проведенного студентом анализа; критические высказывания; аргументы и т.д. с обязательными ссылками на источники в случае заимствования материалов. 6. Необходимо повышать исследовательскую грамотность преподавателей ИЯ и использовать богатый опыт франкофонных коллег в этом направлении.

Список использованных источников:

1. Зорина Н. М. Использование дискурсивных матриц в формировании коммуникативной компетенции студентов // Среднее профессиональное образование. 2010. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-diskursivnyh-matrits-v-formirovanii-kommunikativnoy-kompetentsii-studentov> (дата обращения: 20.01.2016).
2. Козаренко О.М. Иноязычная исследовательская компетенция: особенности содержания и формирования. «Теория и практика обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: традиции, инновации, перспективы».- Сб. научн. трудов/под редакцией М.В. Мельничук.- М.: Изд-во Финуниверситета, 2014. ISBN 978-5-7942-1236-5 140-152 стр. <http://elib.fa.ru/fbook/melnichuk.pdf/view>
3. Об утверждении программы фундаментальных научных исследований в России на долгосрочный период (2013–2020 годы). Распоряжение от 27 декабря. 2012 года №2538р Правительство РФ <http://government.ru/docs/20270/>
4. Charles Xavier Durand. Le français: une langue pour la science 2001 http://cled.free.fr/cl/lectures/documents/une_langue.php3

КУЛАГИНА Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Языковая репрезентация колониальной Африки в романе Л.-Ф.

Селина «Путешествие на край ночи»

Статья посвящена основным лингвистическим средствам описания жизни и быта колониальной Африки в романе Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи». Рассматривается языковое портретирование как коренных жителей, так и живущих в колониях европейцев.

Роман Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи» («*Voyageaouboutdelanuit*»), вышедший в 1932 г., до сих пор вызывает дискуссии, связанные с чрезмерной резкостью в изображении представителей как иных культур, так и родной культуры героя. Одной из наглядных иллюстраций этой особенности романа является репрезентация колониального Камеруна, а именно – местного населения и живущих там французов из метрополии. Определённое влияние на видение этих территорий Фердинандом Бардамю, главным героем романа, оказывают довольно устойчивые гетеростереотипы, о чём свидетельствует следующий пример:

Nous voguions vers l'Afrique, la vraie, la grande; celle des insondables forêts, des miasmes délétères, des solitudes inviolées, vers les grands tyrans nègres vautrés aux croisements de fleuves qui n'en finissent plus [1, p. 112].

В приведённом примере обращают на себя внимание эпитеты *vraie* и *grande* с определёнными артиклями, что служит подтверждением стереотипного восприятия героем территорий, к которым он направляется. Гиперболы *desinsondablesforêts*, *dessolitudesinviolées* и *lesgrandstyransnègresvautrésauxcroisementsdefleuvesquin'enfinissentplus* подчёркивают масштабы существующих у Бардамю стереотипов об Африке вообще и о Камеруне, который является его пунктом назначения, в частности.

Языковые средства изображения собственно африканских колоний можно разделить на две категории: те, которые репрезентируют местных жителей, и те, которые используются для описания французских колонистов (а именно – представителей местной власти) и их образа жизни. В обеих группах преобладают средства, призванные передать отрицательные характеристики портретируемых персонажей. Так, при репрезентации управляющих колонией французов делается акцент на их авторитарности и, в то же время, неорганизованности, что видно из следующих примеров:

1) *Dans cette colonie de la Bambola-Bragamance, au-dessus de tout le monde, triomphait le Gouverneur. Ses militaires et ses fonctionnaires osaient à peine respirer quand il daignait abaisser ses regards jusqu'à leurs personnes* [1, p. 125].

2) *Et les hostilités particulières et collectives duraient interminables et saugrenues entre les militaires et l'administration, et puis entre cette dernière et les commerçants, et puis encore entre ceux-ci alliés temporaires contre ceux-là, et puis de tous contre le nègre et enfin des nègres entre eux. Ainsi, les rares énergies qui échappaient au paludisme, à la soif, au soleil, se consumaient en haines si*

mordantes, si insistantes, que beaucoup de colons finissaient par en crever sur place, empoisonnés d'eux-mêmes, comme des scorpions [1, p. 125 – 126].

Впервопримерегиперболы*trionphait le Gouverneur ises militaires et ses fonctionnaires osaient à peine respirer quand il daignait abaisser ses regards jusqu'à leurs personnes*

демонстрируютраболепиефранцузскихчиновниковпередгубернаторомивсевласт иесамогогубернатора. Приэтом,

какпоказываетвторомпримеренисходящаяградациясэлементамигиперболизац ии*les hostilités particulières et collectives duraient interminables et saugrenues entre les militaires et l'administration, et puis entre cette dernière et les commerçants, et puis encore entre ceux-ci alliés temporaires contre ceux-là, et puis de tous contre le nègre et enfin des nègres entre eux,*

представителивластивколониифактическинеспособнывзаимодействоватьдругд ругомиконтролироватьпроисходящеевокруг.

Гиперболическоесравнение*beaucoup de colons finissaient par en crever sur place, empoisonnés d'eux-mêmes, comme des scorpions*подчёркиваетидеюопасностиподобногообразажизни.

Вэтомжепримереперечисление*aupaludisme, à la soif, ausoleil*описываетнездоровыефизическиеусловия,

вкоторыхнаходятсяфранцузскиепоселенцы – каквластьимущие, таките, ктостоитнаболеенизкихступеняхместнойиерархии. Приведём пример, более эксплицитно демонстрирующий одновременно тяжесть условий жизни и труда в колониальной Африке и покорность французских служащих и рабочих своей участи:

Ils étaient venus en Afrique tropicale, ces petits ébauchés, leur offrir leurs viandes, aux patrons, leur sang, leurs vies, leur jeunesse, martyrs pour vingt-deux francs par jour (moins les retenues), contents, quand même contents, jusqu'au dernier globule rouge guetté par le dix millionième moustique [1, p. 133].

Перечисление*leurs viandes, leur sang, leurs vies, leur jeunesse,* атакжегипербола*jusqu'au dernier globule rouge guetté par le dix millionième moustique*

усиливаютэффектнепосильностизадачи, стоящейпередфранцузскимиколонистами. Тем не менее, сами они, как видно из примера, вполне удовлетворены своей судьбой и готовы охотно ей покориться, о чём свидетельствует повтор *contents, quand même contents*. Метафора *ces petits ébauchés*, обладающая негативной окраской, указывает на потенциальную несостоятельность этих людей в метрополии, в связи с чем они пытаются начать новую жизнь в колониях, в надежде, что попытка окажется удачной.

Наряду с этим, по наблюдению Бардамю, прибывающих в колонии французов подстерегают не только физические болезни, но и интеллектуальная деградация, что показано в следующем примере:

Mes petits collègues n'échangeaient point d'idées entre eux. Rien que des formules, fixées, cuites et recuites comme des croûtons de pensée.[1, p. 134].

Метафорическое сравнение *fixées, cuites et recuites comme des croûtons de pensée*показывает неспособность колонистов, с которыми довелось общаться герою, иметь собственное суждение о

происходящем и выражать свою позицию, что косвенно подтверждает также идею об авторитарном характере местной власти, подавляющей любые попытки самостоятельного мышления среди своих подчинённых.

Говоря о средствах изображения коренных жителей колонии, отметим, что основным способом передачи отношения к ним героя в частности и колонистов вообще является инвектива, выступающая, в том числе, как непосредственное обращение. Так, среди номинаций темнокожего населения белыми поселенцами, встречаются лексемы *boudin*[1, p. 129], *carne*[1, p. 131], *fumier*[Ibid] *morpion*[1, p. 138], *charogne*[Ibid], *salopards*[1, p. 140], свидетельствующие об очевидно пренебрежительном отношении к представителям местной культуры. Отдельно подчеркнём лексему *nègres* (а также её производную *nègrerie*), которая является наиболее частотной номинацией коренного населения колонии и употребляется как колонистами, так и самим Бардаю. На момент публикации романа эта лексема обладала пейоративной коннотацией [2], поэтому её использование в тексте романа позволяет предположить, что негативное отношение к местным жителям было вызвано, не в последнюю очередь, их внешней инаковостью. Противопоставление темнокожего населения белым колонистам чётко показано в следующем примере:

Nous trinquâmes à sa santé sur le comptoir au milieu des clients noirs qui en bavaient d'envie. Les clients c'étaient des indigènes assez délurés pour oser s'approcher de nous les Blancs, une sélection en somme [1, p. 136].

Антитеза *clients noirs – nous les Blancs* иллюстрирует значительную дистанцию, существующую между представителями двух разных культур и которую французы, по наблюдениям героя, совершенно не стремятся преодолеть. Гиперболическая метафора *une sélection*, обозначающая белых поселенцев, указывает на их самовосприятие как представителей доминирующей культуры и на их нежелание проявить больше уважения к чужой идентичности. Идея пренебрежения по отношению к коренным жителям присутствует также в суждениях самого Бардаю, например:

La nègrerie pue la misère, ses vanités interminables, ses résignations immondes; en somme tout comme les pauvres de chez nous mais avec plus d'enfants encore et moins de linge sale et moins de vin rouge autour [1, p. 142].

Гиперболическая антитеза *ses vanités interminables – ses résignations immondes*, в сочетании с инвективной метафорой *la nègrerie pue la misère*, указывает на высокую самооценку местного населения, но также на неспособность эту самооценку реализовать и на нежелание изменить ситуацию. Сравнение *tout comme les pauvres de chez nous* позволяет нам предположить, что в своей оценке чужой культуры герой опирается на ориентиры своей родной культуры, тем самым в некотором роде нивелируя не только чужую идентичность, но и свою собственную, приближая представителей своей культуры к уровню столь низко оцениваемых им камерунцев.

Подводя итог, подчеркнём, что средства репрезентации колониальной Африки в романе «Путешествие на край ночи» носят, в основном,

пейоративную окраску. При изображении французских поселенцев посредством гиперболизации описаний акцентируется авторитарность их власти, а также чрезмерные подострастие и покорность тех, кто занимает менее значительные должности. Отмечается чёткое формальное разделение населения на «белых» и «чёрных», где белые колонисты демонстрируют своё пренебрежительное отношение к темнокожим коренным жителям. Это пренебрежение выражено посредством эксплицитной антитезы *noirs – blancs*, а также инвективной лексики, выступающей в данном контексте как наиболее частотное средство репрезентации. Отмечается также сравнение образа жизни коренного населения с образом жизни в метрополии, что создаёт эффект частичного нивелирования идентичности, как своей, так и чужой, что призвано продемонстрировать в равной степени отрицательную оценку проявлений обеих культур.

Список использованных источников:

1. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. – Paris: Gallimard, 2012. – 510 p.
2. Le Trésor de la Langue Française informatisé / sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, свободный.

КУРБАНОВА Камилла Искандеровна

кандидат филологических наук, преподаватель

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Специфика франко-англо-русских синонимических «ложных друзей переводчика»

Изучение «ложных друзей переводчика» на материале трех языков (французского, английского и русского) показало, что самую многочисленную группу составляют **синонимические «ложные друзья»** (более 60 % от всего анализируемого материала), т.е. формально сходные слова трех языков, одно или несколько словарных значений которых совпадают, таким образом, в этом/этих значениях они в норме взаимозаменяемы, и интерференция исключена, тогда как остальные значения оказываются неравными, и если в речевом взаимодействии данные значения приравниваются вопреки их словарному различию, это приводит к интерференционной ошибке.

В некоторых работах [2; 3; 4 и др.] данный тип «ложных друзей», исследуемых на основе двух языков, называют так же **неполными «ложными друзьями»**. Сравните: англ. *beef* и франц. *bœuf* обозначают разновидность мяса «говядина», но только французский коррелят может употребляться в значении животного «бык», которое по-английски принято называть другим словом – *ox*. Так, в равном значении данные корреляты являются эквивалентами при переводе, а несходное значение «бык» французского коррелята может повлечь за собой ошибку, т.е. несмотря на равенство одного значения англ. *beef* и франц. *bœuf* остаются «ложными друзьями».

Неполные «ложные друзья переводчика» («*fauxamis partiels*») противопоставляют словам, сходным по форме, но не имеющим ничего общего в семантике, т.е. **полным «ложным друзьям»** («*fauxamis complets*»), напр., англ. *coin* «монета» // франц. *coin* «угол». Однако вслед за И.Н. Кузнецовой [1]

мы используем расширенную типологию, в соответствии с которой помимо вышеупомянутой бинарной оппозиции учитывается тот факт, что частичное несовпадение семантических объемов коррелятивных слов может иметь разную степень. Тогда появляется возможность отличать **синонимические «ложные друзья»**, обладающие хотя бы одним общим словарным значением, от **контактных**, значения которых не совпадают, но входят в одно семантическое поле, ср.: франц. *binocle* «пенсне» и рус. *бинокль*, соотносящиеся по видовому контакту.

Настоящая статья посвящена синонимическим «ложным друзьям» при контакте сразу трех языков, и в результате нашего исследования выяснилось, что данная группа тоже неоднородна. В первую очередь, рассмотрим триаду с общеупотребительными, нейтральными совпадающими значениями: Корреляты франц. *matériellement* // англ. *materially* // рус. *материально* не смешиваются при контакте анализируемых языков в двух значениях: первое - «вещественно, осязаемо», второе - «в отношении заработка, уровня жизни, доходов и т. п.». Равенство второго общетриадного значения продемонстрируем на следующем примере: *Je suis assez à l'aise matériellement. / Materially I don't have much to worry about. / Материально я достаточно обеспечен.*

Французский коррелят имеет несовпадающее, контактное значение «физически, практически(на практике)», которое потенциально может вызвать интерференцию при переводе: *C'est matériellement impossible. / It's physically impossible. / Это физически невозможно.*

Английский коррелят также обладает неравным значением «существенно, значительно», что на французский язык следует переводить наречиями *sensiblement, considérablement*: *Les chose sont sensiblement changé depuis notre dernière entrevue. / Things have changed materially since well as met. / Ситуация существенно изменилась с момента нашей последней встречи.*

Во-вторых, общим для трехязычных «ложных друзей» может быть значение не основное, общеупотребительное, а узкоспециальное. В качестве примера рассмотрим триаду франц. *ordre* // англ. *order* // рус. *ордер*, сходные в значении *архит.* «тип композиции, основанный на художественной обработке несущих (колонн) и несомых (антаблемент) конструкций»: *ordre dorique / Doric order / дорический ордер.*

Однако данные «ложные друзья» регулярно подвергаются смещению (особенно при контакте с русским языком) в силу множества парных синонимических значений французского и английского коррелятов, несвойственных русскому. Французское *ordre* и английской *order* сходны в восьми значениях: 1) «порядок, расположение в определённом порядке; последовательность, очерёдность», сравните: *par ordre alphabétique / in alphabetical order / в алфавитном порядке;*

2) «исправность, порядок; хорошее состояние, организованность»: *(re)mettre en ordre / to set / put in order / убирать, приводить в порядок;*

3) «порядок, спокойствие (в стране)»: *ordre public / law and order / общественный порядок (правопорядок);*

- 4) «приказ, распоряжение, предписание»: *C'est un ordre !/ That's an order!* / *Эм оприказ!*;
- 5) «религиозный орден»: *ordre des bénédictins / Benedictine order / орден бенедиктинцев*;
- 6) *ист.* «рыцарскийорден»: *ordre de la Jarretière / Order of the Garter / орден Подвязки*;
- 7) «знак отличия, орден»: *ordre national du Mérite / Order of Merit / орден "За заслуги"*;
- 8) «духовный сан»: *entrer dans les ordres / to take orders / стать священнослужителем.*

Состав контактных значений может совпадать, а узус, напротив, отличаться, например, все три коррелята франц. *ordre* // англ. *order* // рус. *ордер* означают «письменное предписание, распоряжение (на выдачу чего-л.)», а употребляются по-разному: французское *ordre* обнаруживаем в таких выражениях, как (*ordre d'achat* - *поручение на покупку*; *ordre de bourse* - *биржевое поручение*); английское *order* реализуется в сочетаниях *court order* - *распоряжение суда*; *postal order* - *почтовый денежный перевод*; а русский коррелят находим в словосочетаниях *ордер на арест/ на квартиру*. Таким образом, при равенстве состава значений интерференция в данном случае не исключена, так как речевые употребления коррелятов не совпадают.

Кроме того, французский коррелят обладает контактным значением «объединение; гильдия, профессиональное объединение»: *ordre des avocats / Bar, Bar Association^{US} / коллегия адвокатов*. А также значением *ист.* «сословие», «разряд, категория, класс, ранг»: *de premier ordre / first-rate / перворазрядный, первоклассный (первый по разряду, по классу)*.

Английский же «ложный друг», в отличие от всех остальных корреляционных слов, может употребляться в значениях «слой общества, социальная группа», сравните: *classes inférieures / lower orders / низшие слоу общества*;

- «заказ»: *fait sur commande / made-to-order / сделанный на заказ*.

Синонимические «ложные друзья» данного подтипа примечательны тем, что, несмотря на множество контактных и парных синонимических значений, они объединены хотя бы одним узкоспециальным значением, в котором смешения произойти не может.

И наконец, к третьей подгруппе синонимических «ложных друзей» относятся корреляты, объединенные общим значением, устаревшим в одном из языков. Компоненты триады франц. *dispute* // англ. *dispute* // рус. *диспут* некогда употреблялись в значении «публичные дебаты на научные, литературные и т. п. темы; полемика», но в современном французском языке это значение устарело, т.е. для того, чтобы избежать интерференционной ошибки при переводе с русского и английского на французский язык, необходимо использовать некоррелирующие слова *débat, discussion*.

Французский и английский корреляты синонимичны в значении «ссора», но их словоупотребление различается. Дело в том, что во французском и в английском языках существуют две пары коррелятивных слов со значением

«ссора»: франц. *dispute* и *querelle*, англ. *dispute* и *quarrel*. Если, по свидетельству информантов, французский коррелят *dispute* используется активнее своего синонима, то в английском языке наблюдается противоположная ситуация - в этом значении чаще используется слово *quarrel*: *dispute d'amoureux / lovers' tiff / quarrel / любовная размолвка*.

Только английский коррелят может означать «спор, пререкания» в определенных сочетаниях: *sans conteste / without dispute / вне сомнения, бесспорно*.

Таким образом, большую часть исследуемого нами корпуса составили «ложные друзья» трех языков с одним или более общими значениями, что логично объясняется происхождением изучаемых слов – корреляты каждой триады имеют единый этимон. Характер совпадающего значения может быть разным, не всегда речь идет об общеупотребительном значении (нами были рассмотрены общетриадные узкоспециальное и устаревшее значения). Стоит отдельно подчеркнуть, что даже при равенстве значений словоупотребление может не совпадать, и тогда смешение остается возможным.

Список использованных источников:

1. Кузнецова И. Н. Теория лексической интерференции: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.05. - М., 1998. - 379 с.
2. Allinne F. Les faux amis de l'anglais. - Paris: Belin, 1999. - 377 p.
3. Ballard M., Wecksteen C. Les faux amis en anglais. - Paris: Ellipses, 2005. – 207 p.
4. Yala A. Les faux amis en anglais. - Levallois-Perret: Studyrama, 2008. - 111 p.

ЛАРИОНОВА Марина Владимировна
кандидат филологических наук, профессор
МГИМО (Университет) МИД РФ

Метафора как лингвокогнитивный механизм терминообразования в испанском газетно-публицистическом дискурсе

Газетно-публицистический дискурс (ГПД), отражая и моделируя окружающий мир, неизбежно сталкивается с необходимостью наименования новых реалий, возникающих практически ежедневно в условиях активно развивающейся действительности, политической, экономической, научно-технической. Его когнитивно-информационное пространство образуют ключевые концепты коммуникативных систем из различных сфер профессиональной и социальной деятельности [1, с.31-40]. При этом новые номинации, претендующие на роль терминов, с одной стороны, должны максимально точно передавать концептуальное содержание понятия, а с другой, быть понятны массовой аудитории. Именно поэтому дискурсивные термины нередко строятся с помощью лингвокогнитивного механизма метафоры, которая вербализует некую ментальность и одновременно моделирует её восприятие, позволяя тем самым осмыслить новый фрагмент действительности по аналогии с уже существующим в сознании.

На когнитивный потенциал метафоры обратил внимание испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, который писал о том, что «*метафора удлиняет*

руку интеллекта»: «Метафора служит не только наименованию, но и мышлению. Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самими для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. (...) Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям» [2, с.68].

Окончательно взгляд на метафору как на способ мышления утвердился в науке в 80-е годы XX века, когда Дж. Лакофф и М. Джонсон опубликовали свою ставшую хрестоматийной книгу «Метафоры, которыми мы живем». Авторы утверждают, что если «наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наши мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [3, с.165]. Иными словами, «метафоры, которыми мы живем», являются частью национально-культурного мировидения: метафорический образ, концептуализируясь в сознании, позволяет мыслить о новом и неизвестном через категории уже известного. Хотя Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают метафору в аспекте ее функционирования в обыденной жизни людей, их исследование вполне применимо и к сфере науки, в которой метафора также является источником когнитивного содержания.

ГПД, который включает в себя различные дискурсивные практики (политическую, юридическую, дипломатическую, экономическую, деловую, научную, рекламную, спортивную и др.), неизбежно и в достаточно полной степени отражает социальную и полипрофессиональную реальность, активно тиражируя терминологические номинации в медийных текстах. Необходимо подчеркнуть, что терминологические единицы в дискурсивном пространстве реализуют одновременно когнитивную функцию (концептуализируют действительность с большей или меньшей степенью точности), номинативную (называют новые понятия) и коммуникативную (позволяют осуществлять коммуникацию на профессиональные темы). Когнитивный потенциал терминологической лексики в дискурсивном пространстве, с одной стороны, дает возможность понятийно дифференцировать профессиональную область знания, **именуя концепты**, а коммуникативные свойства медийной терминологии обеспечивают общение, **передавая знания** в дискурсивных текстах [4, с.47].

Функционирующие в медийной среде терминологические номинации, которые являются языковыми единицами, обозначающими понятия какой-либо специальной области знания, обладают рядом прагматических особенностей и делятся на три основные категории: собственно терминологические номинации, так называемые полутерминологические названия и дискурсивные квази-термины. Их появление и функционирование во многом обусловлено действием механизма метафоризации.

Собственно терминологические номинации, или узкоспециальные техницизмы, являются частью терминосистемы и называют ключевые концепты из конкретной области профессионального знания (политика, экономика, юриспруденция, финансы, маркетинг и т.д.), в которой их

понятийное содержание определено четко и однозначно. *Полутерминологические номинации* представлены языковыми единицами, имеющими устойчивую синтаксическую структуру. Они развивают терминологическое значение в профессиональном контексте и трактуются в нем как лексико-семантические варианты термина. К *квази-терминам* относятся слова и словосочетания из общего языка, не удовлетворяющие требованиям однозначной интерпретации смысла, которые предъявляются к термину, и не обладающие устоявшимся понятийным содержанием. Они служат ситуативными заменителями термина в профессионально ориентированном дискурсивном контексте. Как правило, в медийном коммуникативном пространстве именно *полутермины* и *квазитермины* используются в роли *терминов* для называния новых реалий, понятий, явлений.

В качестве примера приведем цепочку испанских дискурсивных наименований *флеш-карты* (*карты памяти, флешки*), в которой представлены собственно *термины*, включая английское заимствование: *USB flash drive: ueesebé, dispositivo de almacenamiento de memoria rígida; полутерминологические номинации: memoria extraíble/portátil, lápiz de memoria, llave/llavero de memoria*; и метафорические *квази-термины: cucaracha, bichito, bellota, pincho, mechero*. Вместо строгого термина, заимствованного из английского языка (*USB flash drive*), и его испанского аналога (*ueesebé*) в медийных текстах различной жанровой отнесенности активно используется целый ряд синонимичных вариативных номинации, толкующих содержание понятия или раскрывающих его смысл благодаря метафорическому переносу.

В дискурсивных и в строго профессиональных текстах лексический корпус остается одинаковым, тексты различаются лишь соотношением, «удельным весом» собственно терминов, полутерминологических и квазитерминологических номинаций. В научных статьях преобладают узкоспециальные термины и техницизмы, их синонимическая вариативность минимальна, так как она препятствует четкости понимания. В медийных же текстах, наоборот, узкопрофессиональный термин, часто заимствованный из другого языка, вытесняется контекстуальными терминологическими номинациями-синонимами, образованными с помощью когнитивных механизмов мышления, в первую очередь, метафоры: *parqué* (Bolsa); *tableta* (ordenador portátil); *avatares económicos* (indices o indicadores económicos); *teléfono inteligente* (smart phone); *inversión refugio* (inversiones en bonos convertibles); *crédito/hipoteca/contrato basura* (crédito/hipoteca/contrato subprime, impago), etc.

Метафора традиционно связывает между собой две понятийные сферы: хорошо известную участникам коммуникации «*сферу-источник*» и новую концептуальную сферу – «*сферу-мишень*», требующую осмысления и объяснения. Лингвокогнитивный механизм терминообразования с помощью метафоры задает аналогии и ассоциации между разными системами понятий, обеспечивая тем самым концептуализацию какого-либо фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий и

ценностей. С помощью метафорической модели, основанной на сходстве ряда важных признаков уже обозначенной в языке реалии и реалии называемой, адресант целенаправленно строит в сознании получателя информации именно ту «картину мира», которая ему выгодна, моделируя её восприятие.

Каким бы профессионально ориентированным ни был текст, в медийном пространстве термин или его дискурсивный аналог – полутермин или квазитермин – находится в отрыве от своей терминологической среды и может оказаться трудным или даже непонятным для восприятия широкой аудиторией. Поэтому в дискурсивном пространстве медийный термин выполняет еще одну важную и новую для себя *функцию – прагматическую*: в силу своей метафоричности он становится более понятным получателю информации, повышая его самооценку, и тем самым расширяя целевую аудиторию реципиентов.

Таким образом, профессиональная коммуникация в медийной среде, ориентированная на широкий круг потребителей информации, реализуется вне терминосистемы, и, следовательно, требует дополнительного пояснения, интерпретации, расшифровки, для того, чтобы быть понятной публике, которая в силу ряда причин весьма неоднородна. Именно поэтому в медийном дискурсе происходит процесс реконцептуализации действительности, порождающий новые ассоциации и смыслы и обуславливающий появление вариативных терминологических номинаций более простых для понимания: *catch up economy – economía convergente/compensatoria/recuperatoria; economía que aspira a tapar brechas en su desarrollo*. Лингвокогнитивный механизм метафоризации как один из способов осмысления, моделирования и наименования окружающей реальности адресантом, транслирующим адресату определенное видение мира и задающим его интерпретацию, становится наиболее функциональным средством создания медийных терминологических номинаций.

Список использованных источников:

1. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / М.В. Ларионова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Серия «Научная школа МГИМО». – 327 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
4. Aguirre Beltrán B. Aprendizaje y enseñanza de español con fines específicos. Comunicación en ámbitos académicos y profesionales. Madrid: SGEL, 2012. – 175 p.

ЛАЦОЕВА Мадина Казбековна

старший преподаватель

Московский педагогический государственный университет

Коммуникативные особенности дискурса деревянного языка, «la langue de bois» (лексико-синтаксический уровень)

Для изучения целесообразности деревянного языка (далее ДЯ) и его коммуникативных особенностей необходимо обращение к психолингвистической трактовке дискурса, в соответствии с которой при порождении текста отправной точкой является концепт. Под концептом текста понимается глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением **мотива, интенций автора**, приведших к порождению текста. [В.В.Красных, Основы психолингвистики]

Для адекватного восприятия концепта важно учитывать поверхностный и глубинный уровни понимания текста:

- на уровне контекста (поверхностном уровне), происходит процесс расшифровки кода,
- на уровне пресуппозиции (глубинном уровне), уровне общего фонда знаний автора и реципиента – процесс расшифровки глубинного смысла сообщения.

Контекст предопределяет **смысловое** (семантическое) **строение** текста, а через него – **логическое строение**. Логическое строение и коммуникативная направленность диктуют выбор языковых средств. В процессе коммуникативного акта говорящий кодирует информацию, используя оптимальный с его точки зрения языковой код, т.е. упаковывает информацию в виде когнитивных структур (фреймов, сценариев) и в соответствии со своей интенцией (намерением) передаёт. Очевидно, что при восприятии текста реципиент идёт в обратном направлении: от текста к концепту (содержанию, смыслу). Слушающий должен декодировать сообщение, согласуя его значение со своей моделью мира и интерпретацией намерения говорящего.

В основе процесса понимания лежит механизм декодирования. «Понять» означает не «усвоить» смысл, а «восстановить» его на основе декодирования. Результат понимания имеет относительный характер, т.к. зависит от уровня субъекта, его опыта, знаний о мире. Ряд исследователей разграничивают «понимание» и «интерпретацию» текста. Например, Е.С. Кубрякова считает, что понимание это - осмысление текста по его компонентам; соотнесение языковых форм с их значениями; выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установление отношений между ними. Интерпретация по Кубряковой - это переход в восприятии текста на более глубинный уровень понимания, связанный с процессами логического вывода и соотнесением языковых знаний с неязыковыми.

Многие исследователи, рассматривая процесс понимания и интерпретации текста, отмечают, важность предшествующего опыта реципиента или, другими словами, персонального когнитивного пространства. [В.В.Красных, Основы психолингвистики]

Советский психолог Л.С. Выготский писал: «мы восходим от понимания слов и их значения к смыслу и мотиву высказывания». Психолингвистический анализ дискурса включает следующие этапы: как говорит → что говорит → зачем говорит → почему говорит. С точки зрения психолингвистики выделяются две основные характеристики текста – связность и целостность. Связность – это особенность соединения внутри текста его элементов (этим занимается лингвистика текста, или транслингвистика), целостность текста связана с его смысловым единством. Причём, текст может быть связным, но не целостным, и наоборот – целостным, но не связным.

«Деревянный язык» («la langue de bois») – основной сферой применения которого является политика и СМИ, исключает оценочно-аналитические регистры, рефлексию и осмысление передаваемой информации, но насаждает стереотипное восприятие, идеологические призмы, сквозь которые человек должен воспринимать окружающий мир. В этом заключается его главная особенность. ДЯ формирует картину мира, соответствующую интересам официальной идеологии, власти, подчиняет человека, парализует его волю, лишает способности адекватно оценивать действительность (т.е. применяется в качестве орудия для манипулирования общественным сознанием).

Эффективная коммуникация складывается тогда, когда смысл кодированного сообщения совпадает со смыслом декодированного. Если этот результат не достигнут, значит, присутствуют «намеренные шумы»(противодействие, фильтр, выставленный отправителем). Всякое нечетко составленное послание открывает огромные возможности для интерпретации. Туманность выражений позволяет манипулировать собеседником, изменять его поведение и его позицию, его мнение в зависимости от намерения отправителя сообщения. Единственный способ хорошей коммуникации – сделать сообщение максимально ясным, чтобы восприятие собеседника совпадало с нашим намерением. Под «быть ясным» подразумевается «быть ясным с первого раза». Вся необходимая информация должна быть выдана сразу, для того чтобы не возникало никакой возможности для неверной интерпретации. [И. Назаре-Ага, Защита от манипуляции]

Видный российский политолог Сергей Кара-Мурза считает, для того, чтобы максимально усложнить беспристрастный анализ важной информации, политиками применяется ряд следующих манипулятивных приёмов:

- разрыв между истинным смыслом слова и тем, который ему хотят придать, т.е. **изменение контекста слова (эвфемизмы)**;
- **упрощение**, стремление к примитивному объяснению сложных проблем, краткость, но расплывчатость фраз;
- **стереотипизация**, оупление рассудка при помощи метода утверждения и повторения;
- **дробление**, разделение целостной проблемы на фрагменты, так, чтобы нельзя было связать их воедино и осмыслить проблему. [Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции.]

Речевая (языковая) манипуляция – это разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемая путём искусного использования определённых

ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата. Речевое манипулирование связано как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста, техникой построения речи, в том числе и с риторическими приёмами, языковыми механизмами, восприятие которых приводит к добровольному принятию адресатом решения, выгодного манипулятору. [Г.А. Копнина, Речевое манипулирование]

Язык как система обладает разнообразными ресурсами и приёмами воздействия на адресата, позволяет интерпретировать ситуацию, влиять на его картину мира, актуализировать важные для говорящего смыслы.

На лексическом уровне манипулятивное воздействие выражается с помощью использования слов высокой окраски, речевых штампов, банальных фраз и выражений, клишированных конструкций, лексических повторов, антитезы (противопоставление, стилистическая фигура контраста), эмоционально окрашенных слов, слов-лозунгов, политических аффиктив. Эти языковые средства составляют основу приёма неопределённости, перенагруженности речи, а также приёма наклеивания ярлыков.

«Политические аффиктивы» - это абстрактные понятия. Употребляемые без указания точного смысла, они теряют конкретное историческое, идеологическое и политическое содержание. Апеллируя к высшим ценностям – чувствам патриотизма, национальной гордости, человеческого достоинства, эти слова содержат скрытую идеологическую оценочность, положительного или отрицательного характера, оказывают суггестивное воздействие на слушателей (внушение), блокируют их рациональное сознание. Это такие слова как свобода, прогресс, национальные или геополитические интересы, *intérêts géopolitiques, droits de l'homme*. С.Г. Кара-Мурза такие слова называет «словами-амёбами». Они могут быть вставлены в любой контекст.

Приёмом **«размывания смысла»** является нарочитое использование в политических текстах псевдонаучных слов (лозунговых слов, пустых формул), слов без точного понятийно-логического содержания, которые каждым могут быть поняты по-своему и которые в различных идеологиях различаются по значению.

Приём **«навешивания ярлыков»** - использует политические термины и экспрессивно окрашенные названия политических партий и движений (коммуняки, фашисты), а также наименования политиков по их стилю и поведению (*dictateur – chef d'état d'un pays non-membre de l'OTAN*, сепаратист, популист, *nouvel Hitler*). В качестве ярлыка могут употребляться и словосочетания, разновидности речевых штампов (враг народа, политическая диверсия, враждебные элементы).

Приёмом **«нагруженного языка»** можно считать нагромождение терминов, используемых не для более точной передачи информации, а для полного её сокрытия. Термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки (*sanctions économiques, améliorer la cohésion sociale* – улучшить социальную сплочённость, *des*

ajustements budgétaires à la hauteur de l'enjeu- бюджетные корректировки повышения налоговой ставки).

С манипулятивными намерениями нередко используется **эвфемизация** – боязнь назвать вещи своими именами или желание скрыть подлинные реальности, маскировка и даже оправдание неблагоприятных фактов или действий (бедняк – handicapé économique, война – lapunition, lapacification, бомбардировки – точечные удары, frappes chirurgicales; извращенцы – сексуальные меньшинства, minorités sexuelles, проституция – эскорт услуги, service d'escorte).

В ряд манипулятивных приёмов также входит приём **интимизации**, в результате которого создаётся эффект доверительного общения автора с аудиторией. Используются обращения идентифицирующие адресанта с адресатом по территориальному признаку (Земляки! Однополчане! Россияне! Mes très chers concitoyens). Также используются местоимение мы, риторические вопросы, жаргонные выражения.

К манипулятивным приёмам относится приём **номинализации**, т.е. перевод глаголов в абстрактные существительные – итог исчезновение субъекта, того, о чём говорится (главным источником роста производительности труда должно стать повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения техники). [Г.А. Копнина, Речевое манипулирование]

На синтаксическом уровне также имеется богатый набор средств для речевого воздействия и вариативной интерпретации действительности – это категория залога, тема-рематическая структура фразы, инверсия, номинализация.

При помощи грамматической **формы залога и порядка слов** в предложении возможна актуализация активного и пассивного действия, например: Полиция захватила демонстрантов (La police a saisis des manifestants) и Демонстранты были захвачены полицией (Les manifestants ont été saisis par la police) – в первом случае в фокусе активные действия полиции, а во втором создаётся впечатление, что демонстранты вынудили полицию предпринять решительные действия. Таким образом эти два примера создают различные интерпретации одной и той же ситуации. При этом говорящий обозначает главное действующее лицо в ситуации, высвечивает его роль: Агенса (подлежащее) – инициатор действия и Пациенса – лицо и объект, подвергающийся действию.

В то же время язык располагает возможностью избежать непосредственного указания на действующее лицо. Это осуществляется за счёт употребления **неопределённо-личных и безличных конструкций**: on dit que, говорят (кто?) что...; считается (кем?) что...; c'est connu, известно (кому?) что...; не раз доказано (кем?)...; il est estimé, есть мнение, что. Использование неопределённо-личной грамматической формы предполагает существование некоторого абстрактного подлежащего, некоего субъекта, определяющего социальную жизнь человека (его не пускают за границу).

Наличие в предложении известной, «старой» информации и новой, актуальной в настоящий момент, позволяет выделить **тему** и **рему**. Как правило, наиболее важная актуальная информация (рема) размещается в конце предложения (к подъезду подъехала серая «Волга»). Рема обязательно должна быть выражена в предложении, а тема может быть опущена, если она уже известна коммуникантам.

Инверсия (изменение порядка слов) также может влиять на смысл предложения. В некоторых случаях порядок слов не позволяет однозначно определить субъект и объект в высказывании, что создаёт коммуникативную помеху – затрудняет интерпретацию (завод погубил плохой менеджмент).

Аномальные сочинительные конструкции, нарушающие логические основания сочинительной связи, объединяющие разнородные понятия могут использоваться в целях сарказма или дискредитации (это был человек с усами и позицией; копать от забора до обеда). Такие конструкции доводят смысл фразы до абсурда (*Je ne suis ni pour ni contre, bien au contraire*).

Выбор порядка слов при перечислении также влияет на оттенки смысла. Позиции в сочинительной конструкции неравноценны: первое место более «престижно», чем последующие. Перечисление в определённом порядке часто может использоваться в целях манипуляции. [О.С. Иссерс, Речевое воздействие]

Таким образом, при помощи вышперечисленных грамматических приёмов происходит разрушение способности человека к критическому восприятию информации, блокируется способность различать правду и ложь. Подрывается способность людей к рациональному, логическому мышлению. Людям предлагается такая трактовка проблемы, которая уводит от сути. В социальной действительности от человека постоянно требуется понимания текста. С.Г. Кара-Мурза также отмечает, что «подавляющее большинство граждан не желают тратить ни душевных, ни умственных сил даже на то, чтобы просто усомниться в сообщениях. Пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал». Изучение механизма речевого манипулирования должно основываться на морально-нравственных критериях. Манипулятивные приёмы, широко представленные в текстах СМИ, нарушают этическую и коммуникативную нормы. Манипуляция – это явление, которое не согласуется с нормами риторической этики. Особенность манипуляции ДЯ заключается в том, что манипулятор всегда старается скрыть свои намерения, что вызывает значительные трудности при анализе дискурса ДЯ, т.е. текстов политиков и некоторых средств массовой информации. Феномен речевого манипулирования является предметом интереса многих областей научного знания, поэтому его необходимо изучать не только с помощью лингвистики, но и с учётом достижений таких наук как психология, политология, психолингвистика и других.

Список использованных источников:

1. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2011.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: ФЛИНТА, 2013.

4. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2009.
5. Копнина Г.А. Речевое манипулирование М.: ФЛИНТА, 2014.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики. М.: ИТДГК Гнозис, 2012.
7. Назаре-Ага И. Психологическая защита от манипуляторов. Питер, 2014.
8. Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004.
9. Шейнов В. Манипулирование и защита от манипуляции. Питер, 2014.
10. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие М.: ФЛИНТА, 2014.
11. Delporte Ch. Une histoire de la langue de bois. Flammarion, 2009.
12. Guilleron G. Langue de bois. EditionsFirst, 2010.

МАТВЕЕВА Анастасия Александровна
аспирант, ассистент

Московский педагогический государственный университет)

Функции французского давнопрошедшего времени в XX веке (на материале художественных текстов)

Категория времени является одной из наиболее сложных для изучения как в языкознании, так и в других дисциплинах. Особый интерес, на наш взгляд, представляет глагольное время, поскольку оно участвует в формировании референциального каркаса высказывания. Несмотря на долгую историю изучения, в данной теме сохраняются спорные вопросы, например, о статусе вида во французском языке, о механизмах, с помощью которых осуществляется временная референция. В этой связи одним из наиболее интересных объектов представляется форма давнопрошедшего времени: будучи сложной, она сочетает в себе черты других форм. Данная статья посвящена функциям давнопрошедшего времени в художественных текстах XX века.

Настоящее исследование опирается на синтез положений теории каузометрии [3], теории языкового знака и теории предикации [1, 2], а также теории психосистематики Г. Гийома. Согласно получившейся концепции, личная глагольная форма указывает на существование действия, его субъекта и ситуации его совершения. Временная форма располагает эти элементы друг относительно друга, выражая таким образом временные значения. Лексически субъект называется подлежащим, действие – смысловым глаголом, а ситуация совершения действия выражена в контексте или подразумевается. Подробнее об этом см. [4]. Если рассмотреть пример типичного употребления давнопрошедшего *Quand j'ai fermé la porte Jean avait déjà sorti la voiture du garage*, то Жан является субъектом, действие выражено глаголом *sortir*, а ситуация словосочетанием *fermer la porte*. Давнопрошедшее имеет следующую структуру: субъект и, соответственно, наблюдатель находятся внутри ситуации, создавшейся в прошлом, а действие предшествует ей.

Ситуация во временном смысле — это экстралингвистическая ситуация, которая фигурирует в теории предикации В. Г. Гака [1; 550]. Поскольку из художественного текста пишущий и читающий извлекают воображаемый мир, то, соответственно, и каждая описываемая ситуация — это то, что представляет себе пишущий, когда он пишет, и читающий, когда он читает. Таким образом, мы можем сказать, что она выражается всеми фрагментами текста, которые

называют условия и детали протекания процессов, выраженных глаголами. В случае простых временных форм действие, обозначаемое глаголом, включено в ситуацию. В случае сложных времен действие предшествует ей (или следует за ней).

Основным препятствием для разграничения ситуации и действия является то, что в повествовании в центре внимания обычно находится действие и его локализаторы. Кроме того, в психологическом смысле ситуация и действие — это события. Они различаются тем, что ситуация — это то событие, которое является фоном для другого, локализуемого относительно первого. Таким образом в разных частях повествования один и тот же фрагмент может быть действиемили ситуацией.

Выражение ситуации зависит от того, насколько она известна читателю. Если ситуация совпадает с настоящим, то она подразумевается и не требует выражения. Если это какой-то новый фрагмент прошлого, то она может быть названа сверхфразовым единством или предложением, когда фрагмент играет сколько-нибудь важную роль для повествования. Это может быть обстоятельство или иной член предложения, когда ситуация уже частично описывалась, и на нее требуется ссылка, а также другое сказуемое, если имеет место перечисление действий.

Далее будут рассмотрены некоторые примеры, иллюстрирующие вышесказанное. Первый пример взят из романа Ж. Сименона «Le chien jaune», в котором события в большинстве случаев представлены как описания мест, людей и атмосферы (ситуация) и предшествующих событий, выраженных глаголами в давнопрошедшем (действия).

«Le maire (1)*était venu*, en auto. Un vieillard à barbiche blanche, très soigné, aux gestes secs. Il (2)*avait sourcillé* en pénétrant dans cette atmosphère de corps de garde, ou plus exactement de PC de Compagnie.

— Qui sont ces messieurs?

— Des journalistes de Paris.

Le maire était à cran.» (Simenon, 61-62)

Здесь возможны два уровня выделения ситуации. В узком смылеситуация совершения действия первого глагола — это предложение *Un vieillard à barbiche blanche...*. Для действия второго глагола — оборот с причастием настоящего времени *en pénétrant dans cette atmosphère...*. Следующие реплики и последнее предложение описывают события: вопрос, ответ и реакцию на ответ. Стоит, возможно, отметить также, что все перечисленные средства представляют не череду событий, а этапы одного, более глобального события, которое можно назвать «прибытие мэра». Действия глаголов 1 и 2 предшествуют ему. Аналогично можно интерпретировать и следующий пример, в котором давнопрошедшее употреблено в результативном значении.

«« Pendant ces discours inattendus prononcés sur le ton de la confidence la plus secrète et la plus importante, je regardais Richard. Richard, au temps qu'il était étudiant, *avait eu* une réputation de farceur, c'est-à-dire qu'il n'ignorait aucune des

mille et une manières que l'on a de se moquer les uns des autres, et les concierges du boulevard Saint-Michel en ont su quelque chose. ...»» (Leroux, 44)

В данном случае ситуация совершения действия *avait eu une réputation* так же выражена всем цитированным фрагментом. Внимание рассказчика к субъекту действия (Ришар) является результатом действия, равно как и факт, представленный в продолжении второго предложения *c'est-à-dire....* Ситуация растянута во времени, поскольку давнопрошедшее имеет здесь результативное значение. Она хронологически следует сразу за действием. Действие локализовано обстоятельством *au temps qu'il était étudiant*.

Следующий пример также иллюстрирует реализацию результативного значения давнопрошедшего.

«Il [le vieillard] a réveillé les autres et le concierge a dit qu'ils devraient partir. Ils se sont levés. Cette veille incommode leur **avait fait** les visages de cendre.»
(Camus, 22-23)

Данный пример представляется интересным, поскольку локализатором действия глагола *avait fait* является подлежащее *cette veille incommode*. Данное подлежащее отсылает читателя к предшествовавшему описанию бессонной ночи, которое мы не стали приводить в виду его большого объема. Что касается ситуации, то ее кратким названием, на наш взгляд, являются два первых процитированных в примере предложения. Подразумевается, что рассказчик приблизительно одновременно с событиями этих предложений увидел результат действия *avait fait les visages de cendre*.

Значение давнопрошедшего, реализованное в примере, приведенном ниже, следовало бы, возможно, отнести к категории предшествования прошедшему, поскольку действие глагола хронологически расположено до действия в прошлом, подразумеваемом в диалоге. Мы предпочли бы, однако, отнести этот случай к промежуточному типу между предшествованием прошлому и давним предшествованием настоящему, которое выделяется в грамматиках для современного французского языка.

« — Vous n'avez pas dîné, commissaire?...

— **J'avais emporté** du pain et du saucisson... Vous n'avez pas froid?»

(Simenon, 110)

Данный случай представляется любопытным тем, что действие, которому предшествует *avais emporté* не представлено в тексте явно. Полная реплика могла бы выглядеть как: *J'ai dîné. J'avais emporté...* Если бы данное действие было бы невозможно восстановить, то имело бы место значение давнего предшествования настоящему диалога.

Как демонстрируют приведенные примеры, давнопрошедшее, благодаря своей структуре, позволяет организовать события в повествовании. Поскольку вспомогательный глагол давнопрошедшего фигурирует в имперфекте, то эта форма частично сохраняет описательность. По признаку динамичности повествование в давнопрошедшем можно было бы расположить между описанием в имперфекте и повествованием в простом прошедшем.

Список использованных источников:

1. Гак В. Г. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. – М.: Книжный дом "Либроком", 2009.
3. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – Киев: Наукова думка, 1984.
4. Матвеева А. А., Отражение образа времени как одна из функций глагола в личной форме // Сборник материалов научно-практической конференции студентов факультетов иностранных языков МПГУ. – М.: Национальный книжный центр, 2013. С. 42–48.
5. Camus A. L'étranger. – Paris: Gallimard, 2015 (1942).
6. Leroux G. Le Fantôme de l'opéra. – Paris: Le livre de poche, 2015 (1959).
7. Simenon G. Le chien jaune. – Paris: Presses de la cité, 2013 (1931)

МИЛОСЕРДОВА Елена Евгеньевна

старший преподаватель

ГОАУ ЯО Институт развития образования,

ПЕФТИЕВ Владимир Ильич

доктор экономических наук., профессор

Ярославский государственный педагогический университет им.

К.Д. Ушинского

Досье писателя как жанр в литературоведении Франции (по материалам журнала «Le Magazine Littéraire»)

В статье анализируется особый жанр в литературоведении Франции – досье писателя (из лексикологии юристов и администраторов) по материалам журнала «Литературное обозрение» («Le Magazine Littéraire»). В этом инструменте литературоведения скрещиваются поливалентные установки издателей и исследователей: а) сохранение исторической памяти и связи поколений; б) обмен результатами новейших исследований по конкретному писателю и предметному знанию; в) защита книги и чтения от агрессии видео в эпоху Интернета; г) противодействие вульгаризации французского языка; д) продвижение печатной продукции, её новинок. В научный оборот вовлекается новая информация по дискуссионной теме – авторское письмо (*l'écriture de soi*).
Ключевые слова: литературоведение Франции, журнал «Литературное обозрение» («Le Magazine Littéraire»), авторское письмо, Стендаль, В. Гюго.

Нация и её духовное богатство – это продукт цивилизации, тысячелетней истории. И даже глобализация с её brutальной и ущербной экспансией международного языка общения (с рубежа XX-XXI веков английского – Е.М., В.П.) не в состоянии погасить многообразие национальных литератур, их неизгладимые особенности сюжетов и стилистики. И литературоведение, иногда опережая новые тенденции в объекте изучения, а чаще запаздывая с опознанием перспективных талантов, обновляет свой жанровый инструментарий. Современное литературоведение во Франции, в частности журнал «Литературное обозрение» («Le Magazine Littéraire») использует досье

писателя. В сообщении дается краткий обзор достижений французского и зарубежного литературоведения по творчеству Стендаля и В. Гюго.

Классическое определение жанра, приводимое в энциклопедических словарях, например, в Большом энциклопедическом словаре (БЭС), неадекватно отражает специфику досье на писателя с французским акцентом. Досье (из лексики юристов и администраторов – Е.М., В.П.) является собой жанр композитный («гибридный»), скорее смешение (наложение) жанров в контексте постмодернизма. Эта поливалентность вытекает из множественности целевых установок досье на писателя. Прежде всего, очевидна просветительская миссия: сохранение исторической памяти и связи поколений, лекарство против забвения. Досье формируется путем обмена результатами новейших исследований (аннотации монографий и интервью с авторами). Досье защищает книгу и чтение от исчезновения в эпоху Интернета, агрессии видео и «мусорной» информации. Ведь чтение – это открытая дверь в мир знаний: не забыт и долг писателей и литературоведов по противодействию вульгаризации национальных языков (там, в досье язык *comme il faut*). Не афишируется, но присутствует мотив продвижения печатной продукции, её новинок. В текст досье неизменно включаются фото, рисунки, карикатуры, факсимиле и прочие атрибуты научной публикации. Структура и объём досье в каждом номере журнала «Литературное обозрение» различаются, но авангардность материалов несомненна.

Избранное из цикла «Dossier» начнём с ключевого слова/ понятия в теории литературы – *écriture de soi* [2]. Координаторы темы Mathieu Simonet avec Juliette Einhorn начинают своё понимание и объяснение авторского письма, манеры писать о себе (наш перевод – Е.М., В.П.) с признания, что речь идёт о феномене с тысячей противоречий (*un millefeuille de contradictions*). Его эволюция зависела от исторических и географических особенностей (во Вьетнаме «я» – *je* отсутствует). Автор вынужден прибегать к процедуре вход – выход, то есть освободиться от некоторых предрассудков: воображение становится единственной одеждой писателя. Обнажив себя, автор ставит перед собой вопросы. Нужно ли публиковать этот текст? Представляет ли он литературный интерес? Может ли воображение дополнить интимное? Для ответа на эти вопросы приглашены учёные и писатели, которые формулируют собственные версии, а координаторы улавливают моменты неправды. Аналитики ссылаются на тексты известных писателей и литературоведов, отмечая различные регистры авторского письма. Для иллюстрации сошлёмся на три сюжета.

Клер Лежандр (Claire Legendre) анализирует эволюцию авторского письма с точки зрения сочетания воображения и автобиографии и принимавшего в XVIII-XIX веках облик «исповеди», «эссе», «мемуаров», «истории моей жизни», т.е. интимной стадии личности (пик приходится на XIX век). С утверждением психоанализа факт говорения, как и почему доминирует над сообщением (эффект, аналогичный импрессионизму в живописи). В этом повороте велика заслуга Марселя Пруста. После смерти Бога (Ницше) и автора (Р. Барт) открыты маршруты к конструированию персонажа (*en s'écrivant on se*

fabrique). Истоки этого течения восходят к «Мадам Бовари» Г. Флобера [2, р.46-47].

Писатель Эдуард Луи настроен на объяснение банальной ситуации: пишут о себе рядовые индивиды, но озабоченные своими страданиями. Почему? Выдвигаемые мотивации. Смотрите, я страдаю. Видите, как я интересен. Сделайте малое усилие и прочтите, что я написал. Я страдал больше, чем другие. Таким образом, хотят компенсировать свои страдания, их рентабилизовать. Сначала пишут для себя, позже приходят читатели. Пишут так, чтобы другие простили наши измены и прегрешения. Нельзя нас обвинять после того, что мы пережили. Очень точен заголовок интервью с писателем: «Un dédommagement en souffrance» [2, р.60].

Писатель Рене Секати (de Sécatty) отдаёт предпочтение интимному письму, ибо там, где доминирует воображение, многое можно принять за карикатуру, а диалоги неуклюжие. Писать о себе – повышает требования к стилю повествования; можно менять имена и ситуации, но возбраняется удаляться от правды. Идущие от «жизни» истории писатель пытается понять и контролировать, дать ей (жизни) смысл, но она остаётся вечным соперником произведения. Писатель Рене Секати выразил своё кредо фразой: «Parfaire ce que la vie a d'innaccompli» (призыв к улучшению или совершенствованию жизни как таковой) [2, р.68].

Можно относиться по-разному к эксперименту журнала «Литературное обозрение» (от иронии и сарказма до вдумчивого и неспешного ознакомления). Важны не только очарование и вместе с тем трудность перевода «l'écriture de soi», но актуальность и самостоятельность истории данного понятия, его понимание и объяснение в контексте национальных версий «лингвистического поворота».

О Стендале и В. Гюго известно почти всё. И тем не менее исследования продолжаются и – что важно – усилиями энтузиастов и почитателей обнаруживаются ранее неизвестные или замалчиваемые детали и подробности к портрету гениев Франции, их творческому наследию. Да и восприятие отдельных произведений и даже фрагментов меняется с неожиданной стороны.

Стендаль [3]. Досье предварено одной ёмкой фразой: «Стендаль жил, писал, любил». Наше внимание привлекло среднее звено этой триады: что и как писал о себе и своих спутниках в **дневниках и бумагах**. В 2006 году рукописное наследие Стендаля поступило в фонды муниципальной библиотеки Гренобля (около 40000 страниц). Предполагается издать четыре тома; первый издан и охватывает период 1797-1804 годов. Издание завершается падением империи и появлением Стендаля вместо Анри Бейля (1815-1821).

В этом грандиозном проекте органично продолжается перекличка с темой авторского письма. Ив Ансель (Ansel) обнаруживает несовпадение политических взглядов Стендаля-противника аристократии с его приверженностью литературным традициям XVIII века, например, манере писем Вольтера. Стендаль не пользовался для публикации своих произведений услугами прессы (романы-фельетоны) для анонимной публики. Он предпочитал стиль для «друзей», доброй компании, интеллектуалов. Его

словарь не рассчитан на «общество горничных»; он не считал своей миссией быть à la Бальзак, Гюго, Санд или Дюма. Вопреки малой фразе, внешней простоте стиля письмо Стендаля иронично, аллюзивно, селективно для тех, кто понимает многое при минимуме слов [3, p.56-58]. К аналогичному выводу приходит и Жиль Филипп (Gilles Philippe). Стендаль труден для подражания; его стиль не даёт повода для насмешек, иронии, сарказма. Современники упрекали его за лексическую бедность, за несоблюдение литературных условностей, за разговорный тон в прозе. Иначе говоря, Стендаль пришёлся не ко двору, не вжился в своё время. Реабилитация Стендаля наступила после исчерпания новаторства поколения символистов, когда вернулась мода на простоту. Возврат к Стендалю совпал с усталостью от стиля Флобера («мёртвая проза»). В современную эпоху постмодерна в творчестве Стендаля ценят его голоса в текстах, его черновики, его воображение [3, p.62].

В. Гюго имеет во Франции славу человека-эпохи. Но были и печальные страницы дискредитации или замалчивания Гюго, например, в начале 50-х годов XX в. «Серый» период в изучении наследия В. Гюго (ни шатко – ни валко), увы, растянулся на целое поколение. И лишь к середине 80-х годов XX века наметился выход на новые горизонты исследований и на возрождение читательских симпатий во Франции к шедеврам Гюго. В этой связи парижский журнал «Литературное обозрение» выделяет обстоятельную и новаторскую монографию Жана-Марка Оваса (Novasse). Биограф Гюго опирается не только на хронологию важнейших событий в жизни поэта и в истории Франции, но и на его тексты, их рождение и окончательную редакцию. Иными словами, речь идёт об интеграции жизни и текста (с его последующей судьбой). Это органичное единение обнаруживается во всём наследии Гюго, а не только в стихотворении на трагическую смерть дочери Леопольдины [1, p.20-25].

Досье как дискурсивная практика (технология), полагаем, обладает интегративным потенциалом в литературоведении Франции и может быть адаптирована и к другим сферам культуры, выполняя уникальные коммуникативные функции.

Список использованных источников:

1. Le Magazine Littéraire. – 2002. Janvier. – № 405. – P. 18-67.
2. Le Magazine Littéraire. – 2013. Avril. – № 530. – P. 44-82.
3. Le Magazine Littéraire. – 2013. Décembre. – № 538. – P.46-85.

МОРОЗОВА Лариса Юрьевна

доцент

ГРИГОРЬЕВА Ольга Александровна

доцент

Московский педагогический государственный университет

Активизация самостоятельной работы студентов

Одним из традиционных и в то же время наиболее актуальных вопросов в изучении английского языка является вопрос об организации самостоятельной работы студентов.

Очевидно, что аудиторных часов крайне не достаточно для усвоения большого объема знаний и формирования коммуникативных компетенций, которые требуются от современного образованного человека. Поэтому все больший акцент в настоящее время делается на самостоятельную работу студентов, которая не только значительно увеличивает практику общения с языком, но и делает это общение результативным и интересным, при условии, что формы самостоятельной работы выбраны правильно.

Проблема в том, что студентам очень трудно сделать правильный выбор дистанционных курсов обучения и оценить их качество. Онлайн обучение сильно коммерциализировано, и студентам предлагается заплатить (например, на платформе coursera) значительную сумму денег за курс, который, как показывает практика, только 3-5% из них проходят до конца.

В этой статье мы рассмотрим некоторые наиболее эффективные формы самостоятельной работы студентов, сложившиеся на художественно-графическом факультете и включающие как классические формы - чтение художественной литературы, так и новые, популярные формы - использование электронных рабочих тетрадей и аутентичных видеоматериалов.

В последнее время на нашей кафедре хорошо зарекомендовала себя методика *blended learning*, сочетающая аудиторную (*face-to-face*) работу по интерактивному учебнику *Empower* (Cambridge University Press) с самостоятельной работой по электронной рабочей тетради из этого учебного комплекса. В отличие от обычной рабочей тетради, данная автоматизированная тетрадь позволяет студентам немедленно видеть результаты своей работы и свой прогресс в %. Трудности и недоработки отдельных студентов устраняются путем следования по индивидуальной корректирующей траектории (*individualized pathway*). Установленные преподавателем сроки стимулируют своевременное выполнение заданий, а возможность проделать тесты дважды и повысить свой балл активизирует обучение.

Однако работа по такой электронной тетради имеет и некоторые недостатки – снижает роль преподавателя до механической фиксации рейтинга студентов, лишая его возможности видеть и анализировать фактические ошибки конкретного студента. Излишняя механистичность не позволяет преподавателю использовать свой творческий потенциал при подготовке заданий для самостоятельной работы и при выборе обучающего контента. Привязка к заданному учебником социокультурному содержанию не всегда удовлетворяет интеллектуальным запросам студентов.

Все эти сложности мы постарались минимизировать, дополнив работу по электронной тетради другими, более творческими видами самостоятельной работы: домашним чтением и просмотром художественных и документальных фильмов на английском языке с последующим их обсуждением в классе.

Домашнее чтение – это один из широко практикуемых видов самостоятельной работы. Студентам предлагаются художественные произведения английских и американских авторов для чтения, а также они имеют возможность самостоятельно подобрать книгу в соответствии с их

интересами и уровнем владения языком. Домашнее чтение не только расширяет словарный запас студентов, но и знакомит их с произведениями известных писателей, культурой и традициями англоязычных стран, учит их обсуждать проблемы, затронутые в произведениях и выражать свою точку зрения.

В качестве контроля домашнего чтения используются такие средства как подготовка сообщения, написание эссе, обсуждение в классе основных проблем произведения и т.д.

Практика показала, что не столько методика работы с книгой, сколько сам выбор книги для домашнего чтения имеет решающее значение. Обычно мы рекомендуем студентам, не имеющим опыта экстенсивного чтения, детскую английскую литературу – книги Кэрролла, Толкиена, Льюиса, Роулинг, Милна, Даля, Киплинга и других британских классиков. Они не только знакомят студентов с прекрасным английским языком, но и с творчеством таких мастеров иллюстрации, как Тенниел, Блейк, Шепард, Бейли. Важно также, чтобы книга имела аудио сопровождение и была не в электронном, а в обычном печатном формате, позволяющим делать заметки на полях, подчеркивать понравившиеся фразы.

Особенно эффективным видом самостоятельной работы является использование аутентичных видео материалов, которые делятся на две группы: а) документальные фильмы BBC, дающие профессиональные знания, и б) художественные фильмы, способствующие формированию лингвострановедческой и социокультурной компетенций.

В первую группу входят такие фильмы, как *Seven Ages of Britain* by David Dimbleby, *History of Art in Three Colours*, *Sister Wendy's History of Painting*, *The Medieval Mind: Britain's Most Fragile Treasure* и другие курсы, дающие возможность живого визуального соприкосновения с уникальными произведениями искусства и получения информации «из первых рук» - непосредственно от британских искусствоведов и художников.

К преимуществам использования видеокурсов BBC относится также эталонный английский язык и возможность многократного просмотра отдельных фрагментов при выполнении заданий из разработки преподавателя.

Практика использования полнометражных художественных фильмов также дает положительные результаты. Эмоциональное погружение в аутентичную языковую среду способствует активизации восприятия. Невербальные подсказки (мимика, жесты, ситуационный контекст) облегчают понимание. Известно, что только 30% сказанного выражено словами, остальное передается невербальными средствами. Усвоение фразы происходит вместе с ее интонационным контуром, часто эмфатически окрашенным. Озвучивание текста талантливыми актерами, в отличие от безликого закадрового перевода, ярко акцентирует главные смысловые единицы, надолго сохраняя фразу в памяти. Просмотр фильма целиком (развитие сюжета, предвосхищение, сопереживание) в совокупности с хорошей режиссерской, актерской и операторской работой, способствует его восприятию как целостного художественного произведения, где речь, музыка и пейзаж гармонично

взаимосвязаны. Просмотр отдельных клипов или трейлеров такого эффекта не дает.

Художественные полнометражные фильмы могут различаться по тематике, но главным критерием отбора должно быть их качество, литературный английский язык и позитивная идея. Этим требованиям удовлетворяет прежде всего классика мирового кино - *The King's Speech*, *Roman Holiday*, фильмы, содержащие добрую, позитивную идею, юмор - *A Little Princess*, *Jeeves and Wooster*, фильмы-биографии - *Miss Potter*, экранизации английской классики - *The Lord of the Rings*, *Pride and Prejudice*, фильмы с исторической тематикой - *Victoria and Albert*, *Australia*, фильмы с интересной философией - *My Fair Lady*, *The Lion, the Witch and The Wardrobe*, *Midnight in Paris*.

В ходе работы с фильмом студентам рекомендуется сначала посмотреть фильм без субтитров целиком. Первый просмотр обычно обеспечивает 30% понимания языкового материала. Затем посмотреть фильм повторно с английскими субтитрами и сделать упражнения из разработки. Второй просмотр предполагает 50% понимания. Далее, посмотреть некоторые фрагменты еще раз для уточнения непонятого. Третий просмотр дает уже 70 % понимания. И, наконец, подготовить свои вопросы для дискуссии.

В задачи преподавателя входит активизация самостоятельной работы с видео контентом, а именно: тщательное изучение фильма, составление к нему разработки, подготовка дискуссии по фильму на последующем аудиторном занятии.

Следует отметить, что, как в ходе дискуссии, так и при просмотре фильмов, русский язык и русские субтитры должны быть полностью исключены. Английский язык является лишь средством общения, а не предметом анализа и усвоение его идет на подсознательном уровне. Из этого следует, что основная задача преподавателя - предоставить студентам доступ к интересному и значимому языковому материалу.

В ходе работы с кинофильмами нами были составлены методические разработки для аудиторных дискуссий, которые включают информацию о фильме, наиболее яркие фразы из фильма (задание *Who said it and when?*), вопросы по содержанию и вопросы для дискуссии, задания по поиску дополнительной информации по фильму и творческие задания (написать сочинение, озвучить эпизод, сделать презентацию).

В данной методике упор делается именно на аудиторное обсуждение просмотренного дома фильма.

Следует также отметить, что проводимые дискуссии интегрированы в общий процесс обучения и применяются наряду с разнообразными формами работы по основным учебникам. Дискуссии обычно проводятся три - четыре раза в семестр и занимают лишь часть аудиторного времени.

Данная методика значительно повышает мотивацию студентов к самостоятельному изучению английского языка в видео формате и совершенствует их знания по специальности. Особенно эффективной она

оказывается в обучении студентов художественно-графического факультета, для которых наглядность имеет первостепенное значение.

Таким образом, роль преподавателя в организации самостоятельной работы студентов необычайно велика, поскольку продуктивность учебного процесса зависит от умелого сочетания аудиторной и самостоятельной работы в разных ее формах.

Список использованных источников:

1. Benson, P. "Language learning and teaching beyond the classroom: An introduction to the field. In *Beyond the language classroom*". UK, Palgrave, Macmillan, 2011. p.7-16
2. Lowe, M. "Films in English language learning" *IH Journal Issue 23 Autumn 2007*. p.16-19

МУРАДОВА Лариса Андреевна

кандидат филологических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Просто о сложном, или как «ввести» студента во французскую филологию

Все, кто изучает французский язык в России, а также франкофоны, интересующиеся русским языком, обязательно обращаются к трудам Владимира Григорьевича Гака. Многие его работы имеют ярко выраженную учебную направленность, сочетают высокий научный уровень с простотой изложения, что делает их доступными для будущих специалистов в области французского и русского языков.

Уже не одно поколение изучающих французскую филологию студентов учится по книгам В.Г. Гака: «Беседы о французском слове» [5], «Сопоставительная лексикология» [3], «Теоретическая грамматика французского языка» [2], «Сравнительная типология французского и русского языков» [4], «Теория и практика перевода» [6]. О популярности книг В.Г. Гака красноречиво свидетельствует тот факт, что почти все написанные им учебники неоднократно переиздавались и продолжают переиздаваться сейчас, хотя прошло более десяти лет после кончины их создателя.

В.Г. Гаком написан еще один замечательный учебник, который, в отличие от перечисленных выше, ни разу не переиздавался, хотя вышел в свет в 1986 г. Речь идет о «Введении во французскую филологию» [1]. Причиной такого странного для произведений Владимира Григорьевича положения вещей послужил, скорее всего, тот факт, что приведенная в некоторых разделах книги информация частично или даже полностью устарела.

Когда автор приступает к написанию учебника для начинающих, когда нужно преподать студенту лишь основы той науки, которой, как предполагается, он будет заниматься в дальнейшем, перед ученым стоит сложнейшая задача: необходимо кратко, в компактной и доходчивой форме изложить соответствующий материал. Цель данной статьи – показать, каким образом эта проблема решается Владимиром Григорьевичем.

Прежде всего, нужно отметить четко сформулированную задачу, которую ставит перед собой автор: стимулирование и мотивация обучающихся к

изучению французского языка, что, как мы видим, не потеряло своей актуальности и поныне.

Книга имеет четкую и логичную структуру, она содержит 5 глав:

1). *Французский язык в современном мире*, которая показывает роль и место французского языка среди других языков мира, описывает процесс формирования области распространения французского языка.

2). *Варианты французского литературного языка*, в которой рассматриваются причины образования вариантов французского языка, а также особенности французского языка в странах Европы (кроме Франции), Америки, Африки, Азии.

3). *Происхождение и развитие французского языка*, где дается краткий обзор основных процессов в истории французского языка.

4). *Языковая ситуация во Франции*, где речь идет о языках этнических меньшинств, проживающих на территории этой страны, а также о территориальных и социально-функциональных модификациях французского языка.

5). *Особенности французского языка*, в которой описываются специфические черты современного французского языка.

Из названий глав становится очевидным, что книга охватывает как экстралингвистические аспекты, так и анализ структуры французского языка, причем и то и другое и в синхронии, и в диахронии (и, добавим, это при том, что объем книги невелик – около 180 страниц). Естественно, что говоря о столь серьезных проблемах, автор прибегает к научному стилю изложения; использует большое количество терминов: *социолингвистика, субстрат, суперстрат, пандемичный, эндемичный, языковое состояние, языковая ситуация* и т.д.; ссылается на мнение авторитетных ученых, таких как Ш.Балли, А.Доза, А.Мартине, Э.Бенвенист, М.Коэн и многие другие. Однако сложность восприятия первокурсниками текста, изложенного научным стилем, обилие новой терминологии и новых имен если не компенсируются, то сглаживаются при помощи некоторых приемов.

1. Термины и ссылки на ученых-лингвистов даются не концентрированно, а постепенно, «пошагово». Сравним два отрывка, посвященных объяснению особенностей порядка слов во французском языке, взятых, соответственно, из «Введения во французскую филологию» и «Теоретической грамматики французского языка», адресованной уже студентам старших курсов и аспирантам.

(1). «Во всяком языке имеются ограничения и определенные закономерности порядка слов, но, пожалуй, в Европе нет другого такого языка, где бы правила расположения слов в предложении были такими жесткими, как во французском. Но дело не только в самом расположении слов, но и в стяжении синтаксических групп, т.е. слов, связанных грамматически: подлежащего и сказуемого, сказуемого и дополнения, существительного и определения к нему. Компоненты таких групп нельзя свободно переставить, разъединить другими словами, а если один из них опускается, то его заменяет местоименный заместитель». [1, с.167]

(2). «Грамматическая значимость порядка слов вытекает из линейности речи. Еще Соссюр отметил, что линейный характер означающего – одно из важнейших свойств языка. Теньер подчеркнул антиномию структурной и линейной организации предложения. Первая – многомерна, каждый элемент может иметь несколько связей, тогда как линейный порядок одномерен и два элемента не могут находиться в одном месте. Поэтому некоторые элементы, структурно и семантически связанные между собой, оказываются в речи разъединенными». [2, с.604]

Если в первом отрывке (1) практически отсутствуют незнакомые начинающим лингвистам термины, чувствуется «разговорная» интонация (например, слово «пожалуй»), то во втором (2) – перед нами значительное количество терминов, упоминаются Ф. Соссюр и Л. Теньер.

2.В учебнике много живых, ярких примеров, которые делают материал более легким и доступным для восприятия.

1).Уже во Введении, говоря о том, что не всегда изучение того или иного языка непосредственно определяется его ролью в практической жизни современного человечества, В.Г.Гак иллюстрирует это положение рассказом о вымерших древних языках, таких как этрусский, хеттский или язык индейцев майя, подчеркивая, что «дешифровка и исследование таких языков помогают объяснить многие факты и связи человеческой истории, антропологии, истории культуры. [...] В некоторых условиях язык может приобретать ценность именно из-за особенностей своего функционирования, иногда даже из-за своей малоупотребительности». [1, с.5]. Далее следует занимательный пример о передаче американцами во время обеих мировых войн сверхсекретных сообщений с помощью языков индейцев племен чокто и навахо: «в Германии не было специалистов, знавших эти языки, и немцы не могли расшифровать закодированные на них сообщения»[1, с.6].

2).В главе, посвященной вопросам происхождения и развития французского языка, описывая деятельность поэтов «Плеяды» по «защите и прославлению» этого языка, В.Г.Гак приводит отрывок из стихотворения Пьера Ронсара, где поэт показывает пути обогащения и совершенствования родной речи:

Плененный в двадцать лет красавицей беспечной,
Задумал я в стихах излить свой жар сердечный,
Но, с чувствами язык французский согласив,
Увидел, как он груб, неясен, некрасив.
Тогда для Франции, для языка родного,
Трудиться начал я отважно и сурово.
Я множил, воскрешал, изобретал слова -
И сотворенное прославила молва.
Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье - слогу,
Я строй поэзии нашел - и, волей муз,

Как Римлянин и Грек, великим стал Француз. (перевод В.Левика) [1, с.75].

3).Обращая внимание студентов на жесткость порядка слов во французском языке В.Г. Гак приводит сцену из «Мещанина во дворянстве»Мольера. Господин Журден хочет послать маркизе записку такого содержания: *Bellemarquise, vosbeauxyeuxmefontmourird'amour*, и просит учителя философии (он же учитель грамматики) помочь ему выбрать самый красивый и «модный» порядок слов.Учительпредлагает различные, заведомо неестественные в живой речи, варианты:

On les peut mettre premièrement comme vous l'avez dit [...]

Ou bien : D'amour mourir me font, belle marquise, vos beaux yeux.

Ou bien : Vos beaux yeux d'amour me font, belle marquise, mourir.

Ou bien : Mourir vos beaux yeux, belle marquise, d'amour me font.

Ou bien : Me font vos yeux beaux mourir, belle marquise, d'amour.

На вопрос Журдена, какой же из этих способов наилучший, учитель отвечает, что тот, который предложил сам Журден. Господин Журден ликует: «А ведь я ничему не учился и вот все ж таки придумал в один миг»[1, с.167].

4).Опровергая мнение некоторых лингвистов о том, что французский язык более приспособлен для выполнения коммуникативной функции, чем экспрессивной, В.Г. Гак отмечает: «Что касается выразительности, то она вполне достижима во французском языке, но при соответствующих усилиях». Далее следует яркая, точная характеристика этого аспекта языка, данная писателем И.Эренбургом: «Французский язык при росте не богател, но беднел, он как бы высыхал, не теряя при этом своей силы. Цветистость младенческого средневековья он променял на высокую точность. Он стал не только прекрасным языком для научных работ, но также идеально литературным языком. Писать на нем и очень просто и очень трудно. Гладкость речи дается чуть ли не с колыбели, но мастер поражает нас легчайшими оттенками, осторожным подбором слов, неуловимой интонацией. Фразу нельзя разломать, нельзя расставить слова как вздумается, нельзя придумать десятков новых словообразований... Бедность возможностей повышает роль писателя»[1, с.179].

5).И еще один пример, касающийся особенностей французского *passé simple*. В.Г. Гак пишет: «Исследователи отмечают, что это время практически исчезло из живой речи. Дети не могут его правильно образовать и знакомятся с ним лишь когда приходят в школу. Р.Кено рассказывал в своей статье (1955), что однажды он написал в шутку: *il serva, on trinquait*. Потом он услышал, как в кафе ребята смеялись этой шутке, но когда он стал выяснять, оказалось, что они не смогли найти правильную форму *passé simple* от глагола *servir*»[1, с.163].

Безусловно, такие выразительные примеры запоминаются сами и способствуют запоминанию материала, который они иллюстрируют.

3.Несколько слов об авторском синтаксисе. В своем изложении В.Г. Гак избегает сложных фраз, часто используя простые предложения, например: «Окситанский язык – ближайший родственник французского. Изучая историю французского языка, его диалекты, ученые постоянно обращаются к фактам окситанского языка. В целом этот язык занимает положение, более близкое к

народно-латинскому первоисточнику, чем французский, но более отдаленное, чем итальянский. Отметим некоторые его черты» [1, с.109].

4.Обращает на себя внимание употребление местоимения *мы*. Как известно, это местоимение указывает на объединенность говорящего с группой других лиц. Можно выделить несколько закрепившихся за этим местоимением оттенков рассматриваемого значения, одно из которых совместно-ограничительное, встречающееся в таких жанрах речи, как урок-объяснение, лекция, выступление теле- или радиокомментатора, а также в авторских комментариях, рассуждениях, отступлениях [7]Именно такое «мы» использует автор на страницах своего учебника:«В предыдущих главах *мы* кратко рассмотрели французский язык в пространстве и во времени, различные формы его существования. В данном разделе *мы* коснемся внутренних особенностей французского языка, особенностей его структуры». [1, с.146]

5.В ряде случаев автор как бы «меняется местами» с первокурсником и задает себе вопрос от имени обучающегося. Так, касаясь проблемы различительных признаков фонем, В.Г. Гак отмечает:«Слова [ry] rue, [ru] roue, [ri] (il) rit различаются гласными звуками [y, u, i]. Ну, а как различаются эти звуки между собой? [1, с.147]. Далее, представляя два признака (ряд и лабиализацию), которые в различных сочетаниях описывают свойства перечисленных гласных, ученый снова задает «потенциальный» вопрос студента: «А может ли быть звук заднего ряда нелабиализованный?»И тут же дает ответ: «Да, он будет похож на глубокое [ы], во французском языке такого звука нет». [1, с.147]

Приведенные примеры показывают лишь небольшую часть приемов, использованных В.Г. Гаком для того, чтобы, освоив эту книгу, студент-первокурсник захотел взять в руки следующую.

Список использованных источников:

- 1.Гак, В.Г. Введение во французскую филологию. / В.Г. Гак. – Москва: Изд-во «Высшая школа», 1986. – 184 с.
- 2.Гак, В.Г.Теоретическая грамматика французского языка./ В.Г. Гак. – Москва: Изд-во «Добросвет», 2004. – 862 с.
- 3.Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков)/ В.Г. Гак. – Москва: Изд-во «Либроком», 2010. – 266 с.
- 4.Гак, В.Г.Сравнительная типология французского и русского языков. / В.Г. Гак. – Москва: Изд-во «Либроком», 2010. – 288 с.
- 5.Гак, В.Г.Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков./ В.Г. Гак. – Москва: Изд-во «КомКнига», 2014. – 336 с.
- 6.Гак, В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев – Москва: Изд-во «Либроком», 2015. – 464 с.
- 7.Русский язык и культура речи. [Электронный ресурс]Режим доступа: <http://lib4all.ru/base/B2154/B2154Part20-238.php>. (Дата обращения 01.02.2016)

ПЕРЕДЕРИЙ Елена Борисовна

кандидат филологических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Вопросы семантического синтаксиса в трудах В.Г. Гака

Вопросы синтаксиса занимают особое место в научном наследии В.Г.Гака. Проблеме семантико-синтаксической организации предложения была посвящена его докторская диссертация, а также ряд статей, опубликованных главным образом в 60-80 г.г. Господствовавшая в эти годы научная парадигма устанавливала универсальность плана содержания, которое по-разному конфигурируется и выражается как в пределах одного языка, так и в разных языках. Отсюда неизбежно вытекает пристальный интерес к внутриязыковым и межъязыковым трансформациям, которые применительно к синтаксису предложения впервые были описаны создателями трансформационной и порождающей грамматики Н.Хомским, Ч.Филлмором, У.Чейфом. К сожалению, объем статьи позволяет лишь тезисно представить основные идеи в том, виде как они изложены в последней редакции автора [1].

1. Знаковая природа предложения. Будучи последователем и приверженцем французского структурализма, В.Г. Гак определял высказывание (актуализированное в речи предложение [1,212]) как полный знак, т.е. законченный продукт семиозиса, который обладает предикативностью и однозначностью [1,206].

«Высказыванию характерна внутренняя системность, т.е. способность образовываться из знаков низлежащих уровней. Подобно всякому другому знаку, оно характеризуется значением, т.е. отношением к референту, и смыслом – способом представления референта в знаке [1, 207-208]. Таким образом, предложение и высказывание, аналогично слову, обладают тремя сторонами: номинацией (планом выражения), денотатом и сигнификатом [1,212]. При этом только в речи устанавливается связь с денотатом, в то время как в языке наименование ориентировано на сигнификат [1,213].

2. Структура ситуации

В.Г. Гак различал два вида ситуаций: 1) ситуацию сообщения, или речевую ситуацию во всей совокупности ее аспектов, которая является обозначающим высказывания, и 2) денотативную ситуацию, т.е. описываемые предметы и связи между ними [1,215]. Ср. несколько иное определение в другой работе [1,251]: «Референтом высказывания является ситуация, то есть совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания».

Исходя из двоякого понимания ситуации, автор выделил две разновидности номинативной функции - денотативную и коммуникативно-модальную [1,252].

Денотативная ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существует две формы такой координации – пространство и время. Подобная структура ситуации (объекты-субстанции + координация их состояний или отношения между ними) объясняет наличие в

естественных языках двух взаимно противопоставленных основных разновидностей языковых элементов - имени и глагола [1,252].

Все координации, т.е. предикаты, подразделяются на временные, пространственные и смешанные. Они также могут быть статичными и динамичными, в связи с чем формируются 4 основных лексико-семантических типа предиката [1,253]:

	Манифестация (субъект)	Отношение (субъект и объект)
Статика	быть	иметь
Динамика	идти	делать

Второй компонент ситуации в узком понимании – актанты – классифицируются в традициях французского структурализма. В.Г. Гак расширил репертуар Грейма и выделил 7 реальных актантов: субъект (отправитель), объект, адресат, субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина), пространственный конкретизатор, субстанция, которой принадлежит либо часть которой составляет субъект или объект. Реальным актантам соответствуют синтаксические актанты (члены предложения): подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, орудийное дополнение или обстоятельство причины, обстоятельство места, обстоятельство времени, дополнение к имени. Соответствие реального и синтаксического актантов создает прямую номинацию (глубинную структуру). Если же член предложения оформляет несвойственный актант (например, подлежащее обозначает не реальный субъект действия, а реальное место действия), то он используется в переносной функции, образуя поверхностную структуру, которую можно интерпретировать как семантическую и синтаксическую трансформацию прямого обозначения (глубинной структуры). [1,266-267].

3. Глубинная и поверхностная структуры

В 70-е г.г. понятие глубинной и поверхностной структур, введенное Н.Хомским и модифицированное Ч.Филлмором, укоренилось в отечественной лингвистике. Глубинная структура трактовалась Н.Хомским как ядерные синтаксические конструкции, получающие семантическую интерпретацию, а Ч.Филлмором – как набор логико-семантических компонентов, объединенных в пропозицию («падежи» и предикаты); поверхностная структура – как линейный порядок словоформ в определенном фонетическом облике. В.Г. Гак предложил свою собственную трактовку этих понятий. По его мнению, глубинная структура – это лексико-синтаксическая структура, изоморфная ситуации. Отношения между членами предложения «иконически» отображают реальные отношения между элементами процесса. Иными словами, глубинная структура представляет собой прямую номинацию, где элементы используются в своих прямых значениях и первичных функциях, для выражения которых они и были сформированы в языке.

Поверхностные структуры – косвенные номинации, элементы которых используются в переносном значении, во вторичной функции. [1, 266]. В поверхностных структурах синтаксические функции в значительной степени

утрачивают свой изобразительный характер, все больше приобретая чисто строевое, организующее значение [1, 217].

Как и в случае со словом, говорящий может брать в основу наименования различные признаки, свойственные обозначаемым предметам, различные отношения, отмечаемые между ними, в связи с чем одна и та же ситуация может получать ряд наименований. [1, 217]. Так как при обозначении некоторой денотативной ситуации последняя может осмысливаться по-разному (т.е. соотноситься с разными сигнификатами), вследствие чего создаются разные лексико-синтаксические структуры, семантические отношения между номинациями соответствуют таким отношениям между понятиями, как включение, пересечение, исключение и т.п. Два разных наименования одного и того же денотата могут соотноситься как конкретное и абстрактное (отношение включения), прямое и переносное метонимическое или метафорическое (отношение пересечения), они могут различаться по избираемой семантической оси [иметь – быть] (отношения исключения) и т.п. Самым общим является различие прямых и косвенных номинаций [1, 221].

Каждый язык по-своему использует прямые и косвенные номинации. Так, французский язык показывает более выраженную тенденцию к косвенным наименованиям по сравнению с русским [1, 222].

4. Трансформации

Особенность языковой формы и ситуации заключается в том, что один и тот же объект может отражаться несколькими эквивалентными формами. Эквивалентность форм доказывается также и тем, что от одной формы к другой можно перейти, следуя определенным правилам трансформации [1, 257].

В.Г. Гак выделил следующие виды трансформаций:

- изменение конфигурации актантов (*Из-за непогоды завтраки у фонтана прекратились* → *Le temps interrompit les goûters de la fontaine*)
- развертывание предикатов (*Дождит* → *Дождь идет*)
- дополнительный актант (*В печке гудело* → *Le vent hurlait dans la cheminée*) [1,268-270]

Очень важен вывод о том, что трансформированные структуры нередко вытесняют структуры глубинные. В некоторых языках определенные ситуации могут быть выражены только с помощью трансформированных структур, а различные средства трансформации по-разному используются в разных языках. [1, 271]. Эта мысль была блестяще развита Владимиром Григорьевичем в многочисленных работах, посвященных сопоставлению французского и русского языков.

В заключение хотелось бы отметить, что в работах В.Г.Гака нашли отражение все ключевые проблемы семантического синтаксиса, рассмотренные им с разных теоретических позиций, что позволило создать целостную и непротиворечивую концепцию простого предложения.

Список использованных источников:

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

ПЕТРОВА Юлия Валентиновна
аспирант, старший преподаватель

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

Лексико-грамматические этап формирования аргументативных техник у студентов журналистов на занятии английмкого языка

В наше время кардинально поменялась парадигма обучения иностранным языкам в языковых и неязыковых ВУЗах. Согласно ФГОС 3+ студент бакалавр должен обладать набором общекультурных и профессиональных компетенций, например, таких как ОК- 6, а именно способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, а также ОПК-18- способностью эффективно использовать иностранный язык в связи с профессиональными задачами.

Обучение лексической стороне иноязычной речи (устной и письменной) во все времена уделялось особое внимание. Это связано с тем, что лексика как аспект языка лежит в основе обучения другим сторонам и видам РД. Авторы многих теоретических трудов по лингвистике, психолингвистике, лингводидактике, психологии и методики обучения ИЯ придерживаются мнения, что лексический (семантический) компонент является стержневым в структуре языковой способности обучаемых. [4]

Согласно Борщёвой В.В. и Чекун О.А, модернизация практического курса «Иностранный язык» для студентов неязыковых специальностей является одной из актуальных проблем в языковом образовании, поскольку в настоящее время перед вузом стоит задача подготовить профессионалов, владеющих иностранным языком и способных к успешному профессиональному межкультурному взаимодействию. [2,4]

Одним из основных умений журналиста является его способность понятно и убедительно представить свою точку зрения. Для этого педагогу необходимо на каждом занятии последовательно проводить работу по формированию аргументативных техник или навыков аргументирования. Понятие «аргументация» восходит к латинским словам *argumentum*, *arguo*, означающим «пояснение», «проясняю». А.П. Алексеев определяет аргументацию как социальную, интеллектуальную, вербальную деятельность, служащую оправданию или опровержению точки зрения, представленную системой утверждений, направленных на достижение одобрения у определенной аудитории [1].

В.И. Максимов даёт следующее определение аргументации: «Аргументация - это логико-коммуникативный процесс, направленный на обоснование позиций одного человека с целью последующего её понимания и

принятия другим человеком». Тот, кто обосновывает свою позицию, называется аргументатором. Тот, кому адресована обосновываемая позиция, называется реципиентом. В споре аргументатора называют пропонентом, а реципиента - оппонентом.

Из последнего определения аргументации следует, что она включает в себе два аспекта - логический и коммуникативный. С точки зрения логической теории аргументация представляет собой логическую (мыслительную) процедуру поиска и предъявления оснований для данного положения. Истинность входящих в аргументы элементов должна определять истинность обосновываемой позиции [3]. Исходя из его исследований можно сказать, что любая аргументация преследует цель - образование определённого убеждения у реципиента. Если он воспринял, понял и согласился с положением, которое обосновывал аргументатор, цель считается достигнутой.

Теперь перейдём к практическому этапу каким образом выстроить занятие, чтобы научить наших студентов необходимым навыкам для приобретения коммуникативной компетенции. Прежде всего это лексико – грамматический этап, так как вокабулярий и правильно применённые грамматические конструкции — это те навыки, которые закладываются с основ изучения языка.

Рассмотрим поэтапно на примере урока каким образом лучше продолжить работу над лексическими и грамматическими единицами.

1 Этап. Подведение студентов к осознанию темы и её актуальности. Возьмём для примера тему: «Ecotourism a danger to wildlife». (Экотуризм- опасность для природы). Тема достаточно актуальна, но педагог должен также оценить степень важности её для студентов. Поэтому на данном этапе подходит такой вид работы как «Brainstorming» -Мозговой штурм. Педагог пишет на доске слово ecotourism и студенты в группах обсуждают с чем для них связано это слово.

2 Этап. Педагог выбирает ключевые слова из темы и пишет их на доске или раздаёт студентам на карточках. Студенты в парах или маленьких группах обсуждают слова и как они будут задействованы далее в статье, а также что они значат для каждого в их жизни. На данном этапе мы проводим работу с лексическими единицами при необходимости уточняя смысловую и звуковую форму слов. Например, для темы «Экотуризм» слова могут быть следующими:

ecotourism / booming / helpful / natural areas / rare species / journal / habitat / endanger / human presence / cautious / at risk / mortality / essential / situations

3 Этап. Студенты читают текст и проверяют догадки по поводу текста. Далее обсуждают в парах какие из их предположений совпали, а какие нет.

Text:

Ecotourism is a booming business that many tour operators cite as being helpful to nature. Every year, millions of people descend on protected and pristine natural areas to observe rare species. However, a new report casts doubt on the value of this form of tourism. In fact, it suggests that ecotourism is more damaging than helpful to nature. Details are in a report published in the journal 'Trends in Ecology and Evolution'. Researchers believe tourists are disrupting animals in their natural habitat. They pointed to a recent event where sea turtles in Costa Rica had problems laying their eggs because of the hordes of tourists who had congregated to watch the turtles' nesting habits.

The report says that ecotourism is making animals bolder and that this could endanger the animals. A regular human presence might make animals tamer and less cautious about other animals around them, and this could put them at risk of being attacked by their natural threats. "Then they will suffer higher mortality when they encounter real predators," the report says. It added: "When animals interact in 'benign' ways with humans, they may let down their guard." The report said it was essential, "to develop a more comprehensive understanding of how different species in different situations respond to human visitation and under what precise conditions human exposure might put them at risk."

4 Этап. Понимание текста. Может быть проведено в обычном формате. True (T) or false (F) Студенты выбирают правильные ответы и далее проверяют их в группе с преподавателем).

5 Этап. Лексико-грамматический. Может быть представлен как работа с синонимами или антонимами. Например, для данного текста студенты находят соответствующие из текста синонимы).

1. citea. interfering with
2. pristineb. thorough
3. disruptingc. gathered
4. problemsd. more confident
5. congregated e. imperil
6. bolderf. refer to
7. endangerg. exact
8. cautioush. difficulties
9. comprehensivei. unspoilt
10. precisej. wary

Данный этап может включать такие типы упражнений как «Gapfill», когда студенты выбирают нужные слова или грамматические конструкции и вставляют их в текст по смыслу или «Matching the phrases», когда студенты составляют фразы-заготовки, которые им потом понадобятся на последнем этапе свободной дискуссии. Например,

1. Ecotourism is a booming a. understanding
2. protected and b. species
3. rare c. habitat
4. animals in their natural d. habits
5. watch the turtles' nesting e. at risk
6. ecotourism is making animals f. business
7. they may let down their g. conditions
8. develop a more comprehensive h. bolder
9. precise i. pristine natural areas
10. human exposure might put them j. guard

8 Этап. Дискуссии. Студенты представляют своё мнение о различных видах туризма (ecotourism, space tourism, medical tourism, educational tourism, sport tourism, sustainable tourism) используя структуры речи из профессионально-языкового портфолио.

Примеры фраз представления мнения:

Giving opinion neutrally: Giving a strong opinion:

"I think..." "I'm absolutely convinced that..."

"I feel that..." "I'm sure that..."

"In my opinion..." "I strongly believe that..."

"As far as I'm concerned..." "I have no doubt that..."

"As I see it..." "There's no doubt in my mind that..."

"In my view..."

"I tend to think that..."

9 Этап контроля и самоконтроля. Применяются формы контроля и самоконтроля студентов. Работа с языковым профессиональным портфолио составленного на основе Can-do- statements.

Данная методика разработана с учетом следующих педагогических и методических принципов: личностно ориентированной направленности обучения, деятельностного характера обучения, коммуникативной направленности, межкультурного взаимодействия, тематической и педагогической целесообразности, интегративности, автономии студентов.

Список использованных источников:

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. - М.: Изд-во МГУ, 1991. - 150 с.

2. Борщёва В.В., Чекун О.А. Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения: Сборник научных трудов. Выпуск 3. 2015. / Отв. ред. О.А. Чекун – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. – 113 с.

3.Т.Б. Стариннова, Н.А. Мальковская Структура аргументативного дискурса: интернет-ресурс:cyberleninka.ru/article/n/struktura-argumentativnogo-diskursa.pdf

4. Жаркова Т.И, Сороковых Г.В. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку Издательство: Флинта, 2014 г.

6. Петрова Ю.В. Формирование навыков аргументирования на уроке английского языка, учебно-методическое пособие для студентов бакалавриата по профилю « Журналистика»-М.:УЦ Перспектива,2014г.

5.Чекун О.А. Педагогические условия подготовки студентов к межкультурной коммуникации(на примере неязыковых факультетов вуза): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.

ПРОХОРОВА Анна Павловна

преподаватель

Ростовский государственный строительный университет

**Аксиология фразеологических единиц фразеосемантического поля
«Говорение» (на материале русской и французской фразеологии)**

Семантика фразеологических единиц (ФЕ), представляющая собой, как правило, сочетание предметно-логического и эмоционально-экспрессивного компонентов, позволяет говорить об их оценочности. Будучи мнением о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь [6, с. 486], оценка тесно связывается с аксиологией, интерпретирующей как наука о ценностях [7, с. 14]. Именно оценка является организующим началом, выражающим сущность прагматики. Прагмемы, то есть единицы, имеющие прагматический компонент содержания, не только понимаются, но и переживаются, выполняя одновременно и коммуникативную, и аксиологическую функции. Ядром категории оценочности справедливо считается противопоставление признаков хороший / плохой, то есть категория оценки реализуется в двух основных вариантах + (хорошо) и – (плохо) [1].

Даже используя устойчивые стандартные выражения, человек никогда полностью не абстрагируется от своего отношения к высказываемому и так или иначе выражает свою нормативно-ценностную оценку, поскольку акт референции всегда осуществляется конкретными людьми. И чтобы идентифицировать их референциальные намерения, необходимы знания не только непосредственного контекста употребления, но и многого другого. В данном случае имеется в виду, что употребления языка осуществляется людьми с различным познавательным и жизненным опытом, на сугубо отличном друг от друга «мотивационном фоне», в котором находят свое отражение индивидуальные намерения и цели, потребности и нормы, знания и убеждения и т.д.

Среди ФЕ гораздо более распространена, как считает С.М Кравцов, пейоративная оценка [3]. Это в полной мере справедливо и по отношению к

исследуемому ФСП. Интересен вывод, сделанный А.П. Мацук на основе исследования фразеологии немецкого языка: существует определенная корреляция между степенью негативности эмоционального восприятия номинированной сферы объективной действительности и степенью номинативной дифференцированности соответствующей семантической сферы [4].

Вообще же оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего мира, а под значимостью обычно понимается способность или неспособность отвечать социальным потребностям человека. Если так, то значимость объекта в человеческом познании совсем необязательно связывается с противопоставлением пейоратива и мелиоратива, осуществляемом преимущественно на эмоциональном уровне.

Помимо эмоциональной оценки, выделяется рациональная (интеллектуальная) оценка, при этом отмечается, что их разграничение условно в силу того, что любая эмоция, выражаемая в естественном языке, имеет рациональную основу [1]. Предметом интеллектуальной оценки становятся различные стороны реальной действительности в ее восприятии человеком (субъектом оценки): количественная оценка (много/мало), достоверность или недостоверность тех или иных фактов, бытование объектов во времени и пространстве, утилитарная полезность предметов, степень интенсивности проявления признака и мн. др. Основанием оценки является сравнение с неким эталоном, идеалом. Поскольку фразеологические номинации в силу своей объемной структуры по сравнению с лексемными номинациями несут обычно большую информационную нагрузку, то можно допустить их более развернутую, более детальную образно-оценочную нагрузку» [5, с. 289].

Количественная оценка связана с использованием специальной части речи, которая абстрактно представляет количество, - с числительным. Как известно, наличие числительных является общеязыковой универсалией, в любом естественном языке вербализуются кванторы *один, два, много, многие, весь, все*. В речи количество не только обозначается и вычисляется, но также интерпретируется, аксиологизируется. Как в русском, так и во французском языках регулярно используются в роли интенсификаторов числительные *тысяча, миллион, сто, десять, семь, три, четыре, два, один, первый, седьмой (сто раз тебе говорила, семь раз отмерь, direcentfois, tournerseptfoisalanguedanssaboucheu др.)*. Многие из счетных слов насыщены фоновой и коннотативной семантикой: *два* (и существительное *пара*) выступает в значении «мало» (*в двух шагах, пара пустяков*). Ср.: *à deux pas d'ici* «в двух шагах», *de deux sous* «грошовый» что, в общем, логически мотивировано. Однако в русском языке уже следующее слово в натуральном ряду чисел - числительное – *три* - символизирует «много»: *наврат с три короба*. А числительное *семь (семеро)* и вовсе связывается с представлением «очень много»: *работать за семерых, семеро одного не ждут, семь раз отмерь, семь верст до небес*. Сема «много» трансформируется у числительного «семь» в

значение интенсивности: *семь шкур спускать, за семью печатями, семь потов сошло*.

В составе ФСП «Говорение» русского и французского языков числительное «два» также обозначает «мало»: *два слова* – разг. Совсем немного, коротко (сказать, написать и т.д.). Ср.: *deux mots* – короткий разговор (досл. «два слова»). Однако в русском языке эти ФЕ представлены более вариативно. Ср.: *в двух словах* – разг., экспрес. Очень кратко, сжато, без подробностей (говорить, писать и т.д.); *не уметь, не мочь связать двух слов* – разг., ирон. Быть неспособным связно сказать что-либо, изложить свои мысли; *на два слова* – разг. экспрес. Для короткого разговора, сообщения (обычно значимого для говорящего, собеседника). Это же значение сохраняется и у ФЕ со словом *пара*: *на пару слов* – просторечн. Для короткого разговора, сообщения и т.п. (звать, вызывать и т.д.) Как видим, в толкованиях этих ФЕ присутствует слово «короткий (краткий)», семантически связанное с идеей малого количества.

Практически это же значение передает и ФЕ *на полслова* – разг. экспрес. Для очень короткого разговора (звать, приглашать), однако в толковании имеется интенсификатор, что позволяет провести градации: *на два слова* – для короткого разговора, *на полслова* – для очень короткого разговора.

Во французском же языке ФЕ *à demi-mot* обозначает «с полуслова (понимать, слышать...)», а ФЕ *parler à demi-mot* – «не договаривать, говорить обиняками» и вовсе не способствует реализации значения «мало», а привносит значение утаивания (сокрытия) своих мыслей, намерений и т.д.

Числительное «три» в ФЕ говорения приобретает значение не просто «много», а «очень много», ср.: *с три короба* – просторечн., экспрес. Очень много (наболтать, наврать, наобещать); *насыпать с три короба* – просторечн., экспрес. Наговорить много неправдоподобного, налгать, насочинять много небылиц; ср. также: *в три этажа* – просторечн., экспрес. Грубо, нецензурно (браниться). В последнем случае числительное освобождается от собственно количественных значений и выполняет роль интенсификатора.

Значение «очень много» передается и с помощью числительного «семь»: *семь верст до небес (и все лесом)* – разг., шутол. Очень много наговорить, наобещать. Однако, по мнению В.Г. Гака [2, с. 252], излюбленное число во французской фразеологии – четыре. Оно обозначает фигурально небольшое число – «несколько», например в выражениях: *tiré à quatre épingles* – подтянутый (досл. «вытянутый на четыре булавки»), *la semaine des quatre jeudis* – после дождика в четверг (досл. «на неделе четыре четверга»), *monter quatre à quatre* – взбежать одним махом через несколько ступеней (досл. «подниматься через четыре ступени») и т.д.

В составе французского ФСП «Говорение» также встречаются ФЕ с числительным «четыре»: *dire ses quatre vérités* – сказать всю правду («досл. сказать четыре правды»), где оно приобретает значение «много», «всё» и сообщает об интенсивности намерения говорящего. В составе ФЕ *en pas (y) aller par quatre chemins* (говорить (действовать) открыто, напрямик (досл. «не

ходить четырьмя дорогами») числительное не обозначает конкретное число, а подчеркивает неопределенное множество.

Итак, в отличие от нумеративов математического языка с их сигнификативными значениями, числительные в общем языке приобретают денотативные и даже коннотативные признаки. С точки зрения аксиологии единицы ФСП «Говорение» распределяются не только по шкале «мелиоратив / пейоратив», но активно включаются в систему интеллектуальных оценок, среди которых особую роль играет количественная оценка. Несовпадение фразеологической образности связано с особенностями формирования и развития русской и французской лингвокультур.

Список использованных источников:

1. Беляева И.В. Прагматическое содержание количественной оценки. Кандидатская диссертация. – Ростов н/Д, 2004. – 152с.
2. Гак В.Г. Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. Изд. 4-ое. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 336 с.
3. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «поведение человека»). Докторская диссертация. – Ростов н/Д, 2008. – 391 с.
4. Мацук А.П. К проблеме микро- и макроструктур лексикона (на материале семантической области оценки современного немецкого языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1983. – 24с.
5. Москвичева Е.А. Аксиологичность как константная характеристика фразеологии // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. 1. Материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. – С. 289-290.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2009. – 944 с.
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М. 2009. – 570 с.

ПРОХОРОВА Наталья Сергеевна

аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А.И.

Герцена

Роль периферийной лексики в языковой картине мира носителей французского языка

В статье иллюстрируется подход к выявлению национально-культурной специфики лексических единиц путем выделения центральной и периферийной зон языковой картины мира. Содержание центральной зоны преимущественно совпадает в языках мира, в то время как зона периферии позволяет проследить различия в концептуализации того или иного явления от языка к языку. Вниманию читателя предлагаются критерии, согласно которым лексему можно

отнести к разряду периферийных. Материал проиллюстрирован примерами из произведений французских писателей разных эпох.

Соматический код культуры, являющийся одним из древнейших кодов культурно-национального пространства, принято считать универсальным. Тело человека представляет собой отправную точку для восприятия, оценки и структурирования окружающего мира носителями разных языков и культур ввиду тождественности анатомического строения всех представителей человеческого рода. Однако нельзя утверждать, что наивная анатомия человеческого тела получает одинаковое отражение в языковых картинах мира разных национальностей. Так, общепризнанным является наличие во французском, английском, испанском, итальянском и немецком языках двух лексем соответствующих русскому «рука»: bras/main, arm/hand, mano/brazo, mano/braccio, arm/hand. Стоит отметить, что в русском языке для обозначения нижней части руки существует лексема «кисть», однако она носит вероятнее терминологический характер и не является общеупотребительной.

Вышеприведенные классические примеры межъязыковых расхождений затрагивают один из центральных органов человеческой анатомии, в первую очередь ставший доступным для наблюдения познающим субъектом, и, следовательно, многими поколениями лингвистов, изучающими ономастику человеческого тела. Названия частей тела, находящихся в отдалении от центральных и активных органов человека можно отнести к разряду периферийных лексем. Именно периферийные зоны лексико-семантических групп являются хранилищами межъязыковых семантических различий.

Под периферийными соматическими лексемами мы понимаем лексемы, отвечающие хотя бы двум из следующих критериев:

1. Анатомические критерии. Лексема обозначает часть человеческого тела,

1) находящуюся в отдалении от центра (т.е. от сердца, от головы), преимущественно в зоне верхних или нижних конечностей: l'annulaire, l'auriculaire/lepetitdoigt, l'index, lejarret, lalunule;

2) находящуюся в полости другого органа или скрытую от глаз наблюдателя под кожным покровом или одеждой: l'aisselle, lalurette, lemuscule, lenombril, l'oesophage;

3) представляющую собой мыслимый, воображаемый орган, часто не имеющий четкой пространственной локализации: legiron;

2. Лингвистические критерии.

1) Лексема а) не образует фразеологических единиц (далее - ФЕ): l'avant-bras, lecartilage, laclavicule; б) участвует в образовании менее чем 10 ФЕ: lecrâne, lahanche, lemollet, lanarine;

2) Лексема имеет синоним с большей частотностью: lecaisson вытесняет latête, lecerveau вытесняет lamoelle;

3) Лексема не имеет однословного эквивалента в другом языке (в данном случае, в русском), ее значение передается описательно: l'amygdale – миндалевидная железа, l'annulaire – безымянный палец.

Методом сплошной выборки из идеографического словаря Халига-Ватрбурга нами было обнаружено 77 лексем французского языка, отвечающих хотя бы двум из заданных критериев. Для примера рассмотрим французскую лексему *aisselle* (f), в русском языке представленную лексемой «подмышка». Данная лексема отвечает как анатомическим, так и лингвистическим критериям периферийности, т.к., во-первых, номинирует часть тела, обычно скрытую от глаз наблюдателя под одеждой, во-вторых, образует всего одну ФЕ: разг. *Blaguesous l'aisselle* – шутки в сторону! [1; 161].

Отметим, что субстантивная лексема «подмышка» не единственный эквивалент французской лексемы «*aisselle*». Изучив случаи употребления данной лексемы в текстах художественной литературы на французском языке и способы ее трансляции в текстах литературного перевода на русский язык, мы обнаружили 3 возможных варианта интерпретации данной лексемы:

1. Существительным «подмышка»: «*La mère le prit alors par les aisselles pour le mettre debout; le père plaça les petites mains sur les barreaux du lit-cage pour qu'il ait l'idée de s'y tenir.*» [12] / «Мать взяла её за подмышки, чтобы поставить на ноги; отец положил маленькие ручки на поручни кровати, чтобы ей захотелось взяться за них.» [4];

2. Наречными сочетаниями «подмышкой», «подмышку» / «подмышками», «подмышки»: «*Mais des douleurs vives au cou, aux aisselles et aux aines l'avaient forcé à revenir et à demander l'aide du père Paneloux.*» [8] / «Но во время прогулки у него начались такие резкие боли в области шеи, под мышками и в паху, что пришлось повернуть обратно и попросить отца Панлю довести его до дома» [3]. В толковом словаре С.И. Ожегова отмечено, что существительное «подмышка» не следует отождествлять с наречными сочетаниями под мышкой», «под мышку» / «под мышками», «под мышки», несмотря на одинаковый звуко-буквенный состав и сходную орфографию [5];

3. Существительным «мышка» вустаревшем значении «мышца, мускул»: *La Mole était le moins maltraité des deux: le coup d'épée l'avait frappé au-dessous de l'aisselle droite, mais n'avait offensé aucun organe essentiel; quant à Coconnas, il avait le poumon traversé, et le souffle qui sortait par la blessure faisait vaciller la flamme d'une bougie* [9]. Ла Моль пострадал гораздо меньше: удар шпаги пришелся над правой мышкой, но не затронул ни одного важного для жизни органа, а у Коконнаса было пробито легкое, и вырывавшийся сквозь рану воздух колебал пламя свечи [2]. По данным этимологического словаря, данное значение возникло на основании того, что сокращение надколотных мускулов производило впечатление, будто под кожей бегают мышь [7; 246]. Современная лексема «подмышка» обозначает внутреннюю часть плечевого сгиба, которая действительно находится **под мышцей**.

Обращение к русскоязычным переводам французской художественной литературы также показало, что в некоторых случаях лексема «подмышка» заменяется другой лексемой, номинирующей часть тела: «*Maintenant, accablé, désespéré, lamentable, ayant perdu sa calotte de velours et ses lunettes d'or, il opposait en vaines brasses courts au flot qu'il lui montait jusqu'aux aisselles.*» [10]. «Подавленный, полный отчаяния, жалкий, потеряв свою бархатную ермолку и

золотые очки, тщетно отбивался он коротенькими ручками от новых и новых волн, захлестнувших его по самые плечи.» [6]. В данном случае замена объясняется тем, что в русской языковой картине мира такая степень погружения человека в какую-либо субстанцию традиционно измеряется с помощью соматической константы «плечо».

Таким образом, обращение к текстам художественных произведений и их переводам позволило нам проследить разницу в ЯКМ французского и русского народов. Благодаря тому, что лексема «aisselle» не имеет синонимов, она активно используется писателями при создании художественных текстов. Русская лексема «подмышка», ввиду прозрачности своего морфологического состава, подвергается транспозиции и может переводиться как существительным «подмышка», так и наречным сочетанием «под мышкой». Лексема «мышка» в устаревшем значении «Мышца, мускул» также используется переводчиками для номинации изучаемой нами части тела.

Изучение иностранного языка предполагает приобщение к культуре его носителей, а также овладение фрагментами их ЯКМ, что невозможно без постоянной апелляции к своей ЯКМ, их сопоставлению. Это позволяет увидеть периферийные, «затемненные» области в системе языка, незаметные для носителей языка. Именно подобные «белые пятна» дают ключ к пониманию национальной специфики языка, к установлению межъязыковых и межкультурных различий, превращают изучение иностранного языка в увлекательный процесс исследования, полный новых открытий.

Список использованных источников:

1. Новый большой французско-русский фразеологический словарь [Текст] / Под ред. В. Г. Гака. – М.: Изд-во «Рус. Яз.-Медиа», 2005. – XX, 1624 с.
2. Дюма А. Королева Марго [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dyuma_aleksandr/koroleva_margo/read_1/
3. Камю А. Чума [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/read/kamyu_alber/chuma.html#0
4. Нотомб А. Метафизика труб [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/read/notomb_amei/metafizika_trub.html#0
5. Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/16627.shtml>
6. Франс А. Остров Пингвинов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.by/book.php?book=60684>
7. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка [Текст]: более 5000 слов. – Г.П. Цыганенко. — 2-е изд., перераб. и доп.— Киев: Изд-во «Рад. Шк». , 1989.— 511 с.
8. Camus A. La peste [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ebooksgratuits.com/pdf/camus_la_peste.pdf
9. Dumas A. La reine Margot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas-Margot1.pdf>
10. France A. L'île des pingvins [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k66343r/f6.image>

11. Le Larousse [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>
12. NothombA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/358240/>

ПУЧКОВ Вячеслав Олегович

аспирант

Южный федеральный университет

Именные фразеологизмы с компонентом-зоонимом: сравнительная метафора (на материале французского и русского языков)

На примере французского и русского языков рассматриваются фразеологизмы с компонентом-зоонимом, возникшие в результате переосмысления природных свойств животных и их метафорического переноса в человеческую концептосферу и содержащие в своем составе сравнительный оборот. Выделяются семантические группы, формируемые подобными фразеологизмами. Производится количественный анализ данных единиц как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне.

Следствием антропологического поворота в лингвистике XX-XXI вв. стало обращение лексикологов и фразеологов не только к структурным и семантическим характеристикам национальных фразеосистем, но и к лингвокультурологическим факторам их развития и функционирования. Национально-культурный компонент содержится, в частности, в лексическом составе и значении фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-зоонимом, образ которых переосмысливается посредством метафоры, основанной на сравнении различных реалий универсума. В данном случае речь идет о переосмыслении природных свойств животных и их метафорического переноса в концептосферу «человек». В этой связи В.Г. Гак пишет о том, что «испокон веков метафоризации подвергаются, прежде всего, слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека: части человеческого тела, родственные связи, животные, растения, материалы, предметы одежды, предметы обихода, светила, явления природы» [2, с. 113]. Как отмечает Т.А. Шепилова, «одна из особенностей семантической структуры зоонима заключается в том, что все потенциальные семы антропоморфичны» [6, с. 11].

Антропоцентрическое содержание исследуемых ФЕ классифицируется с точки зрения репрезентации тех или иных качеств человека, которые распределяются по трем категориям: 1) *внешние качества человека* – признаки и свойства, воспринимаемые при помощи органов чувств и содержащие его эстетическую, эмотивную, физиологическую характеристику; 2) *внутренние качества человека* – свойства личности, оцениваемые с интеллектуальной, психологической, моральной точки зрения; 3) *поведение человека* – совершаемые (или не совершаемые) человеком поступки, намеренные или неосознанные. Представляет интерес исследование именных ФЕ, сконструированных по модели *имя + сравнительный оборот*. Строение этих ФЕ эквивалентно в русском и французском языках. Опорным компонентом

выступает имя прилагательное, обозначающее характеризующий признак определенного индивида, а компоненты сравнения номинируют реалию, для которой данный признак является естественным. По причине универсальности свойств того или иного представителя фауны среди русских и французских ФЕ с компонентом-зоонимом, основанных на метафорическом переносе, встречаются межъязыковые эквиваленты.

С учетом семантики исследуемых русских и французских ФЕ, отобранных из словарей [1, 3-5, 7], они могут быть классифицированы по трем группам. Приведем некоторые примеры (в семантическом описании французских ФЕ сначала дается дословное значение, затем – русский фразеологический или лексический эквивалент):

1) ФЕ, обозначающие внешние качества человека:

maigre comme un chat de gouttière ('тощий как уличный кот' / «тощий как драная кошка»), *rouge comme un coq / une écrevisse / un homard* ('красный как петух / рак / омар' / «красный как рак»), *laid comme un pou* ('уродливый как вошь' / «страшный как черт»); *седой / белый как лунь, красный как рак, тощий как сельдь, грязный как свинья* и др.

2) ФЕ, обозначающие внутренние качества человека:

méchant comme un âne rouge ('злой как красный осел' / «злой как черт»), *têtu comme un âne / une bourrique* ('упрямый как осел / ослица' / «упрямый как осел»), *lourd comme un bœuf* ('тяжелый как бык' / «тугодум»), *ingrat comme les chats* ('неблагодарный как кошки' / «скот неблагодарный», «скот набитый»), *amoureuse comme une chatte* ('влюбленная как кошка' / «влюбчивая как кошка»), *bête comme un jeune chien* ('глупый как молодой пес' / «взбалмошный»), *amoureux comme un coq* ('влюбленный как петух' / «любезный»), *crédule comme un mouton* ('наивный как баран' / «наивный как ребенок»), *chaud comme une caille* ('теплый как перепел' / «пылко, страстно влюбленный»), *indifférent comme un carpe* ('безразличный как карп' / «равнодушный, холодный как лед»), *muet comme un carpe* ('немой как карп' / «немой как рыба»), *triste / morose comme un hibou* ('печальный / мрачный как сова' / «мрачнее тучи»), *rare comme le merle blanc* ('редкий как белый дрозд' / белая ворона), *fier / orgueilleux comme un paon* ('гордый / такой же гордец как павлин' / «важный / надутый / как павлин»), *paresseux comme un lézard* ('ленивый как ящерица' / «ленивый»), *léger comme un papillon* ('легкий как бабочка' / «попрыгунья-стрекоза»), *rusé comme un renard* ('хитрый как лис' / «хитрый как лиса»); *сильный / здоровый как бык, упрямый как осел, беден как церковная крыса / мышь*.

3) ФЕ, обозначающие поведение человека:

comme un chien dans un jeu de quilles ('как собака в игре в кегли' / «как свинья на льду»), *hardi comme un coq sur son fumier* ('смелый как петух на навозе' / «храбрый как заяц»), *sobre comme un chameau* ('сдержанный как верблюд' / «пусти козла в огород»).

В результате исследования русских и французских ФЕ с компонентом-зоонимом, основанных на сравнительной метафоре, можно сделать вывод о том, что в количественном отношении они неодинаково представлены на

межъязыковом уровне. Наибольшей репрезентативностью отличаются французские ФЕ, семантически связанные с внутренними качествами человека. Русские и французские ФЕ, обозначающие внешние качества человека, выявлены примерно в одинаковом количестве. Наименее представительны в обоих языках ФЕ, семантически восходящие к поведению человека. Подобные количественные показатели обуславливаются, вероятно, потребностью носителя языка в оценочной квалификации окружающего мира.

Список использованных источников:

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В. Н. Телия. – М.: АСЕ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 288 с.
3. Кумлева, Т. М. Самая современная фразеология французского языка / Т. М. Кумлева. – М.: Астрель, АСТ, 2011. – 147 с.
4. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
5. Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 112 с.
6. Шепилова Т.А. Французские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 157 с.
7. Kravtsov S. Dictionnaire russe-français des locutions idiomatiques équivalentes. – P.: L'Harmattan, 2005. – 248 p.

ПУШИНА Любовь Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Удмуртский государственный университет

Семантический силлепс как конструктивный приём развернутой метафоры: методологическое введение

В статье «Сокращенная риторика» Ж. Женетт говорит о том, что «от Корака и до наших дней история риторики есть история обобщающего сокращения» [5]. Рассматривая последние этапы этого процесса, автор выделяет труды французских риторов С. Дюмарсе и П. Фонтанье, которые подготовили основание для радикальной редукции внутри общей теории фигур, – современная риторика становится теорией двух тропов – метафоры и метонимии.

Согласимся с выводом учёного о том, что подобные обобщения идут в ущерб целому ряду риторических фигур, всё многообразие которых до сих пор ещё не в полной мере осознано. Одной из таких фигур является семантический силлепс.

Семантический силлепс, по определению Сезара Дюмарсе, это разновидность метафоры или сравнения, в которой одно и то же слово используется в двух значениях в одной фразе; одно из них прямое, другое – переносное [9]. Известная фраза, завершающая басню Ж. Де Лафонтена «La

Cigale et la Fourmi»: *Vous chantiez? j'en suis fort aise: / Eh bien ! dansez maintenant*, обыгрывает двойную зооморфно-антропоморфную семантику глаголов *chanter* и *danser*, благодаря чему становится возможным внезапный переход от «поющего» насекомого к «танцующему» человеку; от басни – к морали, поясняющей аллегория.

Исследования этого лингвостилистического явления ведутся по трём направлениям: в области изучения риторических фигур (собственно силлепса) [1; 10], в русле теории двойной актуализации лексического значения [3; 8] и некаламбурного совмещения значений [6].

Силлепс выступает, своего рода, узловым словом, соединяющим две семантические изотопии предложения, которые могут быть более или менее развернуты, но обязательно эксплицитно выражены. Как отмечает, вслед за И.Р. Гальпериным, З.И. Хованская, «сущностью этого типа актуализации является нарушение коммуникативного принципа снятия полисемии контекстом и одновременная и эксплицитная реализация двух значений лексической единицы [8, с. 257]. Важно подчеркнуть, что подобные случаи далеко не всегда используются в иронической или людической функциях, что позволяет отделить их от каламбурных образований и рассматривать в качестве одного из его приёмов, лежащих в основе каламбура.

Несмотря на довольно частотный характер применения силлепса – в разных жанрах художественной (взрослой и детской литературы) – приём достаточно сложен для обнаружения: часто при обычном прочтении мы обращаем внимание только на актуализацию образного значения слова, тогда как для обнаружения двух его значений необходим особый взгляд на семантическое наполнение текста.

«Метафора как результат отношения между двумя значениями слова, из которых одно выступает как исходное, а другое как производное» [2], в норме актуализирует в контексте только одно из этих значений – переносное, буквальное же значение «в сообщении в явном виде не присутствует, и мы сами воссоздаем его в своем сознании» [7]. Однако в контексте художественного произведения образ метафоры, принимая развернутый характер, «получает какое-то собственное движение, начинает вести себя в соответствии со своей собственной неметафорической природой», реализуя те семантические валентности, которые присущи ему в прямом значении [4]. Подобное наблюдение о зависимости актуализации конкретного значения метафорического элемента высказывания от степени развернутости метафоры мы находим и в исследовании З.И. Хованской [8, с. 292].

Таким образом, семантический силлепс может рассматриваться в качестве конструктивного приёма развернутой метафоры. Методологическое обобщение существующих исследований позволяет выделить следующие параметры для его анализа: тип семантического переноса; типы лексических значений; степень полноты реализации двух значений, поддерживаемых микроконтекстом; соотношение полноты актуализации исходного и производного значений; степень сближения / расхождения значений (слабая / сильная полисемия); степень узуальности / окказиональности образных

значений; степень дискретности / диффузности актуализируемых значений многозначного слова; расположение в предложении и тексте; стилистический эффект употребления силлепса.

Список использованных источников:

1. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях / Э.М. Береговская. - М.: Либроком, 2009. - 232 с. - С. 49-58.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Языковые преобразования / В.Г. Гак. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 768 с. - С. 480.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. - М.: Изд-во литературы на ин. яз., 1958. - 458 с. - С. 153-157.
4. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Учеб. пособие / К.А. Долинин. - Л.: Просвещение, 1978. - 344 с. - С. 146.
5. Женетт Ж. Сокращенная риторика // Работы по поэтике [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/zhenett-raboty-po-poetike/sokraschennaya-ritorika.htm>, свободный.
6. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления / Анна А. Зализняк. - М.: Языки слав. культуры, 2006. - 672 с. - С. 27-33.
7. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг и др. / Пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова / Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. - М.: КомКнига, 2006. - 360 с. - С. 223.
8. Хованская З.И. Стилистика французского языка. Учебник / З.И. Хованская. - М.: Высшая школа, 1984. - 344 с.
9. Dumarsais C.C. Traité des tropes. - P.: Flammarion, 1988. - С. 145.
10. La syllepse. Figure stylistique / Textes réunis par Y. Chevalier et P. Wahl. - Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 2006. - 438 с.

РЕТИНСКАЯ Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, доцент

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Флористическая лексика арденнского региолекта⁶

Вопросы региолектологии занимают важное место среди теоретических проблем лингвистики конца XX – начала XXI века. Региолектологию интересуют принципы описания региональных вариантов национальных языков, изучение причин модификации инварианта, фиксация специфических лексических единиц в лексикографических изданиях, разработка методики их сбора и выделения в общем лексическом фонде. Анализ региональных разновидностей определенного языка вскрывает особенности ментального мира

⁶ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-04-50078 «Региональные варианты французского языка: социолингвистическое и лингвостилистическое описание (на материале шампанского и арденнского региолектов)».

его носителей и, в частности, конкретных социумов как компонентов лингвокультурного сообщества.

Одно из направлений региолектологических исследований, – лексикологическое. Оно основано на анализе языкового материала, зарегистрированного и охарактеризованного лексикографами, имеющими возможность фиксировать живую речь территориально обособленных носителей языка. Обозначенное направление предполагает и непосредственное наблюдение за речевым поведением представителей той или иной лингвокультуры.

Объектом изучения данной статьи является один из региональных вариантов французского языка – арденнский региолект. Следует уточнить, что под региолектом мы понимаем комплекс территориально ограниченных в употреблении лексем, не входящих в лексическую систему французского литературного языка. Упомянем о том, что от диалектов эту территориальную модификацию французского языка отличает, по справедливому замечанию В.Г. Гака, «несистемность, разрозненность специфических явлений, большая и притом нередко прерывистая территория распространения, не обусловленная историческими традициями» [2, с. 125]. Французские диалектологи именуют региональный вариант национального языка «словарным фондом, который используют в случае необходимости» (*vocabulaire de nécessité*), «словником с эмоциональным зарядом» (*vocabulaire affectif*) [7, с. 8].

Жители департамента Арденны прибегают к региональным словам для наименования особенностей землепользования и уборки урожая, инструментов и приспособлений для ведения сельского хозяйства, погодных условий, жилых построек, предметов домашнего обихода, специфики ведения домашнего хозяйства, продуктов питания, спиртных напитков, приема пищи, растений, представителей животного мира, окружающего рельефа, человека, традиционных детских игр и обрядовых действий.

Анализ арденнского региолекта осуществлен на основе детального изучения разнообразных лексикографических источников [3; 4; 6]. Поиск регионализмов был продолжен в ходе полевого исследования⁷. Разнообразный языковой материал, собранный во время лингвистического эксперимента, внесен в региолектографическую картотеку, включающую более 5900 лексических единиц.

Фитонимия, которая является предметом данного исследования, относится к категории региолекторецептивных концептов. Эта семантическая доминанта, состоящая из 412 лексем (7% от общего числа регионализмов), объединяет шесть микрополей: «Деревья», «Кустарники», «Травянистые растения», «Цветы», «Ягодная флора», «Сельскохозяйственные культуры». При реконструкции мотивировочных признаков преобладают две тематических

⁷ Автор считает своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность многочисленным информантам за помощь в подготовке и проведении работы «в поле» и, в частности, Паскалю Резеру и Изабель Демарли.

группы: «Растения, представляющие хозяйственную ценность», «Ядовитые растения».

Тропологическое пространство флористической номенклатуры арденнского варианта французского языка включает два компонента: 1) однословные тропы: *ambre* «малина», *pâque* «самшит», *pétrole* «пролесник однолетний»; 2) тропологические перифразы-загадки (термин Э.М. Береговской [1, с. 269]): *gratte-cul* «плод шиповника», *harbedelaSaint-Jean* «зверобой», *poârpuant* «крушина ломкая», *paindecoucou* «ожика».

Отечественные исследователи зачастую опираются только на словари зарубежных авторов, в которых не всегда отражены неологизмы и информация о витальности лексических единиц. Новые полевые исследования позволят сделать обоснованные выводы о функционировании обозначенной формы существования языка и ее способности к дальнейшему развитию. Для проведения анкетирования нами разработана анкета, которую можно использовать также в дистанционной форме. При ее составлении мы опирались на анкетные данные, предложенные Николь Фьероб [5, с. 172-173]. Представим фрагмент опросника:

1	2	3	4	5	6
01 AMBRE					
02 AMBRIE					
03 AMOURENCAGE					
04 ANCIEN					
05 AUBRE					
06 BALBEURRE					
07 BALOCE					
08 BALOCIER					
09 BARBEAU					
10 BARBUGETTES					
11 BAUNETTE DE RACAILLON					
12 BETTRAUVE					
13 BLEGE					
14 BLUET					
15 BO					
16 BOBOT					

Rappel des significations de chaque colonne :

1. Unité lexicale / 2. Je n'ai jamais entendu cette unité lexicale / 3. J'utilise couramment cette unité lexicale / 4. J'utilise rarement cette unité lexicale / 5. Cette unité lexicale était employée par les anciens / 6. Je mentionne à droite la signification du mot, ou un autre mot que j'utilise plus souvent à la place de celui-ci.

Совмещение двух типов выборок – кластерной выборки, обусловленной выделением таких территориальных кластеров, как кантоны, и стратификационной выборки, которая учитывает различные социальные

параметры, будет способствовать сбору представительного и достоверного материала для уточнения демолингвистических данных и определения уровня витальности арденнского региолекта.

Список использованных источников:

1. Береговская Э.М. Французское арго и людическая функция / Э.М. Береговская // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка – V). – Н. Новгород: НГЛУ, 2007. – С. 266-270.
2. Гак В.Г. Введение во французскую филологию / В.Г. Гак. – М. : Просвещение, 1986. – 184 с.
3. Bésème-Pia L. Patois ardennais. Le parler de mon village / L. Bésème-Pia. – Langres : Éds Dominique Guéniot, 2011. – 256 p.
4. Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie / H. Bourcelot. – Vol. III. Les plantes sauvages – Les animaux domestiques. – P. : Éds du CNRS, 1978. – 346 cartes.
5. Fierobe N. Les mots du champagne / N. Fierobe // Parlure Champagne-Ardenne. – Charleville-Mézières : Institut Charles-Bruneau, 1996. – № 11. – P. 3-59.
6. Tamine M. Le parler des Ardennes / M. Tamine. – P. : Christine Bonneton Éditeur, 2009. – 192 p.
7. Taverdet G., Navette-Taverdet D. Le parler de Bourgogne. Dictionnaire du français régional / G. Taverdet, D. Navette-Taverdet. – P. : Christine Bonneton Éditeur, 2004. – 160 p.

РОМАНОВА Ольга Владимировна,
доцент

Московский педагогический государственный университет

**Межкультурное страноведение в обучении немецкому языку
студентов гуманитарных факультетов МПГУ**

Теоретические дискуссии на тему страноведения, его места и значения в обучении иностранным языкам возникли в конце XIX века и не утихают до сих пор. Традиционно этот аспект рассматривался как второстепенный. Главным считалось знакомство с грамматическими структурами и лексикой и лишь потом получение социокультурных знаний о языке и стране изучаемого языка. Однако в процессе исторического развития методики преподавания иностранных языков отношение к этому аспекту существенно изменилось. Произошло осознание практического значения страноведения для овладения межкультурной коммуникацией и формирования межкультурной компетенции.

В научной литературе представлены три классические методики преподавания страноведения. Когнитивный подход предполагает системную передачу фактических знаний из области географии, политики, социологии, экономики, культуры, литературы изучаемого языка. Это, как правило, отдельный предмет, курс или раздел в программе обучения иностранным языкам. При коммуникативном подходе страноведческий материал интегрирован в урок иностранного языка, носит подчинительный характер и направлен на обучение адекватному поведению и правильному говорению в типичных бытовых ситуациях, т. е. на формирование коммуникативной

компетенции. На смену коммуникативному подходу в 80-е годы прошлого столетия пришёл межкультурный, который в равной степени уделяет внимание как межкультурной коммуникации, так и страноведению. Важными становятся сам адресат страноведения и его собственный культурный опыт. Этот метод ставит своей целью не только передать знания об иноязычной стране, её обществе и культуре, но и развить способность ориентироваться в этой культуре. Системно анализируя социокультурные явления, сравнивая их с аналогичными в своём обществе, обучающиеся должны научиться преодолевать стереотипы, быть толерантными по отношению к другим людям, стремиться к взаимному пониманию с ними. В 90-е годы XX века появилась Тюбингская модель интегративного страноведения. Эта концепция не отрицает одинаковой значимости языковых и межкультурных знаний и считает, что страноведение состоит из нескольких дисциплин, которые комплексно интегрируются в процесс обучения.

На гуманитарных факультетах МПГУ межкультурное страноведение может рассматриваться только как интегрированный аспект, поскольку на изучение немецкого языка отводится в основном от 36 до 54 аудиторных часов. Благодаря использованию в работе современных аутентичных учебных комплексов, таких как Lagune, SchritteInternational, Menschen, возможности межкультурного обучения студентов значительно расширились. В каждом учебнике в той или иной форме присутствует страноведческий аспект. Дополнительные рубрики (Lesemagazin, Ausklang, Literarur) не только дают информацию о нормах поведения и особенностях культуры в немецкоговорящих странах, но и стимулируют самостоятельность и активность студентов на занятиях (Portfolio, Projektarbeit, Vorträge, Simulationen).

Однако для формирования полноценной межкультурной компетенции аудиторных часов явно не хватает. Перед преподавателем стоит задача мотивировать студентов к активной самостоятельной работе и сориентировать их в выборе интернет-ресурсов. Сайты учебных комплексов, Гёте-института (www.goethe.de) помогают студентам не только повысить и проверить уровень своей языковой подготовки, но и расширить свои знания в области страноведения. Для развития межкультурной компетенции рекомендуются поисковые задания, т.к. именно они побуждают к сравнению привычного с неизвестным, новым и к самоанализу языка и культуры. Ощущение «живой» языковой среды, того, что не может дать печатный учебник, создают, например, виртуальные экскурсии по городу. Кроме этого студенты могут контактировать на немецком языке через E-Mail или в чатах (JETZT Deutsch lernen, www.goethe.de). Польза от такой коммуникации прежде всего состоит в том, что собеседники общаются непринуждённо, могут проверить свои коммуникативные возможности на другом речевом уровне, задать любой интересующий их вопрос и получить желаемую информацию или ссылку на соответствующий ресурс. Увидеть мир глазами своих немецких сверстников студенты могут на сайте Kaleidoskop-Online (www.kaleidos.de). Кроме тематических блоков здесь можно посмотреть короткие видеофильмы с участием молодых людей, где они выражают своё мнение по самым различным

поводам, рассказывают о новых трендах в причёсках, еде, одежде. Студенческую аудиторию всегда интересуют молодёжный язык и субкультура. Знакомство с новыми музыкальными стилями, певцами и текстами песен является поводом для осмысления и сравнения своей и незнакомой культуры.

Практический опыт показывает, что для повышения уровня межкультурной компетенции следует: применять межкультурный подход в комбинации с другими методами; мотивировать студентов на самостоятельную поисковую работу; в выборе тем для обсуждения ориентироваться на интересы аудитории.

Список использованных источников:

1. Bredella L., Christ H. Fremdverstehen und interkulturelle Kompetenz. - Tübingen: Narr, 2007.
 2. Koreik Uwe, Und dann plötzlich (...) war Kulturkunde Trumpf. Zur zukünftigen Rolle der Landeskunde bzw. Kulturstudien im Fach Deutsch als Fremdsprache in einer veränderten Hochschullandschaft. - Info DaF. - 36, 1/ 2009.
 3. Minna M., Integration und Vermittlung landeskundlicher Inhalte. – Turku: Painosalama, 2010.
- Wiebke K. Landeskunde im Deutsch als Fremdsprachenunterricht im Wandel. – München: GRIN Verlag, 2009.

РЫЖОВА Людмила Павловна

доктор филологических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Семантико-прагматическая концепция значения языкового знака во французской лингвистике

История лингвистической науки – это история толкования значения языкового знака как ключевого понятия любой лингвистической теории, построение которой осуществляется в соответствии с господствующей научной парадигмой, интеллектуально-мировоззренческим климатом, понятийно-терминологическим аппаратом и методами исследования языкового материала [2, с. 21-35]. Во французской историко-эпистемологической лингвистике отмечается, прежде всего, основополагающая роль сложившейся в течение нескольких столетий национальной исследовательской традиции в становлении и развитии современных французских семантико-прагматических концепций. Основой для формирования национальной французской традиции – и в целом западноевропейской – является *греко-римская традиция*, лежащая в основе схоластической логики, семиотических идей средневекового тривия и грамматического учения модистов, формулирования логических основ всеобщей рациональной грамматики Пор-Рояля, выработки методологии сравнительно-исторического, а затем структурального языкознания [8]. В европейской филологической традиции, справедливо отмечает В.З. Демьянков, «считалось неоправданным огрублением пренебрегать, в описаниях языка, экстралингвистическими сведениями из истории» [1, с. 242]. Для неё характерны поиск универсальных законов и закономерностей развития и существования различных языков мира, акцентирование внимания на

рациональных, интеллектуальных качествах языка, на его связях с логическим мышлением, на интеллектуально-рациональных аспектах речевой коммуникации. Ретроспективный взгляд на методологию и традиции в изучении языкового материала позволяет утверждать, что французская гуманитарная мысль всегда была направлена на выявление социальных и психологических характеристик языка. На протяжении столетий ученых интересовали вопросы значения и смысла. Их размышления и выводы о значении, соотнесенном с ситуацией, в рамках которой говорящий производит некоторый смысл, с контекстом действий человека в ситуациях языкового взаимодействия и, наконец, размышления о целях, которых говорящий намеревается достичь в языковом взаимодействии, в той или иной мере определяли теоретический угол зрения и направления исследований лингвистов. Философы, психологи, социологи и лингвисты постоянно занимались выявлением семантико-прагматических характеристик языковых явлений, естественно, не называя их семантическими почти до конца XIX века и прагматическими – до середины XX века.

Анализ научных трудов франкоязычных ученых [2, с. 41-95] показывает, что уже в XIX веке французская гуманитарная мысль была обращена на изучение социальных и психологических характеристик языка и примерно с 80-х годов XIX столетия внимание исследователей, так или иначе, уделялось проблемам функционирования языка, то есть языковой деятельности человека. Параллельно язык рассматривался как система знаков. Такое понимание языка в большей или меньшей степени эксплицитно проявлялось в теоретическом осмыслении его функционирования, но такой подход использовался, как правило, для выявления механизмов изменения значения языкового знака, для объяснения причин и закономерностей языковых изменений, для выявления и объяснения механизмов установления взаимосвязи и взаимозависимости между языком, мышлением и сознанием. Такое понимание языка непременно предполагало изучение процессов интерпретации и понимания речи. Уже тогда во французском языкознании была затронута проблема соотношения между значением системным, языковым и значением использования / употребления, т.е. в чистом виде значением прагматическим. От семантико-исторической концепции М. Бреалья через социально-историческую концепцию А. Мейе и Ж. Вандриеса и в рамках современной социологической лингвистики ученые разных поколений и направлений, пытаясь ответить на вопрос, как слова изменяют значение, рассматривали языковую систему как систему знаковую. И в этом контексте они изучали отношения между знаками данной системы (Знак-Знак), отношения между знаком и той действительностью, которую он обозначает (Знак-Объект), и отношения между знаком и теми, кто его использует (Знак-Говорящий). Таким образом, изучение языкового материала предполагало анализ изменения языкового значения знаков в манере чисто семиотической, то есть в единстве семантического и прагматического аспектов языковой системы. Тем самым были заложены основы для развития интегрированной прагматики [3; 5] во французском языкознании. То есть вся история существования науки о языке задолго до своего становления как

самостоятельной научной дисциплины – языкознания или лингвистики – свидетельствует о значимой роли семантико-прагматической составляющей в толковании сущностных характеристик языковых единиц.

Следует отметить, что в связи с коммуникативно-функциональной направленностью лингвистических исследований и интенсивным развитием прагматики как особой дисциплины с середины XX века на первый план выдвигаются вопросы об определении лингвистического статуса семантики и прагматики, о примате семантической или прагматической составляющих в семиотической системе и их роли в интерпретации языкового знака. Лингвистические исследования перемещаются с традиционного лексического уровня языковой системы на уровень *предложения / высказывания* и *текста / дискурса* и сосредоточиваются на проблеме различения *значения* и *смысла* как важнейших категориальных характеристик языкового знака.

В настоящее время различие между смыслом (*sens*) и значением (*signification*), утверждает Ф. Нёвё, порождает противоречивые дефиниции в силу того, что выбор этих терминов для идентификации того или иного семантического явления остается произвольным и авторы их используют по своему усмотрению. Тем не менее, прагматическая интерпретация позволяет увидеть «значимое различие слова в языке и в речи». В качестве примера он приводит предложение *Jeparsdemain*, в котором организованные таким образом лексические единицы означают совершенно приемлемым для интерпретации способом, что говорящий говорит, что он уезжает на следующий день с момента, когда он произнес это высказывание. Но, не включив это предложение в определённый контекст, адресант не может идентифицировать говорящего, установить время, когда это предложение было использовано в речи, и не может точно фиксировать временную точку наречия *завтра*. Он делает вывод: между тем, что слова означают в системе языка, то есть значением, которое делает предложение (*phrase*) приемлемым, и тем, что они значат в речи, где высказывание (*énoncé*) требует, чтобы быть интерпретированным, некоторого прироста ситуационной информации, имеется фундаментальное различие. Именно это различие подчеркивает оппозицию *смысл / значение*. Обычно говорят о значении предложения и смысле высказывания. С этой точки зрения значение слова может тогда рассматриваться как тип, а смысл – как употребление этого типа (например, как предпочтение) [7, p. 103-104].

По мнению франкоязычных исследователей, прагматика, как и семантика, занимается *значением*. Семантика и прагматика находятся перед лицом одного единого феномена, из которого семантика реконструирует виртуальное состояние, а прагматика – действительную реализацию. Таким образом, значение (*signification*) как свойство языковых единиц, существующих вне контекста, является категорией семантической, и оно приписывается предложению. Смысл (*sens*) – категория прагматическая: под смыслом понимается значение высказывания (*énoncé*) как совокупности речевых (иллокутивных) актов, которые говорящий может осуществить через свой акт высказывания (*énonciation*) [4, p. 21-33]. Семантическое значение является

внутренней принадлежностью предложения, а прагматическое – лишь функцией его употребления говорящим в некотором контексте и зависит от ситуации его произнесения. «Значение предложения – это его семантическое значение, то есть то состояние дел, которое оно (предложение – Л.П.Р.) представляет, а использование этого предложения человеком в некотором контексте выявляет дополнительное значение, которое изменяется в зависимости от ситуации высказывания, и оно не может быть приписано самому предложению» [9, р. 7]. Следовательно, «понять смысл предложения, значит понять те условия, которые должны быть выполнены, чтобы это предложение было истинным» [ibid., р. 6]. Ситуация включает среди прочих такие компоненты, как *говорящий*, само *предложение*, имеющее определенное значение, *состояние дел*, о которых говорят, *тот*, кому говорят, и *контекст* (= обстановка), в рамках которого говорят. И совершенно очевидно, что смысл высказывания не является предвидимым только на основе значения использованного предложения. Он зависит от того окружения, в котором употребляется предложение, потому что именно окружение устанавливает референцию дейктических выражений (*je, tu, il, ici, maintenant ...*, etc.). Кроме того, предложение может служить для осуществления различных иллокутивных актов, и здесь важно знать ситуацию, в которой оно употребляется, чтобы понимать, что делает тот, кто его произносит [4, р. 21-22].

Во французской лингвистической традиции прагматика включается в область *семантических* исследований, давая прагматическое объяснение семантических вопросов или семантическое объяснение прагматических вопросов [6, р. 29-33].

Список использованных источников:

1. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука в конце 20 века. - М., 1995. - С. 239-320.
2. Рыжова Л.П. Французская прагматика / Л.П. Рыжова. - М.: КомКнига, 2007. - 240 с.
3. Ducrot O. Dire et ne pas dire / O. Ducrot. - Paris: Hermann, 1972. - 283 p.
4. Ducrot O. Les lois de discours // Langue française: La pragmatique, 1979. - № 42. - P. 21-34.
5. Ducrot O. Le Dire et le dit / O. Ducrot. - Paris, 1984. - 240 p.
6. Némó F., Cadiot P. Un problème insoluble? // Revue de Sémantique et Pragmatique, 1997b. - №2. - P. 9-40.
7. Neveu F. Lexique des notions linguistiques / F. Neveu. - Paris: Nathan, 2000. - 128 p.
8. Rastier F. La Triade sémiotique, le trivium et la sémantique linguistique // Nouveaux acts sémiotiques, 1990. - № 9. – P. 55-75.
9. Récanati F. Le développement de la pragmatique // Langue française: La pragmatique, 1979a. - № 42. - P. 6-20.

РЯБЦЕВА Надежда Константиновна
доктор филологических наук, профессор
Институт языкознания РАН

Состояния сознания в языке и речи: Когнитивный аспект

В.Г. Гак был постоянным участником конференций «Логический анализ языка» в Институте языкознания РАН, и в одном из своих как всегда блестящих выступлений заметил, что в зависимости от силы чувства к женщине речевая деятельность мужчины претерпевает значительные изменения. Так, желая привлечь к себе внимание понравившейся ему женщины, мужчина становится разговорчивым и остроумным; если женщина производит очень сильное впечатление на мужчину, то он в ее присутствии начинает теряться и заикаться, а когда мужчина по-настоящему влюблен, то в присутствии своего объекта он теряет дар речи: *Иду к тебе, от страха замирая / Но голос, дрогнув, изменяет мне. / Лучистый взор твой встретить я не смею, / Я пред тобой безмолвен, я немею. (Вийон)* [2, с. 180]. Тонко подмеченная В.Г. Гаком связь между внутренним состоянием субъекта и его речевой деятельностью не ограничивается мутизмом, элоквенцией или афазией, а проявляется еще во множестве явлений, прямо или косвенно связанных с состояниями сознания (СС) [4], что показывает, какие знания о себе и окружающих человек вложил в язык и использует в речи в коммуникативных целях. Такие знания представлены в языке разнообразно: намеренно и ненамеренно, сознательно и подсознательно, прямо и косвенно, эксплицитно и имплицитно, дискретно/«автономно» и синкретично, лексически и грамматически, семантически и прагматически, номинативно и дескриптивно, «звукосимволично» и фразеологически, формально и содержательно, терминологически и стилистически маркировано, т.е. не всегда очевидным образом. Их выявление представляет собой самостоятельную когнитивную задачу – понять накопленный человеком опыт в данной сфере и принципы его использования, или как сейчас говорят, «трансферизации» [3]. Основой этого опыта выступает зафиксированная в языке идея о том, что речь неразрывно связана не только с поведением, ситуацией и целью общения, отношениями между коммуникантами, их настроением и т.п., но и с их СС. При этом следует подчеркнуть, что в психологических исследованиях СС имеются лакуны, устранить которые может помочь лингвистика [6]. Так, лингвистический материал показывает, что с когнитивной точки зрения СС связаны с языком и речью в трех важнейших отношениях: 1. СС явным образом проявляются в речи и речевом поведении, ср. *заикаться от волнения, голос дрожит от страха, потерять дар речи (от изумления), язык заплетается от усталости*; ср.: «Пьеса в итоге закончилась благополучно, и публика была в восторге, устроила ключику *овацию*, и он выходил несколько раз кланяться... *сияя славой*» (курсив мой – Н.Р.) (В. Катаев). 2. СС идентифицируются, квалифицируются и характеризуются в языке целым комплексом лексических, грамматических и фразеологических средств: *шок, стресс, эйфория, фрустрация, заслушаться (и забыть обо всем), заиграться (и не услышать звонка), на грани нервного срыва, убитый горем, вешать нос, закрывать глаза на ч.л., потерять чувство реальности*: «Дама

держала перед собой раскрытый томик, *самозабвенно замечтавшись* над строками Мопассана» (В. Катаев). 3. СС можно изменить с помощью речи, и именно язык является одним из наиболее эффективных средств их изменения. Так, «нейролингвистическим программированием» сознания, причем не только чужого, но и своего, как сознательно, так и подсознательно, человек занимался задолго до изобретения этого термина, ср. *самовнушение (вбить себе в голову, братья за ум), заговор, напутствие, молитва* и мн. др.

Языковые средства в первом случае отражают симптоматику СС, во втором производят их номинацию, дифференциацию и дескрипцию, а также выделяют их характерные признаки и проявления (ср. *бежать сломя голову* (так, что не заметить ничего вокруг); *белая ворона* (не просто «быть не таким, как все», но и вести себя не так, как все, говорить не то и не так, как большинство, *думать* иначе и т.д.). В третьем случае языковые средства разграничивают различные «жанры» воздействия слова и речи на сознание и подсознание. При этом «сила слова» оказывается многогранной, разнообразной, действенной, а также драматичной и опасной, ср. *глаголом жечь сердца людей, слово лечит и калечит, злые языки страшнее пистолета, накликать беду, накаркать несчастье, играть на нервах*. В целом отражающие СС языковые средства включают как номинативные терминологические единицы и книжную лексику (*апатия, амбиция, азарт, ажиотаж, наваждение, мания, маразм, максимализм* и т.п.), так и аксиологически маркированную разговорную (и сниженную) лексику (*набычиться, артачиться, взбелениться, выкрутасы, балбес, мозги набекрень*), а также морфологические, синтаксические и лексико-грамматические модели, особенно такие, что выражают смысл «интенсивность»: *переволноваться, расстрепаться, разгуляться, заработатьсь*. Но более всего «отклонения» от нормального СС отражаются во фразеологии, в наиболее экспрессивно маркированном языковом средстве: *метать громы и молнии, белены объесться, не от мира сего, встать не с той ноги*. Причем их большинство также выражает смысл «интенсивность»: *пороть горячку, наломать дров, рвать на себе волосы (от отчаяния)* и т.д.

В когнитивном отношении языковые средства, отражающие СС, важны по ряду причин. 1. Показательно, что «научные понятия», отражающие СС (*эйфория, прострация* и др.) имеют разговорные параллели, в которых отражен «донаучный» опыт носителей языка (*кайф, улет, «отключиться»; грезить, витать в облаках*). Особо подробно в языке разработана тема *стресса* (потери душевного равновесия) и недоброжелательного/ отрицательного воздействия на другого человека, *манипулирование* его сознанием, «психологическое давление», обман и т.п.: *вешать нос, попасть впросак/ в переплет, сесть в калошу, опростоволоситься, быть не в своей тарелке/ не в себе, выставить на посмешище, вешать собак на к.-л.* 2. СС часто описываются переносными значениями; особо выделяются выражения, уподобляющие человека животному: *набычиться, смотреть волком, петушиться, ершиться, вертихвостка*. 3. Становится ясно, что в полное (словарное, энциклопедическое, когнитивно ориентированное) толкование соот-

ветствующих выражений должна быть включена характеристика СС, в котором находится субъект. Так, *бояться собственной тени* значит не просто «бояться того, чего бояться не стоит», но еще и *безосновательно* бояться: *неадекватно* оценивать текущую ситуацию, вести себя *иррационально*.

Итак, лексика, грамматика и фразеология, отражающие представления носителей языка о СС, зафиксированных в языке, отличаются многообразием и прямо или косвенно связывают их с их проявлением в поведении, речи, внешнем виде, с настроением и т.п.: *отсутствующий взгляд, смотреть заворожено/зачарованно*. Кроме того, в языке отражаются сила слова и его суггестивные возможности, ср. «жанры позитивного настроения»: *приветствие, поздравление, пожелание, напутствие, тост, здравица, шутка, анекдот, комплимент, похвала, утешение, молитва, проповедь* и т.п. Их особенностью выступает намерение передать свое позитивное отношение к адресату и тем самым «расширить» его СС. Им противостоят жанры и приемы манипулятивного и отрицательного языкового воздействия на адресата и его сознание: *ложь, введение в заблуждение, утаивание информации, которые сужают* сознание, делают его ограниченным и ригидным. В современной психологии и медицине основное внимание уделяется отклоняющимся от нормы «паранормальным», «измененным состояниям сознания» (гипноз, медитация, транс, галлюцинации и др.) [5]. Как показывает язык, СС в норме постоянно изменяются под воздействием внешних и внутренних факторов и представляют собой не менее важный объект не только теоретического изучения, но и практического (само)контроля. Особого внимания заслуживают приемы сужения и расширения сознания, которые связаны с социальными и культурными факторами жизни. Причем лингвокогнитивный анализ отражения в языке СС показывает, что они бывают разных типов и видов, имеют отношение ко всем другим психологическим сущностям человека: к речи, поведению, внешнему виду, душе, настроению, духу и поддаются контролю.

Таким образом, в языке отражен богатый опыт и знания носителя языка о связи СС, и особенно отклонений от нормального СС, с их проявлениями, «симптомами», признаками, причинами и характеристиками: *доиграться, допрыгаться* («легкомысленным поведением довести себя до неприятностей» С. Ожегов); СС теснейшим образом связаны с состояниями тела, души и духа, с чувствами, мыслями, настроением, здоровьем: *терзаться сомнениями, иссхонуть от горя, душевнобольной, падать духом, быть не в духе, сердце болит (за к.л.)/ замирает от восторга, заразить оптимизмом*; огромное воздействие на СС, души, духа и даже здоровья оказывает язык и речь, вплоть до того, что сила слова стала способом и инструментом саморегулирования не только в религии и в известных с древности духовных практиках, но и в новых, современных. Так, последние исследования показывают, что язык в принципе обладает нетривиальной и пока еще не до конца изученной *суггестивной* функцией [1, с. 130–145]. При этом слово позволяет контролировать не только свое сознание и подсознание, но и свою жизнь, «бытие». Так что естественный язык показывает, что не бытие определяет сознание, а состояния сознания (точнее, души) – бытие.

Итак, СС – это комплексное, интегральное, «стереоскопическое», «многокомпонентное», многогранное явление; «трансферизация» знаний и опыта носителей языка о СС объективируется в языке и речи чаще всего синкретично, аксиологически и стилистически маркировано и амбивалентно, задействует когнитивные механизмы метафоризации, метонимии и др., а также активно используется для формирования и трансфера культурных моделей поведения и социального взаимодействия.

Список использованных источников:

1. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: Традиции и новации. М., Изд. СГУ, 2009.
2. Гак В.Г. Молчание и чувство // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., «Наука», 1994.
3. Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.–Тамбов, 2015.
4. Рябцева Н.К. Количество и качество в описании состояний сознания // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. М., 2014.
5. Спивак Д.Л. Язык при измененных состояниях сознания. Л., 1989.
6. Riabtseva N. States of Consciousness According to Linguistic Data: A Cognitive Perspective // The XI-th International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics”. Proceedings. Croatia, Dubrovnik, 2010.

САЛЕХОВА Ляйля Леонардовна

*доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук,
профессор*

Казанский федеральный университет

К вопросу об использовании интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL) в российской высшей школе

Технология Content and Language Integrated Learning (CLIL) направлена на изучение предметного содержания определенной дисциплины на иностранном языке и одновременное изучение иностранного языка. Термин CLIL был впервые использован Д. Маршем (David Marsh, University of Jyväskylä, Finland) в 1994 году. Согласно Д. Маршу о понятии интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL) можно говорить в тех случаях, дисциплины или определенные темы в рамках данных дисциплин, изучаются на иностранном языке и при этом преследуются две цели: изучение содержания данной учебной дисциплины и одновременное изучение иностранного языка [1].

В зависимости от возраста предлагаются следующие этапы внедрения данной технологии обучения:

- для учащихся от 6 до 10 лет дается дозированный языковой материал на занятиях от 30 до 60 минут в день;

- для учащихся от 10 до 14 лет – более углубленное изучение языкового материала с использованием неязыковых блоков до 40 часов или параллельно с формальным изучением языка;
- для обучающихся от 14 до 19 лет – иностранный язык используется при обучении неязыковым предметам от 5 до 10 часов в неделю,
- для обучающихся от 16 до 19 лет могут также использоваться летние школы, в которых осуществляется обучение параллельно с формированием практических навыков.

SWOT-анализ CLIL показал, что её использование имеет большие перспективы, однако внедрение требует пересмотра традиционных концепций и воззрений на преподавание. Изучение языка при CLIL становится более целенаправленным, так как язык используется для решения конкретных коммуникативных задач. Ключевым моментом для понимания образовательной технологии CLIL является признание того факта, что каждый студент является разумной и образованной личностью. Однако, попав в ситуацию общения на иностранном языке (или на неродном языке), учащиеся и студенты оказываются неспособны продемонстрировать свои когнитивные возможности и знания в предметной области (математике, физике, строительстве, педагогике, медицине и т.д.). Без знаний иностранного языка студенты ограничены в доступе к информационным ресурсам и эффективному профессиональному росту. Таким образом, функциональный подход к преподаванию позволяет достичь большей эффективности за счёт предложения широкого общеобразовательного пространства в качестве учебного контекста [2].

На данный момент существует ряд обстоятельств, которые могут оказать негативное влияние на внедрение CLIL в процесс обучения. Преподаватели-предметники не всегда охотно поддерживают нововведения, так как её использование требует большой подготовки. Так же следует отметить небольшое количество программ и тренингов по подготовке специалистов в области CLIL и отсутствие скоординированности программ по иностранному языку с программами по другим дисциплинам.

Тем не менее, необходимость реформы в сфере преподавания иностранных языков в связи процессом глобализации способствует активному внедрению технологии CLIL в российскую образовательную систему с учетом имеющегося опыта.

Список использованных источников:

1. Салехова Л.Л. Реализация принципов предметно-языкового интегрированного обучения с помощью Web 2.0 технологий в техническом вузе/ Л.Л. Салехова, К.С. Григорьева// Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. - 2014. - No. 2. - С.11-18.
2. Салехова Л.Л. Интеграция предметного и языкового компонентов содержания при обучении на билингвальной основе / Л.Л. Салехова// Интеграция образования. - 2004. - No. 2. - С.87-92.

СЕРГЕЕВА Александра Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Особенности семантики и функционирования современных французских образных оборотов

Современная публичная речь не мыслится без целого набора метафорических высказываний, характеризующих «новую риторику» – современное искусство убеждения и украшения речи. Мы рассмотрим фразеологические обороты, построенные на метафорическом переносе, как новые, так и уже известные, но претерпевшие определенные изменения своей семантики. Основной отличительной чертой рассматриваемых нами единиц является их необычайно широкое распространение, стремительное вхождение во всеобщее употребление. Они легки и доступны для понимания, реализуемые в них образы ясны всем французам и являются отражением их современной метафорической картины мира.

Анализ показал, что новые обороты демонстрируют **семантическую нестабильность и диффузность, способность скрывать и выявлять разные смыслы и допускать множественность интерпретаций**. Например, в достаточно новом фразеологизме *balayer devant sa porte*, который TLF [8] датирует 1961 годом, реализуется достаточно широкое значение, совмещающее несколько смежных смыслов: 1) «не вмешиваться в чужие дела»; 2) с изменением акцента – «заниматься своими (а не чужими) делами» и 3) «самому заниматься делом, а не требовать этого от других». Семантическое развитие претерпел и оборот *prendre son bâton de pèlerin*, смысл которого Le Nouveau Petit Robert [6] определяет как «partir en pèlerinage», «faire une tournée pour défendre une idée, un projet». Однако, как видно из материала, современное использование выражения связывается с несколько иным значением: «возложить на себя трудную миссию помощи кому-то»: *Des professeurs de fac qui prennent leur bâton de pèlerin pour trouver à leurs étudiants des stages*. Возможность еще одной интерпретации оборота реализуется при появлении приставки *re-* (*reprendre son bâton de pèlerin*) с иным уже значением «снова взяться за дело». Из спортивной передачи: *...à vingt heures, nous reprenons notre bâton de pèlerin et nous faisons le tour des stades pour connaître les scores*. Возможность сосуществования нескольких значений присутствует и в обороте *remettre les pendules à l'heure*, выражении, появившемся в середине 80-х и имеющим различные интерпретации: «начать все с нуля» [4], «тщательно разобраться в чем-либо, выяснить главное» [2; 6], «договориться по сути вопроса, чтобы иметь возможность идти дальше» [7]. По данным Интернет-ресурса [9] в настоящее время актуализируется еще одно новое значение оборота – «rétablir la (ou une) vérité», то есть «восстановить правду, справедливость»: *Cette condamnation qui met fin au mensonge (...) remet les pendules à l'heure*.

Развитие новых смыслов в рамках фразеологизма может быть связано с появлением **новых переносных значений ключевого слова**. Рассмотрим в качестве примера, как развивалась образность существительного «cerise»,

послужившего основой для ряда фразеологизмов с разными, а иногда и противоположными значениями.

Вплоть до XVII в. *la cerise* связывалось с «малой ценностью» чего-либо – отсюда выражение «*ne valoir une cerise*» = *valoir très peu*, «ничего не стоить». К концу XIX в. за существительным закрепилось новое значение – «удача», а затем и противоположное – «неудача»: *porter, avoir la cerise* – «приносить несчастье, не везти». В арго *la cerise* являлось одним из обозначений головы. Однако, в конце 80-х г.г. XX в. традиционная для *cerise* образность подверглась изменениям. Появляется и стремительно входит во всеобщее употребление оборот *la cerise sur le gâteau* – «вишенка на торте», калька с англ. «*the cherry on the cake*», где существительное открывает совершенно новый образный ряд, связанный с «кулинарной» тематикой. В рамках этого выражения за «вишенкой» еще сохраняется ассоциация с чем-то, что находится наверху (ср.: *cerise* = *tête* (arg.)), что «венчает» торт, значение же невезения, неудачи полностью стираются. Напротив, *la cerise sur le gâteau* – это то, что придает совершенную законченность, изящно завершает что-либо. Однако параллельно с первым, «совершенным» значением, вскоре выделяется второе: *la cerise sur le gâteau* – это нечто лишнее, необязательное, ненужное. Наш материал свидетельствует и о том, что к концу 2005 г. в результате действия приема антифразы оборот начинает регулярно использоваться и в противоположном, иронически окрашенном значении: «вишенка» становится выражением высшей степени негативной оценки, синонимичной «*c'est le comble*», «*c'est le bouquet*», «*c'est le pompon*»: ... *Cerise sur le gâteau, les adolescents présents dans le tableau sont d'une tristesse abyssale, oscillant entre le rebelle mollasson et le gothique pas flamboyant...* (08/03/2006 *Libération*). В настоящее время все три семантических варианта фразеологизма активно используются в речи.

В современной речи ярко проявляется стремление к **разрушению связанности элементов фразеологического единства**, возможности их вычленения и замены на другие. Эту тенденцию к вариативности отмечал еще Пьер Жильбер в предисловии к своему Словарю современных слов [5], на нее же указывал и В.Г. Гак в своей статье «Новые слова и новые словари» [1]. В настоящее время создание многочисленных вариантов современных образных оборотов становится нормой. Чтобы освежить ставший привычным образ, говорящий (пишущий) активно воздействует на форму, прибегая к настоящей игре, вводя дополнительные элементы либо заменяя одни элементы на другие.

Выражение *mettre un bémol à qch.* со значением «смягчить» – *adoucir, nuancer, rendre moins tranché* – встречается в новых многочисленных вариантах: *Il a mis un sérieux bémol à cela* ; *Les organisations humanitaires mettent un sacré bémol au welcome des troupes* ; *Je mettrai quelques bémols à cette affirmation*. Размывание фразеологического единства способствует тому, что базовый элемент оборота может начать развивать новые переносные значения, часто неожиданные, порождая новую образность. Так, в обороте *il y a un bémol* существительное *bémol* развивает уже иное, отличное от рассмотренного выше значения, а именно, значение «несогласия», «несоответствия»: *il y a pas de*

bémol (т.е. «совершенно верно»). Настоящим журналистским клише стал и оборот *autre bémol exprimé* со значением *un avis divergent (sur un problème)*, т.е. «есть и иное (противоположное) мнение».

Разрушение фразеологизма идет и путем использования различных синтаксических средств. Это и пассивизация конструкции (*la hache de guerre sera enterrée...*), это и использование выделительных оборотов (*c'est dans le plat qu'il a mis les pieds...*), а также различного рода включения (*on coupera, s'il le faut, la poire en deux; un demi feu vert*) [3]. Фразеологизм может подвергаться и грамматической трансформации (*pédaler à vide / dans le vide; mettre dans la balance / en balance / sur la balance; avoir une araignée au plafond / avoir l'araignée au plafond / avoir l'araignée dans la tête; jouer des mâchoires / de la mâchoire*). Регулярно варьируется и лексическая составляющая фразеологической единицы (*remettre les pendules à leur place; la cerise sur la bûche*). Причем семантическое наполнение варьируемого компонента может быть довольно широким. В качестве вариантов могут выступать синонимы (*jeter des perles aux cochons / aux pourceaux*), слова, входящие в одну лексико-семантическую группу или находящиеся в гипо-гиперонимических отношениях (*pédaler / patiner dans la choucroute; en faire un plat / un fromage; c'est de la tarte / de la nougat / de la nougatine / du millefeuille; se manger les doigts / les pouces*). Варианты могут включать и слова, семантически достаточно далекие друг от друга (*pédaler dans la choucroute / dans le vide*).

Однако разрушению подвергается не только форма фразеологизмов, обесцвечивается и тускнеет и сам образ, изначально положенный в его основу. В середине XX в. из военной лексики в речь входит новое выражение *avoir, être dans le collimateur* (буквально: взять на прицел; быть на прицеле, на мушке). Оборот зафиксирован в словаре П. Жильбера [5] со значением «внимательно наблюдать за кем-то с недоверием и враждебностью, быть готовым напасть», однако частотность использования этого выражения привела к утере изначально присущего ему оттенка агрессивности и враждебной настороженности. *Dans le collimateur* используется сейчас в абсолютно нейтральном значении «заниматься чем-то», «наблюдать за чем-то», «не терять что-то из виду». В современной прессе оборот часто выступает в абсолютном употреблении, без глагола: *Paris – Dakar: Citroen dans le collimateur*. Потеря изначальной метафоричности и образной силы оборота способствует его десемантизации и превращению в клише. Образы, легшие в основу многих выражений в конце XX века, обесцветились до такой степени, что их стали использовать во множестве контекстов, пополняя ими список «общих мест» крайне медиатизированной публичной речи. Семантическая диффузность этих выражений, допускающая множественность интерпретаций, структурная гибкость и наличие вариантов объясняют легкость их использования в речи. Наблюдаемая в наше время быстрота распространения новых построенных на метафоре оборотов, современность их звучания, равно как и стремительное их обесценивание, десемантизация, оказываются взаимосвязанными факторами, которые определяют рамки и специфику системы современной образности.

Список использованных источников:

1. Гак В.Г. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов. - М.: Наука, 1983. - С. 24-25.
2. Bernet Ch., Rézeau P. Dictionnaire du français parlé. Le monde des expressions familières. - P.: Ed. du Seuil, 1989.
3. Brunet S. Les mots de la fin du siècle. - P. : Belin, 1996. - P. 108.
4. Le Dictionnaire historique de la langue française. - P.: Le Robert, 1995.
5. Gilbert P. Dictionnaire des Mots Contemporains. - P.: Les usuels du Robert, 1980.
6. Le Nouveau Petit Robert de la langue française. - P.: Le Robert, 2007.
7. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. - P.: Les usuels du Robert, 1997.
8. Le Trésor de la langue française informatisé. Dictionnaire de la langue du XIX-e et du XX-e siècles.
9. www.expressio.fr. [Электронный ресурс].

СЛИВЧИКОВА Юлия Владимировна

*магистр филологии, аспирантка, старший преподаватель
МГИМО (Университет) МИД РФ*

Лингвокогнитивный анализ вестиментарных описаний в газетно-публицистическом дискурсе

В первых числах января 2016 г. разгорелся скандал вокруг палантина в белую и синюю полоску компании H&M. Оказалось, что своим рисунком он напоминает талит, молитвенное облачение в иудаизме, имеющее форму покрывала. Таким образом, шведская компания, руководствуясь при создании шарфа модной тенденцией сезона, оскорбила религиозные чувства евреев. Палантин естественно после публичных извинений компании был изъят из продажи по всему миру. Ранее в 2014 г. испанская компания INDITEX также была вынуждена отозвать из своих магазинов бренда Zara полосатую футболку с шестиконечной золотой звездой на груди, которая, по мнению израильтян, являлась копией одежды заключённых нацистских концентрационных лагерей во время Второй Мировой войны. Становится очевидно, что в зависимости от контекста обыкновенная одежда обрастает смыслами, которые не ограничиваются сущностью её использования. Простой палантин, который изначально служит для защиты шеи и головы от ветра и холода, становится символом подчинения воле Бога для одних и проявлением текущей модной тенденции для других. То, что вызывает умиление среди массы покупателей, для определённой группы людей является символом трагической судьбы миллионов. И можно с уверенностью сказать, что только этими двумя прочтениями и первый и второй пример не ограничиваются, поскольку не трудно предположить, что существует ещё множество точек зрения на эти предметы, различающиеся эстетическим, религиозным, политическим, этническим и другими основаниями.

Любая вещь может быть прочитана по-разному в зависимости от контекста и от лингвокогнитивной картины мира человека, которому адресуется зашифрованное в виде одежды сообщение. Причём под контекстом мы понимаем способ преподнесения информационного материала автором в

зависимости от его интенции. В рамках газетно-публицистического дискурса, который и послужил материалом настоящего исследования, контекст как совокупность языковых средств подбирается автором именно с учётом особенностей мировосприятия человека. Так испанская газета «АВС» вынуждена была, описывая выше упомянутые примеры, давать энциклопедическую справку, дабы разъяснить большинству своих читателей, преимущественно католиков, подоплёку происходящих событий [3],[6].

Итак, сама одежда, как и её описание в СМИ, имеет кроме защитной функции ряд других. Исторически сложилось, что одежда всегда была способом различения сословий и классов, она также сообщала информацию о поле, возрасте, профессии, религиозной и этнической принадлежности, то есть обладала дифференциальной функцией. Помимо этого ещё в Древнем мире одежду (её форму, цвет), люди стали превращать в символы. Сначала это были преимущественно религиозные символы, в наши дни они превратились в идеологические. Например, в Древнем Риме синий цвет одежды свидетельствовал о поклонении Сатурну или Посейдону, а красный – Марсу. Сейчас красный и синий являются отличительными цветами левых и правых политических партий во всём мире. Начиная с XIX века детали костюма стали активно использовать и как символ политического протеста. Таким образом, одежда и описывающая её вестиментарная лексика, обладая способностью смысловой проводимости, являются значимой частью коммуникативного процесса. Любопытно, что кроме коммуникативной функции костюм в рамках газетно-публицистического дискурса обладает ещё и богатым манипулятивным потенциалом. Описание вещи, воздействуя на восприятие читателем действительности, связанной с костюмом, формирует в его сознании определённую картину мира. Причём успех вестиментарного описания как манипулятивного механизма объясняется неочевидностью его воздействия, достигаемой благодаря мимикрии коннотативного значения, стремящегося быть неразличимым с денотативным сообщением, дабы создать у читателя иллюзию того, что он «действует в соответствии с собственными убеждениями, желаниями и намерениями» [2; с.51].

Вестиментарное описание в ходе своей эволюции от бытования на страницах модных журналов, изученного французским семиологом Р. Бартом [1], до своего появления на страницах деловой прессы научилось передавать и внушать гораздо более сложные понятия, чем это принято считать. Многообразие концептов, вербализуемых в описании политического костюма, а также сами способы их вербализации определённо заслуживают систематического изучения. Рассмотрим пример из испанской газеты «El País», которая в красках описала появление греческого министра финансов Яниса Вароуфакиса в Лондоне в разгар экономического кризиса на его родной земле. Подорвав все возможные устои чопорного английского протокола, на встречу со своим британским коллегой он пришёл «...con una camisa azul azafata por fuera de los pantalones y con los dos últimos botones desabrochados, unas botas imponentes, *jeans* negros y un abrigo de cuero que causó tanta sensación como la falta de corbata» [4] – ...в синей рубашке, выпущенной из брюк, с

растёгнутыми двумя верхними пуговицами, во внушительных ботинках, чёрных джинсах и кожаном плаще, который произвёл ещё большую сенсацию, чем отсутствие галстука (Здесь и далее перевод наш – Ю.С.). Однако неслыханная дерзость на удивление не вызвала отторжения в прессе. Сам автор с нескрываемым восхищением и симпатией говорит о смелости греческого министра. Очевидное несоответствие протоколу мероприятия, которое должно бы было вызвать когнитивный диссонанс в сознании читателя, сглаживается риторикой повествования. То, что выше перечисленные предметы одежды не входят в семантическое поле протокольного костюма, можно было бы объяснить данью моде, однако суть костюма оказывается совсем в другом. Элементы одежды превращаются в символ протеста. Сам автор статьи пишет, что Вароуфакис своим внешним видом хотел сказать: «Я не член вашего клуба и не собираюсь менять свои привычки ради того, чтобы быть принятым в него». Таким образом, нарушение протокола, которое в любом другом случае было бы воспринято негативно, получает положительную оценку как проявление близости к народу и понимания его нужд, что ставится в пример английским политикам, всегда далёким от своих избирателей («una presencia más cercana a la realidad del pueblo de lo que puede estar cualquier político inglés»). Автор подчёркивает осознанность такого выбора («no ha sido por falta de familiaridad con el protocolo establecido sino por un deseo consciente»), что характеризует Вароуфакиса как смелого, гордого, оригинального, самобытного человека, который отдаёт отчёт своим поступкам и просчитывает их наперёд. Таким рисует его испанское издание и таким его представляют испанцы. Английское издание «The Guardian» на удивление солидарно с испанскими коллегами, однако оно использует свои краски, чтобы создать образ министра. Англичане подчёркивают, что Вароуфакис был одет «как нормальный человек», что делает образ более нейтральным по сравнению с испанской бунтарской версией. Любопытно, что кожаному плащу «The Guardian» присваивает оригинальное определение «Putin might wear on a bear hunt» [5] (которое Путин мог бы надеть на охоту на медведей), что, конечно, характеризует не образ греческого министра финансов, а подсознательно формирует отношение английских читателей к личности президента Российской Федерации.

Данный пример очевидно доказывает множественность значений, которые способна нести в себе сама одежда и её описание в рамках газетно-публицистического дискурса. Лингвокогнитивный анализ, подразумевающий вычленение и систематизацию данных значений, а также рассмотрение их функционала, позволяет, избежав манипулятивного влияния вестиментарных описаний, проанализировать реальную авторскую интенцию.

Список использованных источников:

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. - 512 с.
2. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / Моск. гос. ин-т

- междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 327 с.
3. El polémico fular de H&M que ofende a los judíos. ABC.es. 13.01.16 – http://www.abc.es/estilo/gente/abci-polemico-fular-ofende-judios-201601132049_noticia.html
 4. Lindo E. Yanis Varoufakis, el hombre sin corbata. El País. 7.02.15 - http://elpais.com/elpais/2015/02/06/estilo/1423228370_683854.html
 5. Jenkins S. Greese's new finance minister looks like a normal person – how refreshing. The Guardian. 3.02.15 – <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/03/greece-finance-minister-yanis-varoufakis-normal-person>
 6. Zara retira una camiseta tras las críticas en Israel por su parecido con atuendo en los campos de concentración nazi. ABC.es. 27.08.14 – <http://www.abc.es/estilo/moda/20140827/abci-zara-camisetas-perdon-judios-201408271239.html>

СОРОКОВЫХ Галина Викторовна

доктор педагогических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

К вопросу о подготовке учителя иностранного языка к соизучению языков и культур в условиях лингвоэтнокультурного пространства мегаполиса

Каждая историческая эпоха отличалась своей спецификой взаимодействия и взаимоотношения культур. Нынешнее время - время невиданного ускорения социальных процессов и информационной открытости мира диктует новый формат культурного взаимодействия, который проявляется внешне в виде контактов различного плана и формирует у современного человека картину мира, присущую современному историческому времени.

Полиэтническая образовательная среда современной России характеризуется разнообразием национальных и региональных моделей образования, программ, типов школ. Сегодня в Москве действует 72 образовательных организаций с этнокультурным компонентом (включая русский), где обучаются около 20 тысяч детей. Упор здесь делается на изучение русского языка, правил общественного поведения и основ русской культуры. Учатся не только дети, но и учителя, которым зачастую не хватает знаний об этническом менталитете и национальных традициях маленьких мигрантов.

Поликультурность (многокультурность) России - ее богатство. Уважение к другому народу, готовность понять и в чем-то даже принять его традиции и ценности совсем не означает отказа от своих собственных традиций и ценностей, подмены их усредненным представлением о «западной культуре».

Поэтому одной из задач профессиональной подготовки специалиста иноязычного образования является формирование у него готовности к взаимодействию с представителями разных культур, к разработке механизмов соизучения языков и культур в условиях мегаполиса.

Культурная политика в Москве определяется особенностями ее населения, повышенным темпоритмом жизни и коммуникативной активностью, спецификой социальных и культурных запросов разных социальных групп, полиэтничностью и поликонфессиональностью, наличием большого числа приезжих - как высококачественных специалистов, так и сезонных разнорабочих.

Учитывая реалии полиэтничного многонационального мегаполиса, особую актуальность приобретает проблема поликультурного образования современного специалиста. Нынешняя педагогическая действительность такова, что приходится учитывать в образовании, с одной стороны, этнокультурный фактор, с другой, - создание организационно-методических и психолого-педагогических условий для познания культуры других народов.

В центре внимания профессиональной подготовки учителя стали находиться важнейшие аспекты общечеловеческой жизни - национально-культурные и национально-языковые особенности, культурные ценности, а также стереотипы и национальный менталитет.

Современная школа столкнулась с такой проблемой как ученики-мигранты. А это и социокультурные, и языковые, и психологические проблемы, которые выражаются в процессе обучения. Сегодняшняя образовательная организация должна учитывать положение, рубежи, потребности, физические способности, темперамент, скорость реакции, способности таких учеников, плохое знание языка и психологии, на которые этот язык опирается.

Учитель должен быть готов выявлять следующие трудности и находить пути их решения: наличие различий между ребенком-мигрантом и местным ребенком в языке, способе думать, привычках, в результате чего возникает культурная и социальная дистанция, так как ребенок-мигрант зачастую является выходцем из низших слоев общества; отсутствие согласия относительно форм интеграции мигрантов в инокультурном обществе; неуверенность в сроках миграции (временная/окончательная); трудности в организации специального обучения детей мигрантов из-за их некомпактного проживания.

Учитель должен уметь объяснять и комментировать явления и ситуации, с которыми сталкиваются его ученики в окружающем их мире, так как модели восприятия и использования, полученные через социализацию в семье, зачастую не годятся для усвоения нового опыта.

Но нельзя забывать, что человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем, а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей. У людей разных рас, воспитанных в одинаковых культурных условиях, развиваются одинаковые взгляды, стремления, способы мышления и деятельности.

Одним из принципов поликультурного языкового образования средствами иностранного языка является принцип диалога культур и цивилизаций, предполагающий, что при формировании культурного пространства в условиях иноязычного учебного общения культуроведческой материал родной стране,

который позволяет развить у обучающихся культуру представления родной культуры на иностранном языке.

М.С. Каган определяет диалог культур как тип отношений, для которого характерно отношение культуры к другой культуре, как к равноправной, равноценной при её отличиях и интересной в её уникальности (Каган М.С., 1997). Такой тип отношений способствует развитию понимания принадлежности к национальному и мировому сообществу, готовности к межкультурному общению, при котором каждый участник относится к другому как к полноправному, равноценному участнику коммуникации.

Для адекватного участия в диалоге культур современный педагог должен помочь школьнику быть готовым:

- приобретать знания об иной культурной реальности и сравнивать её со своей собственной, осваивать систему наиболее существенных культурных реалий;
- работать с текстами разных жанров, которые являются одним из важнейших источников информации о национально-культурной специфике народа;
- уметь правильно интерпретировать культурные реалии данных текстов;
- уметь оценивать иноязычную культуру с позиций норм данной культуры, а не с позиций норм родной.

В основе понятия диалога культур лежат следующие положения:

- построение культурного пространства, погружение в которое строится по принципу расширяющегося круга культур (Е.И. Пассов);
- контрастивно-сопоставительное соизучение культур и цивилизаций в контексте их историко-культурного взаимовлияния;
- изучение родной и неродной культур;
- интерпретация фактов, событий, явлений и их ценностных смыслов в рамках соответствующей культуры (Е.Д. КАрандасова);
- ориентировка на готовность к общению в инокультурной среде;
- подготовка обучающихся к роли субъектов диалога культур, то есть культурных посредников в ситуациях межкультурного общения (Сафонова В.В., 2001).

Поэтому современный учитель иностранного языка должен обладать высоким уровнем профессиональной квалификации культуры, быть психологически готовым к общению с людьми, имеющими другие взгляды, стиль и образ жизни, уметь понять суть конфликта и уладить его, иметь высокий уровень культуры общения, речевой такт (Сафонова В.В., 1996)

Итак, лингвопространство мегаполиса как феномен XXI века представляет собой социальную среду, представители которой принадлежат к различным этническим группам, обладают различными этнокультурными ценностями и разговаривают на разных языках. Структуру лингвоэтнокультурного пространства образовательного учреждения сегодня можно представить как взаимодействие нескольких основных компонентов:

- поликультурный, многонациональный коллектив учащихся;
- кросскультурный характер педагогического процесса;
- социокультурная среда образовательного учреждения.

Сегодня, одной из важных задач профессионального образования педагога остается проблема готовности к обучению языками культур в условиях полилингвокультурного пространства мегаполиса.

Список использованных источников:

1. Библер, В.С. Школа диалога культур Текст. / В.С. Библер // Сов. педагогика. 1988. - № 11. - С. 29-34.
 2. Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
 3. Карандасова, Е. Д. Теоретико-методические основы соизучения языков и культур [Текст] / Е. Д. Карандасова // Среднее профессиональное образование / Российская академия образования, Союз директоров ссузов России. – М., 2012. – № 8. – С. 16–18.
- Сафонова В.В. Культуроведение в системе современного языкового образования // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3. – С. 17-24.

СТЕПАНИЮК Юлия Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Диминутивы в языке и речи (на материале французского и русского языков)

В системе русского и французского языков имеется суффиксальный способ образования производных с уменьшительным значением, прежде всего, имен существительных, которые называют диминутивами. В обоих языках суффиксы, передающие указанное значение, достаточно многочисленны, однако их статус и продуктивность далеко не одинаковы. Кроме того, в речи диминутивность может выражаться и другими способами. Суффиксальный способ образования диминутивов мы назвали синтетическим [3, с.107-108].

В русском языке уменьшительное значение входит в группу субъективно-оценочных значений [2, с.267], которая включает в себя уменьшительное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, ласкательное, уничижительное значения (их передают суффиксы -ок/-ик/-чик, -ец, -к(а)/-очк(а)/-ечк(а), -иц(а), -ц(о)/-ец(о), -к(о), -ишк-, -ушк(а), -онк-, -ешк-, -оньк-/еньк-, -очк-, -ул(я), -ун(я), -ус(я), -уш(а), -ан(я), -аш(а), -ик/-ок/-ук и др.); уменьшительное значение «типа» (суффиксы: -етт(а), -етк(а)) или «подтипа» (суффиксы -к(а), -ок, -иц(а)), которое по сути присуще самостоятельным словам, а не диминутивным формам слов; а также увеличительное значение [2, 266-267]. В статье будут рассматриваться диминутивы с уменьшительным, уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-уничижительным значениями. Существуют «сверхуменьшительные» формы с двойным суффиксом (например, «ковшичек»). В русском языке, таким образом, суффиксальные средства образования диминутивов достаточно разнообразны и многие считаются продуктивными, а диминутивы – употребительными.

Как и другие языковые единицы, суффиксы могут характеризоваться асимметрией и быть синонимичными и полисемичными. Так, субъективно-оценочные значения суффиксов следует отличать от значения подобия

(выражается суффиксами -к(а), -ок/-ик, -овин(а), -ур(а), -оид, -им, -к(о)/-ышк(о)/-ик(о) и др., нередко в рамках технической лексики [2, с.265]) и от стилистической модификации (суффиксы -ин(а), -к(а), -ик, -аг(а), -уг(а), -ух(а), -ах(а), -ох(а), -енци(ј)- [2, с.267], -ак(а), -юк(а), -ак, -як, -ц(о), -ан/-лан/-уган, -ец, -от(а), -ышк(а) и др. [2, с.217-218]), хотя все эти значения являются модификационными [2, с.265]. Многие из приведенных суффиксов полисемичны и способны выражать субъективно-оценочные значения (суффиксы подобия -ик, -ец, -к(а), -ц(о)) или все три указанных значения (-ик, -к(а)) [2, с.265]. Только из контекста можно понять, какое из значений передает слово.

Во французском языке уменьшительные суффиксы, наряду с уничижительными, либо образуют самостоятельную группу и тогда выражают одновременно ласкательное значение, либо подразделяются на уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-уничижительные суффиксы [5, с.165, 206]. К уменьшительным суффиксам относятся -in, -ine, -on/-eron/-eton/-uchon, -aillon, -ille, -illon, -eau/-ereau/-ceau, -elle, -et, -ette, -elet, -elette, -ot, -otte, -ule/-(i)cule, -uscule, -ichon, -iche, -oche, -uche [4; 6], некоторые из них являются двойными. Большинство указанных суффиксов передают ласкательный оттенок, в то время как уничижительные суффиксы (-aillon, -erie, -aille, -ard, -ise, -asse, -eau, -o/-ot) – значение стилистической модификации. Некоторые суффиксы (напр., -et, -ette) могут иметь значение «типа»/«подтипа», подобия или вообще не выражать диминутивность (*éprouvette, archet, tablette, oreillette, chevalet, lancette* и др.), нередко в рамках технической лексики; подобные слова в число диминутивов не включались. Многие из перечисленных суффиксов потеряли свою продуктивность, а образованные с их помощью диминутивы – употребительность, за исключением диминутивов с суффиксом -ette (в меньшей степени – с -et) [6, с.82].

Для исследования диминутивов в речи были привлечены произведения художественной прозы ряда отечественных и французских авторов (А.И. Куприна, И.А. Бунина, М.А. Булгакова, Ю.В. Трифонова, Л.Улицкой, П.Мериме, Ж.Перека, Р.Кено, Ф.Саган, М.Леви и др.). В произведениях рассматривались диминутивы – имена существительные, образованные синтетическим и другими способами, устанавливалась иерархия в использовании этих способов.

Так, синтетический способ образования диминутивов (когда диминутивность выражается в самом слове с помощью соответствующего суффикса) оказался достаточно распространенным в русских текстах, а использующиеся при этом суффиксы – разнообразными (бородка, язычок, книжечка, домик, камешек, деревушка, пятнышко, спальенка, зеркальце, переулочек, ребятишки и др.). Во французских произведениях синтетические диминутивы встречаются намного реже и суффиксы не столь разнообразны (*pendulette, chambrette, maisonnette, coffret, jardinet, tonnelet, bestiole, barbiche, carafon, ruelle* и др.).

В.Г. Гак отмечал, что русским словам с суффиксами субъективной оценки (в том числе с уменьшительными) в словарях могут соответствовать

французские «аналитические сочетания, где субъективная оценка выражается прилагательными *petit...*» и др. [1, с.97]. Таким образом, способ, при котором диминутивность выражается вне имени существительного, т.е. не морфологически, но в рамках именной группы, чаще всего прилагательным (встречаются и иные модели), можно назвать аналитическим [3, с.107-108], а аналитические диминутивные конструкции – аналитическими диминутивами.

В русских текстах было выявлено несколько аналитических диминутивных моделей, прежде всего «прил. (с уменьшит. знач-ем) + сущ.». Среди прилагательных самым распространенным является «маленький» (маленькая дверь), однако встречаются и другие (небольшой, мелкий, крошечный, крохотный, ничтожный, легкий, короткий, тесный и др.), иногда уменьшительное значение они могут приобретать только в контексте. Другая модель – «немного + сущ.» (немного воды), преимущественно с неисчисляемыми существительными. Обнаружены и другие модели и их варианты. При этом аналитические диминутивы меньше представлены в русских текстах, чем синтетические, в противоположность французскому языку, где наблюдается большее количество моделей.

Так, французской аналитической диминутивной моделью можно считать использование партитивного артикля при неисчисляемом существительном (*de l'herbe, de l'argent* и др.). Другой моделью является «*un peu de+N.*», где N. – имя существительное (*un peu d'esprit*). Вариант предыдущей модели – «*D.+N.+de+N.*» (где D. – детерминатив), преимущественно с временным значением и с неисчисляемыми существительными (*un moment de panique*). Самая распространенная, основная французская аналитическая диминутивная модель – «*D.+petit+N.*» / «*D.+N.+Adj.*», где Adj. – имя прилагательное с уменьшительным значением. В подавляющем большинстве таким прилагательным является «*petit*» (*un petit jardin, une petite chambre, un petit village, une petite maison, une petite tache, un petit miroir* и пр.), однако встречаются и другие – *chétif, exigu, infime, menu, mince, minuscule, modeste...* (*un appartement minuscule, une cuisine exigüe*). Существуют расширенные варианты основной модели, встречающиеся реже ее, – с добавлением существительного, эксплицирующего пространственно-временные характеристики диминутивности: «*D.+petit+N.+de+N.*», где первое имя существительное имеет значение действия (*un petit coup de vent*); «*D.+N.+de+petit+N.*» (*des pierres de petite taille*); «*D.+N.+Prép./D.+N.+Adj.*» (*une chambre aux dimensions modestes*). Таким образом, по сравнению с русским языком аналитические диминутивы достаточно разнообразны во французском языке и широко употребительны.

Сочетание синтетического и аналитического способов образования диминутивов, обусловленное экспрессивно-стилистическим согласованием слов [1, с.102], мы назвали комбинированным способом [3, с.111], т.к. диминутивность выражается и в самом слове с помощью уменьшительного суффикса, и вне его, в рамках именной группы. В русском языке этот способ очень распространен, т.к. он является одним из «законов словоупотребления» [1, с.102], и поэтому словосочетания типа «маленький старичок» (небольшой

домик, мелкие камешки и т.п.) регулярно встречаются в русской художественной прозе. Противоположная ситуация наблюдается во французских текстах, в которых комбинированные диминутивы очень редки, а если и попадают, то в текстах 2-ой пол. XX века (*un petit îlot, de petits diabolins*). Это связано с тем, что французские грамматисты нередко считают словосочетания такого типа стилистически некорректными по причине избыточного выражения в них диминутивности [6, с.87-88]. Во французском языке в целом средства выражения диминутивности (особенно синтетические) используются достаточно экономно и имеют тенденцию не повторяться в небольших текстовых фрагментах [6, с.90], тогда как в русском языке повторы диминутивов встречаются чаще.

Таким образом, анализ диминутивного словообразования в русском и во французском языках показал, что в обоих языках присутствуют суффиксальные средства образования уменьшительного значения у производных имен существительных. Анализ употребления диминутивов в текстах русской и французской художественной прозы продемонстрировал, что в обоих языках используются все три способа образования диминутивов: синтетический, аналитический и комбинированный. Однако употребительность этих способов в языках различна. Так, в русском языке преобладают синтетический и комбинированный способы, аналитический же способ используется более ограниченно. Во французском языке доминирует аналитический способ (в статье показано восемь моделей и вариантов моделей образования аналитических диминутивов), тогда как синтетический способ представлен в гораздо меньшем объеме, а комбинированный – вообще единичными случаями.

Список использованных источников:

1. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков [Текст]: монография / В.Г. Гак. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264 с.
2. Русская грамматика [Текст]: в 2-х тт. / Н.Ю. Шведова [и др.]; гл.ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 784 с.
3. Степанюк, Ю.В. Диминутивы в русском и во французском языках: способы образования и особенности перевода с русского языка на французский [Текст] / Ю.В. Степанюк // Вопросы филологических наук. – 2011. – №6 (52) – С.107-123.
4. Штейнберг, Н.М. Аффиксальное словообразование во французском языке: Суффиксация и префиксация [Текст]: учеб. пособие / Н.М. Штейнберг. – Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1976. – 204 с.
5. Grevisse, M. Le bon usage [Текст] / M. Grevisse, A. Goosse. – 14e éd. – Bruxelles: De Boeck / Duculot, 2008. – 1600 p.
6. Hasselrot B. Étude sur la vitalité de la formation diminutive française au XX siècle [Текст] / B. Hasselrot. – Uppsala, Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. – 112 p.

ТИМОШЕНКО Ирина Владимировна

аспирант

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Контрастивное изучение артиклевых форм (на материале переводов с

русского на английский и французский языки)

В разных языках артикли имеют свои особенности, но простое наблюдение показывает возможность выделения универсального инварианта значения артиклевых форм, в том числе и в неблизкородственных языках. Это наглядно проявляется при сопоставлении параллельных текстов.

Харальд Вайнрих считает, что вся «лингвистика неизбежно является текстовой», и показывает на примере анализа артиклей во французском языке, что «функции этого класса морфем могут быть поняты только в перспективе текста». Исследователь предлагает «принять принцип нейтрализации, предложенный первыми структуралистами и перенесенный Андре Мартине и другими в морфологию и синтаксис из фонологии», и утверждает, что «приложение понятия нейтрализации к артиклям» возможно не только при рассмотрении «оппозиции женский/мужской род и (по крайней мере частично) единственное/множественное число», но и даже «определенность/неопределенность» [1, с.371-372], усматривая в существовании нулевого артикля непосредственное указание на такую возможность... Лингвисты, придерживающиеся данной точки зрения, считают, что артикли – это сигналы, помогающие слушающему или читающему понять знаки текста и их взаимозависимость.

В.Г. Гак рассматривает артикль как указатель референции существительного в каждом данном тексте, а референцию – как «соотнесение языкового знака с объектами внеязыковой действительности в процессе коммуникации». [2, с.96].

Сопоставление функционирования системы артиклей в разных языках предпринималось в литературе. Так, на материале перевода отрывков из произведения Агаты Кристи, В.В. Малько приходит к выводу о недостаточности существующей теории референции и предлагает ее комбинировать с объяснением функционирования артиклей с позиций теории индивидуализации/генерализации». Он считает, что «совпадение употребления артикля наблюдается перед существительными, которые являются референтными... Несовпадения же будут возникать перед именами, которые нереферентны, т.е. не соотносятся с каким-либо индивидуализированным объектом» [4]. Нам представляется спорной такая попытка объединения двух точек зрения. Кроме того, мы считаем анализ одного текста перевода недостаточным для получения объективной картины.

В рамках проводимого нами контрастивного анализа предпринята попытка построения максимально непротиворечивой теории, способной описать механизм выбора артикля для передачи типа референции существительного. При продуцировании текста на иностранном языке говорящий чаще всего руководствуется грамматическими правилами, содержащими в себе образцы языковой нормы. Это касается, в том числе, и употребления артиклей. У говорящего на родном языке в ходе построения высказывания активизируются подсознательные процессы, которые автоматизируют процесс выбора. Носитель языка как родного пользуется практическим навыком, выработанным при овладении родным языком, и не

руководствуется специально выученными правилами. Можно говорить о том, что в данном случае имеет место своеобразный условный рефлекс, который позволяет не затрачивать мыслительные ресурсы на рациональный перебор для передачи обязательного для выражения смысла, как это происходит у говорящего на иностранном языке.

В качестве материала исследования мы использовали параллельные переводы с русского на английский и французский языки глав I и XXV романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Нами были проанализированы два перевода на английский язык [7, 8] и два перевода на французский язык [9, 10]. В ходе анализа была сделана выборка имен и именных групп, в которую вошли все существительные и равнозначные им номинативные группы, кроме единиц, в которые входят детерминанты, отличные от артикля (неопределенные и количественные местоимения). Всего зафиксировано 1275 номинативов, из них – 927 совпадение, 347 несовпадения в выборе артиклей. Из несовпадений 141 межъязыковых (в т.ч. обусловленных различиями в грамматическом строе языков) и 206 внутриязыковых. Несовпадения составляют более трети от общего числа компонентов выборки, и это позволяет говорить о том, что их появление неслучайно и не может быть объяснено непониманием исходного текста или неадекватным выбором артиклей при переводе.

Задачей нашего исследования является построение описательной модели выбора артиклей и установление возможных причин несовпадений.

При рассмотрении функционирования артиклей в тексте мы опирались на описание категории, выражаемой артиклем, предложенное Ф.А. Литвиным. Указывая на семантическую неопределённость терминов «определенность» и «неопределенность», автор предлагает иной подход к описанию артикля. Артиклевые формы рассматриваются как носители общего семантического значения, т.е. как имеющие «общий семантический инвариант своего лексического значения» [3, с.89-99]. Определенный артикль представлен как «знак того, что множество, именем которого в языке является данное существительное, представлено в ситуации <...> одним или совокупностью из элементов множества, выделенным (-ой) из общего ряда» («выделение из класса»); неопределенный артикль указывает на то, что «номинал существительного представлен в референте данного речевого высказывания элементом множества как обладающим признаками, дифференциальными для всего множества» («отнесение к классу»); а нулевой артикль используется для обозначения множества «без выделения его элементов» («именование класса») [3, с.89-99].

В рамках одного языка несовпадение артиклей в переводах есть результат разной интерпретации номинируемой ситуации разными адресантами, при отсутствии в контексте чётких указаний.

При сопоставлении с французским языком обнаруживается, что инвариант сохраняется, но добавляется ещё один параметр – дискретность/недискретность множества. Такое варьирование даёт новые

формы – формы множественного числа неопределённого артикля и частичный артикль. Это приводит к межъязыковым несовпадениям артикля в переводах.

В результате контрастивного изучения артиклевых форм нами выделены четыре вида совпадений и несовпадений артиклей: 1) полные совпадения (все четыре переводчика употребили один и тот же артикль), 2) неполные совпадения (три переводчика из четырех употребили одинаковый артикль, в четвертом переводе использован отличный от артикля способ обозначения референции), 3) неполные несовпадения (три переводчика употребили одинаковый артикль, в четвертом переводе использован иной артикль), 4) внутри- и межъязыковые полные несовпадения (в двух переводах используется один артикль, и в двух переводах – другой/другие артикли, либо в трех переводах есть несовпадение в употреблении артиклей, а в четвертом переводе отсутствует материал для сопоставления).

Приведем примеры несовпадений.

(1) [в] *черных тапочках // black sneakers // black softshoes // des espadrilles noires // des espadrilles noires*. В данном фрагменте есть полное (межъязыковое) несовпадение в употреблении артиклей, обусловленное особенностями грамматического строя языка.

В типовых случаях, где несовпадения связаны с возможностью различной трактовки исходного текста, наблюдаются внутриязыковые несовпадения. Например, в текстовом фрагменте из главы XXV (2) *опустилась с неба бездна // an abyss descended from the sky // the abyss descended from the sky // l'insondable obscurité descendue du ciel // un abîme descendit du ciel* в каждом из языков имеет место полное несовпадение. В одном из переводов на французский язык использована отличная от трех других синтаксическая конструкция – существительное, определяемое «выделяющим» причастным оборотом, в связи с чем в *l'insondable obscurité descendue du ciel* использован определенный артикль. В трех переводах несовпадение есть результат разной интерпретации номинируемой ситуации переводчиком при отсутствии чётких контекстных указаний.

Список использованных источников:

1. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике/ Выпуск VIII, под ред. Т.М. Николаевой., М., "Прогресс", 1978, сс. 370-386. [эл.ресурс: <http://www.rostov-language.ru/help-108.html>. Дата обращения: 08.01.16]
 2. Гак В.Г. Языковые преобразования — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998 – 763 с.
 3. Литвин Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике артикля в разных языках // Общество & человек. – СПб.: Алеф-пресс, 2014. – № 2 (8). – С. 89–99.
 4. Малько В.В. Сравнительный анализ употребления артикля во французском и английском языках [эл. ресурс: http://pglu.ru/upload/iblock/71f/uch_2010_iii_00013.pdf. Обращение: 15.01.16]
- Материал исследования:
6. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: АСТ, 2001. – 448с.

7. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated by Hugh Aplin. – London: One World Classics, 2008. – 432с.
8. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. London Picador, London : Picador, 1997. – 384с.
9. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Texte présenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. – P. : Éditions Gallimard, 2004. – 734с.
10. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Traduit du russe par Claude Ligny. – P. : Robert Laffont, 2012. – 608с.

ТИХОНОВА Марина Петровна

*кандидат филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет*

Мир воображения и нонсенса во французской поэзии для детей

Воображение занимает важное место в жизни ребенка. Детское воображение аффективно по своей природе, оно подвижно конкретными эмоциональными факторами. Все психологи (от А. Валлона до Ж. Пиаже), говорят о детском сознании как неопределенном, непостоянном, переменчивом, но во многом определяемом телесными и чувственными факторами.

Ребенок обладает способностью к самым неожиданным сближениям и сравнениям, так как он еще не в состоянии осознать и определить реальные границы окружающих его предметов и явлений. По мнению французского психолога Жана Шато, в слове детьми воспринимается скорее чувственная, эмоциональная сторона, нежели понятие – концепт. Для ребенка слово конкретно. Он находит в слове тот образ, который отвечает его эмоциональному настрою. Именно поэтому стихи для детей часто передают не какие-то истории, а изображают картины, рисуют образы [5].

Для детского воображения характерно «чувство невидимого» [5, с. 130], так как дети отличаются способностью видеть в предметах и словах больше, чем те собой представляют. В детских играх реальность переносится в воображаемый мир, и реальный объект заменяется иллюзорным.

Детская поэзия, безусловно, отвечает всем особенностям детского воображения, фантазиям и играм. Например, наблюдая за тем, как луна превращается в месяц, герой стихотворения представляет себе апельсин, который постепенно съедает ангел, оставляя от него лишь одну дольку:

La lune est une orange
Sur un bel oranger,
Une orange qu'un ange
Chaque nuit vient manger <...>

Jean-Luc Moreau «La lune et le soleil» [7, с. 25]

В стихотворениях для детей мы нередко сталкиваемся с миром наоборот (le monde à l'envers). Проблема утверждения себя в мире актуальна для детского сознания. Она часто сводится к разговорам о возможных мирах, выражается в формуле «что бы было, если бы». В творчестве современных французских детских поэтов стихотворения «без смысла», стишки о перевернутом мире, мире наизнанку, воплотившие столь характерную для детского фольклора

страсть к несоответствиям, занимают особое место. Подобные стихотворения носят название «l'eroèmeensi». Чаще всего желанная нелепица достигается тем, что функции одного предмета навязываются другому и наоборот:

Silecordonnier était roi,
Si la route était en nougat,
Si deux fois quatre faisaient neuf,
Si le bœuf se changeait en œuf,
Si la souris mangeait le chat <...>

Maurice Carême «Si le cordonnier» [3, с. 59]

Стихотворения на «si» близки не только народной поэзии. Абсурдная картина имеет много общего и с традиционными сюрреалистическими образами, в которых все неожиданно смешивается, запутывается, меняется местами. Поэты предлагают читателям представить себе, каким бы стал мир, если бы люди (животные, предметы и пр.) вдруг покинули привычное место, поменялись местами, обзавелись несвойственными им атрибутами, приобрели не присущие им в обычной жизни роли, стали все делать наоборот. Так создается перевернутый мир, в котором сапожник становится королем, бык превращается в яйцо, мышка охотится на кошку и т.п. Странные метаморфозы, происходящие прямо на наших глазах, не могут не вызвать смех или удивление.

К стихотворениям на «si» примыкают небылицы, носящие во французском языке название «la menterie» (от глагола mentir – врать, обманывать). Такие стихотворения нередко строятся по модели известной народной песенки «Compèr' qu'as-tuvu?». Чаще всего рассказ в la menterie ведется от первого лица. Рассказчик – маленький врунишка или, скорее, фантазер, выдумывающий неправдоподобные истории, которым обычно никто не верит:

Avez-vous vu le dromadaire
Dont les pieds ne touchent pas terre ?

Avez-vous vu la poule au pot
Voler en rassemblant ses os ?

Avez-vous vu le léopard
Qui aime logerdans les gares ? <...>

Mais moi, m'avez-vous bien vu, moi ?
Que personne jamais ne croit ?

Maurice Carême «Avez-vous vu ?» [1, с. 61]

В перевертышах и небылицах поэты играют далекими друг от друга, а иногда и прямо противоположными, взаимоисключающими образами, перебирают самые невероятные ситуации и воображают самые парадоксальные картины придуманного мира. Мы видим верблюда, который ходит, не касаясь земли; обитающего на вокзале леопарда; скрипача-льва; попугая, ловко играющего в бильбоке, и т.п. Мир наизнанку, странный и вместе с тем забавный, будоражит воображение маленького читателя, который пытается представить себе его. Кроме того, картины, созданные фантазией поэтов, заставляют задуматься о логике вещей, попытаться понять, почему мир, в котором мы живем, устроен так, а не иначе. Поэт словно приглашает ребенка заглянуть в тайны мироздания.

Небылицам и перевертышам очень близки по стилистике стихотворения без смысла, чепуха. Во французском языке есть несколько терминов,

обозначающих этот вид стихотворений. Наиболее часто встречается название *lafatrasie* (от существительного *le fatras* – набор фраз, дребедень, вздор), пришедшее к нам из Средневековья. Так назывались тексты, состоящие из рифмующихся строк, никак не связанных друг с другом по смыслу. В стихотворном виде фатрази, как правило, представлял собой текст из одиннадцати стихов, которые предваряло двустишие. В этом двустишии задавалась тема, причем первый стих двустишия «открывал» следующий далее текст, а второй стих обязательно повторялся в последнем стихе. Таким образом, версификационная модель средневекового фатрази была строго определена, а общая схема рифмовки выглядела так: *A, B, /A, a, b, a, a, b, b, a, b, a, B* [4, с. 208]:

Le mangeur de nuages	À l'avaleur d'orages.
Est mort d'indigestion.	Craignons la congestion !
	Faut-il que nous restions
Le mangeur de nuages	Prisonniers de ce mage ?
A dépassé son âge.	Car that is the question
Une erreur de gestion	Si le goûteur d'usage
Livre le paysage	Est mort d'indigestion.

Jacques Charpentreau «*Fatras fantastique*» [4, с. 115]

Жак Шарпантро воссоздает классическую форму фатрази, наполняя форму разнообразными игровыми приемами, которые усиливают людический эффект этого необычного стихотворения: звуковой игрой (аллитерациями и ассонансами), макаронической речью (известной цитатой из «Гамлета» – *thatisthequestion*) и даже медицинскими терминами (*indigestion, congestion*).

Для обозначения стихотворений без смысла используется также термин *lesocq-à-l'âne*, который берет начало в Средневековье и означает несвязный, прерывистый текст. Идея бессвязности отражена в самом названии: оно идет от выражения *passer (sauter) ducocq à l'âne* – перескакивать с одной темы на другую (буквально – с петуха на осла). Противоречивость, непоследовательность, нелогичность, бессмысленность – вот главные характеристики этих произведений. Они перекликаются с эстетикой сюрреализма, абсурда и нонсенса.

В XX веке *lafatrasie* и *lesocq-à-l'âne* переживают второе рождение в поэтических играх, которые практиковали поэты-сюрреалисты. Поэзии сюрреализма свойственна самая высокая степень произвольности, сочленение того, что здравый смысл не способен сопоставить, эффект неожиданности, ошеломления. Эти образы трудно перевести на «обычный» язык. Подобные примеры мы находим и в поэзии для детей:

J'étais dans une auberge	Qui servait le soda.<...>
Longue comme une asperge.	Pourtant, le plus étrange,
Latable étaienmarbre ;	C'était de voir, pendus
Lechat, enchocolat.	À des fils mal tendus,
C'est une branched'arbre	Des tas de petits anges

Qui, tous, me regardaient

Avec un air inquiet.

Maurice Carême «L'étrange auberge» [2, с. 79]

Воображение поэта рисует причудливые картины, похожие на странные и необъяснимые сновидения. Мы словно видим удивительный сон, заселенный необычными персонажами, среди которых кот из шоколада; ветка дерева, подающая клиентам содовую; хлеб с крыльями, готовый взлететь со стола. И завершают эту градацию странных образов висящие под потолком на ниточках ангелочки, которые в ответ на появление рассказчика так же, как и он, удивляются и немного настораживаются.

В поэзии для детей ярко проявляется двойственное и противоречивое восприятие ребенком окружающей действительности в рамках синкретизма и сопоставления, что предполагает выделение двух аспектов детского воображения: 1) утилитарно-мотивированного и 2) изобретательного, который переносится на предметы, существа, явления, проникая в их тайны, оживляя их, что можно рассматривать как реализацию поэтической функции [6, с. 18].

Детские поэты создают парадоксальный мир с его неверным взаимоотношением образов, нарушением привычного порядка вещей, соединением несоединимых элементов. В основе этих приемов лежит принцип остранения, и они могут быть квалифицируемы как поэтический оксюморон.

Список использованных источников:

1. Carême M. À cloche-pied. – P.: Les Éditions ouvrières, 1972. – 133 p.
 2. Carême M. Au clair de lune. – P.: Hachette jeunesse, 1993. – 144 p.
 3. Carême M. La courte paille. – P.: L'École, 1975. – 110 p.
 4. Charpentreau J. La poésie dans tous ses états. – P.: Les Éditions ouvrières, 1984. – 248 p.
 5. Château J. Le réel et l'imaginaire dans le jeu de l'enfant. – P.: Librairie Philosophique J. Vrin, 1975. – 292 p.
 6. Gourévitch J.-P. Les enfants et la poésie. – P.: Éditions de l'école, 1969. – 178 p.
- Moreau J.-L. Poèmes de la souris verte. – P.: Hachette, 1992. – 174 p.

ФРОЛОВА Галина Эдуардовна

ассистент

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.

Ушинского

История становления фразовых глаголов в английском языке

Фразовые глаголы (ФГ) являются важной частью современного английского языка, что обусловлено аналитическим строем английского языка. По мнению У. Дж. Болла без ФГ «разговорная речь современного английского языка была бы другой». [5, с. 56]

Фразовые глаголы появились еще в древнеанглийский период, что было обусловлено несколькими причинами:

1. Свободный порядок слов в предложении
2. Ритм предложения
3. Высокая степень семантической связности глагола и наречия.

[1, с. 102]

Место наречия определялось его синтаксической функцией в предложении. В случае образования ФГ наречие играет роль отглагольного обстоятельства и может менять свое место. В древнеанглийский период некоторые сочетания глагола с пространственными наречиями становятся устойчивыми и превращаются во фразеологические единицы или в слова с приставками. Таким образом, грамматические явления преобразовывались в лексические, а свободные сочетания становились фразеологическими единицами, а само слово – морфемой. [1, с. 105]

В древнеанглийский период выделяют 3 типа сочетаний наречий с глаголами: свободные сочетания, семантически связанные словосочетания, когда наречие теряет пространственное значение, но может стоять и до, и после глагола, произвольные глаголы с неотделяемыми приставками. В последствии наречия образовывали с глаголами семантически связанные фразеологические единицы с твердым порядком элементов.

Данное явление обусловлено таким свойством языка как «выражать новые понятия с помощью старых средств и их перегруппировки или возможность скомпенсировать исчезновение одной единицы за счет появления другой». [2, с. 14-15]

С 14 века отмечается резкое увеличение количества глагольно-наречных сочетаний (с 67 в 12 веке до 853 в 14 веке).

В монографии Б.Е. Зернова (1986 г.) «Взаимодействие частей речи в английском языке. Статико-динамический аспект» отмечается возникновение послелогов на основе некоторых древнеанглийских глагольных префиксов локативного значения, которые отрываются от глагола и начинают употребляться в постпозиции к нему.

В эпоху перехода от среднеанглийского к новоанглийскому приглагольные пространственные элементы окончательно становятся послелогоми.

В 15 веке ФГ начинают вытеснять синтетические глаголы из других языков (*togetover* вместо *torecover*). В этот период стало появляться сжатие предложений на основе с «стяжение нескольких слов в одно». Например, *awalk-up, aset-up*. [4, с. 15, 16]

Список использованных источников:

1. Егорова Т.А. К истории так называемых составных глаголов // Учен. записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1958. - Т. 157. - С. 101-115.
2. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников М.: Наука, 1970. - 602 с.
3. Столянков Ю.В. Английские фразовые глаголы в двуязычной ситуации: дис. . канд. филол. наук.-М., 2010.-217 с.
4. Черкасская Е.Б. Некоторые новые тенденции в системе современного английского языка // Уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина. М.: МГПИ им В.И. Ленина, 1971. - Т. 471. - С. 3-16.
5. Ball W.J. Conversational English: an analysis of contemporary spoken English for foreign students, with exercises. London: Longmans, Green, 1953. - 284 p.

ХАРИТОНОВА Ирина Викторовна

*доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет)*

Отражение слуховых ощущений во фразеологическом составе языка (на материале французского языка)

Слуховые ощущения играют важную роль в жизни человека. Фразеологическая система языка как хранилище национального опыта включает единицы, характеризующие человека слушающего. Поскольку во

французской культуре понятие о слухе связано скорее с лексической единицей (далее ЛЕ) *oreille nf*, чем с *ouïe nf*, то последнее обладает низкой фразеологической активностью (далее ФА). В немногих фразеологических единицах (далее ФЕ) компонент *ouïe nf* обозначает слуховые ощущения:

Être tout ouïe - 'écouter attentivement' (превратиться в слух), - которая имеет варианты *être tout oreilles*;

à portée d'ouïe – 'в пределах слышимости';

à perte d'ouïe – 'на далеком расстоянии, вне слышимости'.

Из указанных ФЕ только одна *être tout ouïe* непосредственно относится к характеристике процесса слушания, а две другие связаны с категорией пространства.

В ряде ФЕ за счет метонимического переноса типа *ощущение человека – сенсорный орган* компонент *ouïe nf* обозначает *oreille nf* и его свойства:

avoir les ouïes pâles - 'выглядеть измученным, истощенным'

se faire serrer les ouïes – 'получить нагоняй. схлопотать'

Поскольку *oreille nm* является парным органом, то во ФЕ используется форма множественного числа *ouïes nm pl*.

ФЕ *se faire serrer les ouïes* образовалась в канадском варианте французского языка, во французском стандартном используется *avoir sur les oreilles* 'получить взбучку'. Несмотря на то, что в обеих ФЕ описывается состояние человека, получающего нагоняй, очевидна различная образная основа данных ФЕ, связанная со слуховыми ощущениями: стандартный вариант отражает воздействие повышенной громкости звука, который обычно используется в таких ситуациях, а канадский – действие, которое используется человеком, чтобы ослабить слуховые ощущения.

Таким образом, к небольшому числу ФЕ с компонентом *ouïe nf*, которые прямо обозначают слуховые ощущения, следует отнести и ФЕ канадского происхождения.

Данные примеры показывают, что, оказывая регулирующее воздействие на отношение между индивидами, звук в человеческом обществе играет организационную роль и является первоосновой коммуникации. Повышая громкость своего голоса (при этом, конечно, используются и другие вербальные и невербальные средства), один человек может оказывать влияние на другого, заставляя его действовать в своих собственных интересах.

Возвращаясь к вопросу о ЛЕ и ФЕ, которые фиксируют слуховой опыт народа, отметим, что низкая фразеологическая активность ЛЕ *ouïe nf* объясняется тем, что она обозначает определенное свойство человеческого организма. Данная ЛЕ абстрактна, моносемична и имеет скорее узкое терминологическое употребление.

Фразеологическая активность ЛЕ *oreille nf* выше: она конкретна и полисемична, потому что обозначает материальный объект (орган слуха), который дан человеку в ощущениях, и, прежде всего, в зрительном. ФЕ с компонентом *oreille nf*, обозначают «А» - разную степень нацеленности человека на получение слуховых ощущений, которые являются воздействием

внешней среды, и «Б» - оценку результатов (достоверности) полученных слуховых ощущений:

А.1 Готовность к полному восприятию воздействия внешней среды и уверенность в достоверности ощущений:

Écouter de toutes ses oreilles. Être tout yeux, tout oreilles (cf. Être tout ouïe) ;

Prêter l'oreille; prêter une oreille attentive; tendre l'oreille - 'держатъ ухо востро'.

Ouvrir les oreilles – 'развеситъ уши'

Dresser l'oreille – 'наостритъ уши'

Примечательно, что постановка *tout yeux, tout oreilles* в один ряд, свидетельствует если не о равнозначности, то об особой важности для человека не только слуховых, но и зрительных ощущений.

А.2 Готовность к частичному восприятию воздействия внешней среды (фильтрации ощущений) неуверенность в достоверности ощущений:

N'écouter que d'une oreille, d'une oreille distraite – 'слушатъ вполуха, невнимательно' ;

А.3 Отсутствие готовности к восприятию воздействия внешней среды и уверенность в недостоверности ощущений:

Fermer l'oreille, les oreilles à ... - 'заткнуть уши' ;

Ne pas l'entendre de cette oreille. (milieu XIIe) ; Faire la sourde oreille - 'прикидыватся глухим; и ухом не вести'.

Б.1 Восприятие воздействия внешней среды и уверенность в недостоверности ощущений:

Ne pas en croire ses yeux, ses oreilles – 'не верить глазам своим'

Данная ФЕ составляет пару с ФЕ *Être tout yeux, tout oreilles*, что подтверждает первостепенную значимость для человека именно слуховых и зрительных ощущений.

Bassiner les oreilles à qn; rompre (или rebattre) les oreilles à qn разг. - 'надоесть, прожужжать уши кому-либо'

Б.2 Восприятие воздействия внешней среды и уверенность в достоверности ощущений:

Venir aux oreilles de... ; parvenir aux oreilles de qn. – 'дойти до ушей, до сведения кого-либо'

Cela n'est pas tombé dans l'oreille d'un sourd – 'это не было сказано даром; это будет учтено'.

Данные примеры приведены для того, чтобы показать, насколько осознанно человек относится к своим слуховым ощущениям, фиксируя при помощи языковых фразеологических средств свой опыт в области восприятия акустического воздействия внешней среды: природы и общества. В целом, процесс познания и ощущения как его составная часть необходимы человеку для выживания в агрессивной внешней среде. Зрение и слух, достаточно равноценно развитые у человека, помогают ему избегать опасности. Поэтому - *à bon entendeur salut – 'имеющие уши да слышат'.*

ЦЕПЛИНСКАЯ Юлия Эдуардовна
кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет

Вид как языковая универсалия

Традиционно аспектуальность (А) и часто неоправданно отождествляемая с ней категория вида (В) считается понятийной и языковой универсалией, и хотя в разных работах наблюдаются некоторые (иногда существенные) различия в отнесении тех или иных значений к сфере А, в большинстве исследований не подвергается сомнению их представленность во всех языках мира. Попытки определить универсальные аспектуальные значения совершаются даже в рамках когнитивистики, так Т.Белошапкина пишет: «Аспектуальные концепты можно отнести к семантическим примитивам (термин А. Вежбицкой), т. е. к набору лексических универсалий, лежащих в основе человеческой коммуникации и мышления. Таким образом, можно говорить о том, что концептуальное устройство категории аспектуальности относится к базовому уровню концептуальной системы языка». [1, 186]

Что касается вида (В) внутри аспектуальных значений, то П.Фридрих [2, S1] писал, что В может считаться кандидатом в члены универсальных признаков, которые являются врожденными или генетически предопределенными. В аспектологии не раз высказывалось предположение об обязательном выражении видовых значений в глаголе. Е.Курилович утверждал: "Так же как существительное может обходиться без артикля, глагольная система может функционировать без формального различия времен (ср. семитские языки). Однако, вид является конститутивной категорией глагола, существующей во всех языках" (Цитируется по: [3, 252]). Нельзя не сказать, что есть и иные точки зрения: например, многие слависты считают, что глагольный вид – это явление, свойственное только славянским языкам; но – повторимся – более распространенным является мнение об универсальности В.

Допущение или отрицание универсальности во многом связано с трактовкой содержания категории В, поэтому прежде, чем говорить об универсальности категории и её значений, следует сначала установить, о каком именно явлении идет речь, т.е. что называть В, что называть А, и лишь потом сравнивать представленность данных значений и средства их выражения в языках мира. На протяжении десятилетий этим довольно успешно занимаются аспектологи всего мира, но однозначного, принятого всеми определения В пока так и не было дано. Когда говорят об А как об объективных характеристиках протекания ситуации (способах действия), то сходные значения находят во многих языках мира, сходство можно найти даже в самых общих тенденциях в плане выражения, как показывают данные типологических исследований. Несмотря на это, В остается как бы «неуловимым», поскольку большинство из значений, предлагаемых как инвариантные, не распространяются на все видовые употребления даже внутри одного языка, не говоря уже обо всех языках. Нам представляется, что подобная «неуловимость» В во многом объясняется тем, что чаще всего его значение ищут среди способов действия,

т.е., пытаются выделить какой-то один признак совершения действия, распространяющийся на все ситуации и обязательно морфологически выраженный при глаголе (собственно это морфологическое выражение зачастую и называют видом).

Поиски инвариантного значения В были начаты славистами, и ими же разрабатывалась привычная теперь «видовая» терминология. Для славянских языков наиболее часто инвариантным назывался и продолжает называться признак предельности/непредельности действия (совершенный СВ и несовершенный НСВ виды, соответственно), чуть менее часто говорят о значении целостности. Для других языков принято использовать термины перфективность/имперфективность для определения основной видовой оппозиции глагола, где перфективность условно соответствует СВ, а имперфективность – НСВ. Понимание перфективности/имперфективности часто связывали со значениями длительности/точечности, законченности/незаконченности, результативности/нерезультативности и некоторыми другими (Б. Комри [4]). Однако все теории, называющие тот или иной признак совершения ситуации инвариантным видовым значением (даже для одного языка), неизбежно вызвали критические замечания, подкрепляемые языковыми примерами. Главным доводом против является возможность выразить противопоставляемые значения как через СВ, так и через НСВ, вследствие чего оппозиция оказывается несостоятельной.

Существует ряд гипотез, которые для определения В опираются не на - или не исключительно на - семантические признаки совершения или протекания действий. Среди таковых можно выделить теорию секвентности, целый ряд теорий, в основе которых лежит понятие, обобщенно названное А.В. Бондарко “возникновение новой ситуации”.

В противовес теориям, основанным на подходе к В как к категории, лишенной собственной семантики, и представляющим его как грамматической выражение некоторой общей аспектуальной семантики, существует иной подход, который трактует глагольный В внутри А как относительно независимую от лексической аспектуальной семантики интерпретационную категорию, ориентированную – наподобие глагольного времени и наклонения (в языках где они есть) - на говорящего/пишущего, на его восприятие ситуации, а не непосредственно на саму ситуацию. Еще представители Пражской Лингвистического Кружка отмечали, что объективные характеристики ситуации – это еще не все аспектуальные значения, что аспектуальность, помимо объективной, обладает также субъективной стороной. Штебиц считал, что СД отражают объективные характеристики протекания ситуаций, а В - ее субъективное представление. Проблема субъективности тесно связана с понятием выбора: в случае с В, говорящий/пишущий абсолютно свободен в своем выборе, т.е. любая ситуация может быть представлена двояко, через СВ или НСВ. В отражает ситуационный фокус, перспективу, через которую представляется ситуация со всеми признаками своего протекания, и перспектива эта может быть двоякой: внутренней и внешней. Внешней перспективе соответствует перфективное значение (СВ), а внутренней –

имперфективное (НСВ), перфективное значение предполагает видение ситуации извне, а имперфективное значение - видение изнутри. С другой стороны, СД отражает т.н. объективную сторону А, и его можно определить как способ развития или протекания действия или ситуации. В всегда выражен при глаголе и является ядром А, но полное представление об аспектуальных характеристиках ситуации складывается только на уровне всего высказывания.

Таким образом, если рассматривать А как категорию, имеющую субъективно-объективную природу, и разделять внутри неё В и СД, категории с неодинаковым семантическим наполнением, то проблема универсальности В представляется в несколько ином свете, и следует изучить, насколько морфологически-обязательный приглагольный вид, который обнаруживают во всех языках мира, отражает именно перспективу говорящего. Некоторые исследования по отдельным языкам мира говорят в пользу этого.

Список использованных источников:

1. Белошاپкова Т. В. *Категория аспектуальности с точки зрения когнитивной лингвистики* || *Интеграция образования.* – № 4 / 2005 – С.180-186
2. Friedrich P. *On Aspect Theory And Homeric Aspect* || *International Journal of American Linguistics.* – Vol. 40. – 1974
3. Телин Н.Б. *Вид и способ действия в русском языке* || *Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 250-260
4. Comrie B. *Aspect.* – Cambridge University Press, 1976. –Language Arts & Disciplines. –142 pages

ЧЕРВОНЫЙ Александр Михайлович

доктор филологических наук, доцент

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ «РИНХ»

Субъект речи во фразеологическом выражении

(на материале французского языка)

Как известно, фразеологический ресурс любого языка формируется как коррелят национального лексикона с целью, с одной стороны, метафоризации номинации или предикации, а с другой — стереотипизации языкового выражения суждений, ментальных репрезентаций (гештальтов) в виде готовых суждений, о которых упоминает еще античная риторика [1].

В своей работе мы придерживаемся широкого толкования фразеологизма. Под фразеологизмом нами понимается раздельно оформленная единица, которой свойственна лексическая неизменность состава, с полной или частичной семантической трансформацией ее компонентов.

В качестве объекта исследования нами были отобраны французские фразеологические единицы, включая паремии, выражающие имманентную составляющую человеческого естества — его речевую деятельность, средством осуществления которой выступает язык. Язык в нашем понимании вбирает в себя Человека мыслящего и говорящего. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, язык — это своего рода аналог человека. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух. Он воспринимается одновременно умом и органами чувств. Этот дуализм

языка, повторяющий двойственную природу человека, отражен почти во всех его дефинициях [2, с. 7].

Фразеологизмы с заданным семантическим содержанием достаточно частотны во французском языке и характеризуются структурным разнообразием: от двухкомпонентных словосочетаний до обладающих смысловой законченностью предложений. Фразеологический корпус, отражающий речевую деятельность, может быть структурирован в виде фразеосемантического поля. Ядро поля составили фразеологические единицы, обозначающие субъект речи.

Как показал анализ фактического материала, субъект речи во фразеологизированном выражении представлен с разной степенью эксплицитности. Семантический субъект (в более узком смысле – субъект речи, т.к. речь идет об одной из функций семантического субъекта) обладает свойством трансцендентальности, а именно: претерпевая различные трансформации в плане выражения вплоть до полной формальной элиминации, он, видоизменяясь, постоянно присутствует в плане содержания в виде той или иной ментальной репрезентации.

Таким образом, субъект речи может принимать самые разные формы выражения. Диапазон употребления дейксиса — от личных местоимений до трансформации или элиминации субъекта-протагониста *vouloir c'est pouvoir* позволяет выявить вовлеченность говорящего во фразеологическую номинацию по параметрам «субъективность/объективность», опираясь на корреляцию «субъектность/бессубъектность» соответствующей синтаксической модели S—V—O и других лексико-синтаксических моделей высказывания.

Так, в случае выражения деятеля местоимением «Je» говорящий (адресант) совпадает семантически и формально с субъектом речи: *je m'entends bien* (разг.) — я прекрасно, отлично понимаю, что говорю; *j'ai bien parlé à sa barette* — я высказал ему всю правду, сказал все начистоту.

В случаях номинации деятеля прономинальными единицами второго или третьего лица, а также субстантивами имеет место формальная и семантическая асимметрия адресанта и субъекта речи. Например: *ce que vous dites et rien, c'est tout un* (prov.) — мели, Емеля, твоя неделя (т.е. я говорю (считаю), что вы говорите...).

Субъект речи может быть обозначен субстантивными фразеологическими сочетаниями с отрицательной коннотацией, которые присущи разговорному стилю французского языка: *faiseur de phrases* — болтун, краснобай; *dépucelateur de pourrices* (разг.) — бахвал, хвастун. Данные фразеологические единицы в реальной коммуникативной ситуации могут быть соотнесены как со вторым, так и с третьим лицом, и реже с первым.

Интенсивность речевой деятельности субъекта передают такие фразеологические обороты компаративного типа как: *bavard comme un concierge* (comme le claquet d'un moulin, comme une crécelle, un merle, une pie) — болтливый как сорока. Данный тип фразеологических единиц служит для выражения речевой характеристики субъекта. Как видим, во французском

языковом сознании зафиксировано весьма критическое отношение к чрезмерной говорливости.

Косвенная номинация субъекта речи происходит в результате его метафорического и метонимического выражения: *moulin à paroles* (разг.) — болтун, болтушка, тараторка; *bouche d'or* — а) он всегда говорит правду, он всегда искренен и говорит то, что думает б) (ирон.) — это болтун, нескромный человек; *bonne langue* — а) болтун б) (ирон. *mauvaise, méchante langue*) — злой язык.

Установленная в результате анализа центробежная тенденция в выражении субъекта речи проявляется в стремлении к обобщению. Данная тенденция осуществляется, прежде всего, за счет интродукции в структуру фразеологизмов неопределенно-личного местоимения *on* и местоимения *qui* в дейктической функции.

Введение этих местоимений, отражающих субъект речи, делает высказывание «более объективным», обладающим большей аргументативной силой. Неопределенно-личные высказывания и фразеологизмы с указательным *qui* стремятся к обобщению, а, следовательно, и к объективности. Это свойство особенно четко проявляется во фразеологии языка, поскольку закрепленность формы и содержания, с одной стороны, «снимает ответственность» с говорящего (энунциатора) за достоверность (вероятность) пропозиции, а с другой, допускает амбивалентность интерпретации субъекта-адресата высказанной пропозиции в преломлении к собственным знаниям (пресуппозиции) и к ситуации общения. Например: *on ne converse pas avec les fous ni avec les clochards* [5, с. 5].

Обобщенное представление субъекта является по сути дела его субститутом, восполняющим информационную лакуну, которая возникает вследствие удаления из поверхностной структуры высказывания определенной части информации относительно производителя действия. Например: *on a beau prêcher (parler) à qui n'a cure de bien faire* (prov.) — бесполезно уговаривать того, кто не собирается следовать уговорам; *Qu'en dira t-on? — Что станут говорить? Что скажут? Что подумают?;* *qui s'excuse s'accuse* (prov.) — кто оправдывается, тот сам себя выдает; *qui dit A dit (doit dire) B* (prov.) — кто сказал А, должен сказать В.

Одной из постоянных трансформаций субъекта языка-речи является его формальное устранение [3]. Причины этого явления связаны, прежде всего, с речевой интенцией говорящего: в зависимости от контекста и ситуации в дискурсе нередко наблюдается формальная невыраженность семантического субъекта, поскольку информационно более значимыми *hic et nunc* оказываются иные элементы реальной/виртуальной действительности, которые и подлежат вербализации. Однако, несмотря на формальную лакуну субъекта, на семантическом уровне прослеживаются признаки его наличия.

Субъект речи элиминируется в коммуникативных фразеологических единицах посредством номинализации:

А) субъектной: *longues paroles font les jours courts (prov.)* — за разговором время идет быстро; *l'entente est au diseur (prov.)* — сказанное понятно тому, кто говорит.

Б) объектной: *c'est la glose d'Orléans, plus obscure que le texte (prov.)* — путанное, сложное объяснение, затуманивающее суть дела; *ce sont jeux de prince (qui ne plaisent qu'à ceux qui les font) (prov.)* — это дурные, злые шутки; *il n'y a qu'un cri sur cela* — об этом все в один голос говорят; *c'est une dérision (разг.)* — это же насмешка, это же курам на смех, это издевательство.

«Неопределенно-генерализированный субъект не выражен отдельным словом и не охарактеризован ни по линии рода, ни по линии числа и лица. Формальное устранение субъекта и актуализация действия и составляют прагматику подобных рефлексивных высказываний» [4, с. 67].

Устранение субъекта имеет место также во фразеологизированных пассивных конструкциях: *être sujet aux langues* — быть предметом злословия, чьих-то пересудов; *être la fable du peuple (du quartier, de tout le monde, de toute la ville)* — быть всеобщим посмешищем, стать притчей во языцех; *venir en discussion* — стать предметом обсуждения, в которых потенциальное подлежащее выполняет функцию объекта речевой деятельности.

С прагматической точки зрения во фразеологизмах возможна редукция не только субъекта, но и объекта речи: *aussitôt dit, aussitôt fait (sitôt dit, sitôt fait)* — сказано – сделано; *chose promise, chose due* — давши слово держись; *сказано – сделано*. Формальное устранение этих двух актантов из синтаксической структуры фразеологизма позволяет сфокусировать внимание адресанта на процессе и результате действия. Таким образом, функционально-семантический анализ показал разнообразную типологию субъекта речи во фразеологизмах и паремиях французского языка, употребление которых зависит от персонального тезауруса говорящего и его коммуникативных интенций

Список использованных источников:

1. Аристотель Сочинения в четырех томах / Аристотель – Т.1. – М.: Мысль, 1975. – 552 с.
2. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-19.
3. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В.Г. Гак // Вопросы французской филологии. – М.: Наука, 1972а. – С. 123-136.
4. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
5. André-Larochebouvy D. La conversation quotidienne / D. André-Larochebouvy. – P.: Didier – Crédif, 1984. – 196 p.

ШВЕЦ Эллина Игоревна

аспирант

Московский педагогический государственный университет

Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка)

Настоящая статья посвящена выявлению стереотипных представлений, отраженных в семантике фразеологических единиц с компонентом-этнонимом, а также рассмотрению семантики культурно маркированного этнонима, основанной на фиксации разнообразных ассоциаций, связанных со стереотипизацией явлений действительности.

Обратимся к определению термина *этностереотип* или *этнический стереотип* (далее ЭС). Данный термин понимается как стандартное представление определенной этнической общности о другой или о себе самой. Понятие этностереотипа тесно связано с понятием коннотации как стандартной, устойчивой ассоциации, вызываемой в языковом сознании носителей языка при употреблении того или иного слова.

Иными словами, в основе семантической структуры этнонима лежит ЭС. ЭС представляет собой схематизированный образ той или иной этнической общности, отражающий упрощенное знание ее характерологических особенностей и моделей поведения. На основе ЭС складываются эмоционально окрашенные и устойчивые представления о своей или чужой этнической группе [2; 133].

Задачей лингвистического анализа стереотипов является определение способов отражения стереотипных представлений в значении языковых единиц. В этой связи представляется необходимым ответить на вопрос, в какой части лексического значения содержится подобного рода информация – в ассерции, пресуппозиции или в оценочной части? Необходимо также рассмотреть зависимость выражения стереотипности этнонимом от занимаемой им синтаксической позиции в предложении.

Уникальность этнонима как языковой единицы проявляется в его способности к актуализации хранящихся в сознании человека ЭС, семантика

которых наиболее полным образом раскрывается во фразеологических единицах, особенностью которых является наличие внутреннего контекста.

Семантический потенциал этнонима реализуется за счет выполняемой им функции идентификации и предикации. В качестве идентифицирующего имени этноним выполняет функцию подлежащего или дополнения. Данные позиции способствуют актуализации интенционального значения этнонима и аннулированию импликационных признаков (в рамках теории лексического значения М.В. Никитина). В этом случае этноним служит для обозначения представителей этнической группы как исполнителей определенного действия или носителей определенного признака [1; 326-329].

ФЕ с этнонимом-подлежащим или этнонимом-дополнением, реализующим свое словарное значение и не имеющим импликаций, содержат оценку этнических групп за счет употребления положительно или отрицательно маркированных лексем, сопровождающих этноним, тогда как сам этноним является оценочно нейтральным.

Значение генерализации в таких предложениях реализуется благодаря квантору всеобщности (le, les), который указывает на совпадение референта с «всеобъемлющим» множеством, создавая обобщенные суждения. В качестве примера приведем ФЕ: **les Gascons vont toujours au-delà de la vérité et les Normands restent toujours en deçà** – о любви гасконцев к преувеличению; **les Auvergnats et les Limousins font leurs affaires et puis celles de leurs voisins** – о приоритете своих интересов. Степень эксплицитности стереотипов выражается за счет приемов *пресуппозиции* и *инференции*. Реконструкция возможных операций для получения переосмысленного значения важна, прежде всего, в теоретическом плане. Инференция заключается в домысливании значения выражений в пределах описываемой ситуации, распознавании коммуникативных установок и интенций, не получающих прямого выражения. В рамках фразеологии формирование переносного значения может рассматриваться как инференция – умозаключение, в процессе которого происходит фиксация стереотипных представлений.

В.Н. Телия также указывает на то, что выводимое значение идиоматических выражений, получаемое на основе логических импликаций, обуславливает несовпадение суммы значений исходного сочетания слов с актуальным значением ФЕ [3; 142].

Наличие пресуппозиции и квантора всеобщности позволяет воспринимать стереотипные высказывания как реалистичные, несомненные. В данном случае ЭС находит языковую экспликацию в пресуппозиции предложения, а не фиксируется в импликационале этнонимов.

В качестве предикатного имени этноним используется в своей вторичной функции и стремится к выражению импликациональной зоны значения, в которой отражаются все возможные этнические признаки.

Предикатное употребление отражает субъективность взглядов и оценочность суждений говорящих, апеллируя при этом к общепринятым, социально закрепленным понятиям, соответствующим их сигнификату [1; 337]. В синтаксической позиции предикатива раскрывается многогранная семантика этнонима, поскольку происходит обозначение не предметной, а признаковой сущности имени. Таким образом, осуществляется актуализация энциклопедических знаний, тех признаков и характеристик, которые ассоциируются в сознании носителей языка с той или иной этнической группой.

Например, в ФЕ **il ressemble le Gascon: il n'a qu'un vice, il est trop vaillant** – о трусливости, малодушности гасконцев; **contrefaire l'Allemand** – притворяться грубым; **être normand** – 1) быть хитрым, коварным, лукавым; 2) не сдерживать обещания, отступить, – интенциональные признаки (предметное значение) этнонима в предикатной позиции отходят на задний план в результате перестраивания структуры лексического значения и актуализации импликациональной зоны значения.

Признаковые слова также находят свое воплощение в атрибутивных словосочетаниях, которые основываются на целостном восприятии признака и объекта. Наиболее типичными моделями реализации атрибутивных отношений

являются: **N + Adj**, где **N** – имя существительное, а **Adj** – отэтнонимическое прилагательное, **N + de + N**, где **N** – имя существительное, **de** – предлог, а **N** – имя существительное-этноним и **N + de + les + N**, где **N** – имя существительное, **de** – предлог, **les** – определенный артикль мн. числа, а **N** – имя существительное-этноним. В рамках данных сочетаний отэтнонимическое прилагательное и этноним в функции определения, включают в себя определенный набор импликационных сем, актуализируемых при помощи имени существительного и передающих определенный образ этнической группы. Например: **sourire tunisien** – *рубец, шрам на лице*; **discussions / querelles byzantines** – *пустые, бесполезные дискуссии*; **patience de Lombard** – *вынужденное терпение*; **promesse de Gascon** – *пустые обещания*; **secours des Vénitiens** – *запоздалая помощь*.

Анализ ФЕ с компонентом-этнонимом указывает на продуктивность использования этнонимов для характеристики действий. Для примера приведем модель обстоятельства образа действия с отэтнонимическим прилагательным: **rêver à la suisse** – *не думать ни о чем*; **à la turque** – *строго, сурово, жестоко*.

Нередко встречается комбинация предикатных имен с прилагательными-интенсификаторами, относящимися к компоненту значения имени и причастными к семантическим пресуппозициям, например: **fort comme un Turc** – *о человеке, обладающем огромной физической силой*; **riche comme un juif** – *об очень богатом человеке*.

Стоит отметить, что вышеуказанные положения о выражении стереотипности и ее дальнейшей фиксации в ФЕ относятся к уровню переменных сочетаний. В то время как исследование семантической структуры ФЕ указывает на трансформацию значения этнонима и актуализацию его импликационала. Например, ФЕ **parler à un Suisse** – *говорить со стеной*. Как отмечает И.В. Харитонова, это связано с тем, что в процессе переосмысления свободного словосочетания происходит выделение особых свойств и отношений предмета, которые находят свое отражение в ФЕ, определяя ее характеризующую функцию [4; 76-77]. Таким образом, именной компонент

всегда обозначает признак предмета или явления действительности, называемый аналогичным элементом свободного сочетания.

Список использованных источников:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 381с.
2. Крысько В. Г., Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Харитоновна И.В. Тенденции образования глагольных фразеологических единиц в современном французском языке: (На примере фразеоструктуры V + en + N): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

ЯЦЕНКО Наталия Тимуровна

кандидат педагогических наук, доцент

докторант (Université Paris 7 Sorbonne Paris Cité, Laboratoire ICT)

Советские преподаватели французского языка в качестве ассистентов преподавателей русского языка во Франции: работа «за железным занавесом» (конец 1960-х – середина 1980-х гг.)

В фондах Национального архива Франции сохранились документы Управления международного сотрудничества Министерства образования Франции (*Ministère de l'Éducation nationale, Direction des affaires générales, internationales et de la coopération*) относящиеся к работе во Франции ассистентов преподавателей русского языка из СССР с конца 1960-х до середины 1980-х годов [1]. Большая часть ассистентов – преподаватели французского языка в советских школах или вузах, которые использовали возможность длительного пребывания в стране преподаваемого языка для того, чтобы улучшить свои языковые компетенции и больше узнать о Франции. Изучая неопубликованные архивные документы – личные дела советских ассистентов, отчеты французских преподавателей, директоров школ и министерскую переписку, мы исследовали обстоятельства пребывания ассистентов во Франции: бытовые условия, педагогическую деятельность, взаимоотношения с коллегами и учениками.

Мы располагаем сведениями о двенадцати советских ассистентах, работавших в двадцати пяти колледжах и лицеях академий Парижа, Бордо, Тулузы, Монпелье, Марселя, Гренобля, Лиможа, Пуатье, Страсбурга, Нанси и Тура в 1969 году. К 1980 году их число достигает сорока, причём около

половины ассистентов продлевают контракт и остаются во Франции ещё на год. В начале 1980-х годов ассистентами (а точнее ассистентками, так как две трети из них составляли женщины) работают преподаватели французского языка в педагогических институтах СССР и, гораздо реже, учителя французского языка в средних школах или специалисты в области русского языка. Возраст ассистентов варьировался от двадцати трех до сорока шести лет при среднем значении тридцать пять – сорок лет, что отличало их от коллег из Западной Европы (Испании, Италии, ФРГ) – чаще всего студентов-старшекурсников. Официальная нагрузка ассистентов составляла двенадцать часов в неделю и распределялась между уроками разговорного языка (*groupes de conversation*) в разных классах, записями текстов и консультациями с французскими учителями русского языка. Ассистенты также могли участвовать в подготовке школьных олимпиад по русскому языку, праздников русского языка, а в 1980-е годы даже поездок в СССР групп французских школьников. Кроме того, многие ассистенты работали преподавателями и переводчиками в ассоциации Франция – СССР, а в свободное время путешествовали по французским регионам.

В течении всего изучаемого периода, через отчеты ассистентов красной нитью проходит тема недостаточно комфортного жилья, задержек зарплаты и оформления документов, стесняющего расписания (преподавание в четырех удалённых друг от друга колледжах или лицеях города; уроки в неудобное для учеников время, добавленные в общее расписание по остаточному принципу). В соответствии с соглашением о культурном сотрудничестве между СССР и Францией, ассистенты селились в небольших комнатках при лицеях, в которых они преподавали. Не только ассистенты, но и сами руководители учебных заведений отмечали плачевное состояние комнат, тесноту и отсутствие элементарных удобств: душа, отопления, кухни, холодильника, телефона. Чтобы съездить на родину в течении учебного года, ассистенты часто просили дополнительные дни отпуска, что не приветствовалось французской администрацией.

В целом, коллеги во Франции высоко оценивали профессиональные качества ассистентов, умение работать со школьниками, плодотворно сотрудничать с учителями. Среди же негативных характеристик мы нередко находим упоминание об излишней робости (*timidité*), замкнутости (*manque d'ouverture*), недостаточном владении французским языком. Ассистентов также упрекают в отсутствии искренности, в авторитарности, а также в неспособности работать без чётких указаний начальства. По мнению французских коллег, такое отсутствие инициативы было характерной чертой советской системы образования.

Список использованных источников:

1. Archives nationales de France, cartons 19910417/54, 19910417/55, 19910417/57, 19910417/107.

Couverture phraséologique textuelle : la vulgarisation scientifique

1. Introduction

Dans le cadre de ce travail nous discuterons le problème de la couverture phraséologique des textes publiés sur les sites d'Internet. Etant donné que l'Internet est une source inépuisable d'informations donc aussi de textes de tout genre, nous intéresserons plus particulièrement aux textes qui prétendent d'être scientifiques, donc aux textes paramédicaux destinés à grand public, écrits sous l'étiquette des médecins ou des professionnels de la santé. Ils sont fortement consultés et très souvent, ils constituent une seule source d'information sur les maladies. Le « docteur Google » fournit des descriptions de maladie, propose des solutions et prescrit le traitement. Leur particularité c'est qu'ils se trouvent à la frontière de la langue écrite (ils sont bien publiés) et de la langue parlée (ils en portent au moins quelques traits comme la familiarité des expressions ; ils invitent à interaction ; il y a un échange entre les locuteurs, etc.). Dans ce qui suit nous voulons voir quelles structures linguistiques sont utilisées pour faire passer le message de nature médicale. La présente recherche repose sur une série d'articles paramédicaux destinés à grand public publiés sur le site d'internet *doctorissimo.fr*⁸.

2. Du texte spécialisé à sa vulgarisation

Vue le nombre des écrits sur les notions du *texte* et du *discours*, voire sur la distinction entre eux, nous disons simplement que le « *texte* se définit par l'organisation de sa configuration en rapport avec ce qui l'entoure [...] le *discours* concerne d'avantage l'organisation sémantique » (Charaudeau, 2009 : 43). Dans notre approche méthodologique, nous retenons les propos de Longrée qui précise que « le texte est formé d'un certain nombre d'occurrences des éléments A, B, C, D, E » (Longrée, Mellet, 2013). Ainsi, le présent travail repose sur les textes de la vulgarisation scientifique. La *vulgarisation* se définit comme suit (TLFi) « -*En partic. Fait d'adapter des notions, des connaissances scientifiques et techniques afin de les rendre compréhensibles au non-spécialiste ; reformulation d'un discours spécialisé qui consiste généralement à le débarrasser de ses difficultés spécifiques, de ses caractères techniques afin de le rendre accessible au grand public* ». Alors un texte même reformulé ou simplifié, devra garder les spécificités du *discours spécialisé*. Même si, à nos yeux, les textes retenus dans notre corpus se trouvent au bas de l'échelle des textes parascientifiques, il est toutefois possible de dégager des parties fixes propres aux textes médicaux (cf. l'exemple n°1), car leur objectif est de fournir une information « rapide à lire », et pour le faire, il est nécessaire de retenir une structure claire. D'ailleurs, la préfabrication de la structure constitue un des critères de la génération automatique des textes. Nous la réduisons en quatre points :

⁸ <http://www.doctissimo.fr/html/dossiers/otite.htm>

(a) la présentation de la maladie – description des symptômes, (b) la gravité de la maladie, (c) le traitement et (d) les envois vers d’autres articles – les hyperliens.

Dans nos travaux⁹ (Muryn et alli), nous partons du constat que chaque type de discours se caractérise par l’organisation de structures sémantiques complexes qui y dominant, en même temps que par le choix de prédicats et d’arguments, la spécification de positions impliquées, etc. Les réalisations lexico-syntaxiques de ces structures sont propres à un discours donné (nous verrons plus loin que celles utilisées dans les textes médicaux et dans les textes paramédicaux ne sont pas tout à fait identiques). Ainsi, nous dégageons trois niveaux structurant l’analyse du texte : (i) le motif sémantique - une représentation abstraite de toutes les structures réalisant le même modèle prédicat-argument. Il se réalise à travers la structure lexico-syntaxique, par exemple le motif sémantique MALADIE – (CAUSE) – DESCRIPTION – TRAITEMENT qui caractérise les textes du corpus choisi ; (ii) la structure lexico-syntaxique : toute réalisation du motif sémantique grammaticalement complète, il assimile les choix lexicaux avec les relations syntaxico-sémantiques, par exemple : <médecin> mettre en place <traitement>, <médecin> prescrire <traitement>, <patient> subir <traitement>, <patient> prendre <traitement>, <patient> arrêter <traitement> et (iii) la matrice englobante : l’ensemble des structures RLS associées aux parties fixes.

L’exemple n°1¹⁰

La bronchite aiguë infectieuse

Voir aussi

• *Rhume*

• *Troubles ORL*

• *Toux*

La bronchite aiguë infectieuse vous donne mal à la gorge, une vilaine toux, de la fièvre, des courbatures ou encore des maux de tête !Synonyme d'inflammation des bronches, cette maladie est pourtant banale et parfaitement bénigne.Inutile donc de s'affoler, une simple surveillance suffit généralement pour qu'elle disparaisse en quelques jours.

3. Phraséologie étendue et les textes spécialisés

Le lexique des écrits scientifiques est très varié, Grossmann (2015) retient *le lexique abstrait non spécialisé, le lexique méthodologique disciplinaire, le lexique terminologique et le lexique de la langue générale*. Mais, ce qui ressort le plus, c’est sans doute leur structure collocative.

Dans la littérature, la notion de collocation est définie selon les trois approches : statistique, sémantique et psycholinguistique. Nous y retenons les deux premiers : (i) la collocation est définie en terme statistique (Sinclair, 1991) comme la probabilité

⁹ Il s’agit des travaux du groupe de recherche DISEM de l’Université Pédagogique de Cracovie, réalisés sous la direction de Teresa Muryn.

¹⁰ Les exemples sont repris comme tels.

qu'une unité linguistique apparaît en co-occurrence d'une autre unité linguistique ;
(ii) la collocation est constituée de deux unités sémantiquement différentes : de la base qui est sémantiquement libre et du collocatif qui en dépend. Mejri (2009) avance une hypothèse suivante : « Si on considère que toute occurrence appropriée est une collocation, on peut avancer, (...), l'idée que ce qui fait le discours spécialisé, c'est l'espace couvert par les collocations qui comporte les séquences polylexicales (...) mais qui y ajoute les unités monolexicales employées avec d'autres unités appropriées ». Ainsi nous classons les unités spécialisées retenues dans les textes paramédicaux comme suit :

- (i) les termes spécialisés polylexicaux : *la bronchite aiguë infectieuse, le rhino-pharyngite, l'inflammation des bronches, la zone nez gorge oreilles ; les troubles ORL*. Il s'agit des constructions nominales souvent à classifieur : *otite externe, otite interne, otite moyenne, otite purulente, otite simple, otite double, otite chronique, otite aiguë compliquée de mastoïdite*.
- (ii) les collocations spécialisées: *entraîner des consultations, l'avis médical s'impose ; constituer l'une des premières causes de consultation, mettre en place un traitement, subir un traitement*. Il s'agit des constructions verbales utilisées aussi dans la langue générale.
- (iii) les unités structurant le discours: *Peut-on les prévenir ? Comment traiter ces affections?*

Étant donné qu'il s'agit des textes de vulgarisation, les unités structurant le discours y jouent un rôle significatif autrement dit c'est à l'aide de ces unités s'effectue le passage du texte scientifique au texte de vulgarisation. Ces unités du discours permettent donc de prévoir le niveau de langue employée ainsi le type de texte.

De plus, pour familiariser et pour rendre le discours spécialisé plus accessible ou autrement dit pour faire passer le message, les auteurs des sites paramédicaux font recours aux suites figées issues de la langue générale. Ces suites ont une fonction ludique guère notée dans les textes scientifiques. Le jeu de mots repose sur les ressemblances entre la maladie à décrire et un des éléments constituant la séquence figée ou le sens même de la séquence. C'est l'environnement contextuel et cotextuel qui justifie son emploi (cf. les exemples n°2, n°3, n°4).

L'exemple n°2

Résistez aux troubles ORL

*Qui n'a pas entendu parler des oreillons, maladie contagieuse mais généralement bénigne... Fièvre, perte d'appétit, gonflements des glandes salivaires sont autant de signes qui doivent **mettre la puce à l'oreille** des parents. A quel moment vacciner ? Cette maladie menace-t-elle systématiquement la fertilité des garçons ? Doctissimo vous en dit plus.*

- **TLFi : Mettre la puce à l'oreille** de qqn. Intriguer, éveiller les soupçons, la méfiance de quelqu'un.

L'exemple n°3

En finir avec la constipation

Voir aussi

- *Plus de problèmes de transit !*
- *J'ai mal au ventre...*

*Ballonné(e), mal à l'aise... **Votre transit vous joue des tours.** Une personne sur cinq et pas moins d'une femme sur deux souffrent de constipation. Pourtant, il n'est pas toujours facile de parler de ce problème. Pour éviter que cette gêne ne devienne chronique, des solutions existent. Grâce à nos conseils, faites de nouveau la paix avec vos intestins.*

- **TLFi : Jouer des tours.** Agir de manière intempestive, extravagante, se livrer à des excentricités.

L'exemple n°4

Aphrodisiaques : en quête du viagra féminin ?

Depuis l'avènement de la petite pilule bleue, les chercheurs ne jurent plus que par la sexualité masculine. Mais pour les femmes, rien ou pas grand-chose ! La pilule est dure à avaler. Heureusement, cela est en train de changer... Découvrez dès maintenant ces nouveaux aphrodisiaques.

- **TLFi :** Loc. fig. Être dur à cuire (cf. dur à cuire). **C'est dur** à digérer, à **aval**er. C'est difficile à croire, à admettre.

L'objectif de ces textes est d'un côté de faciliter le transfert de message, mais de l'autre côté il s'agit de gagner la confiance du lecteur. Tout est permis pour sortir ces textes du cadre prédéfini par la langue de spécialité : les jeux de mots, le figement, le défigement, les emplois métaphoriques. Voilà quelques exemples :

- a. les unités figées intégrant les parties du corps :
 - i. **L'otite** - *Otites, ne faites pas la sourde oreille*
 - **TLFi :** Faire la **sourde oreille**; faire sourde oreille - Faire semblant de ne pas entendre ce qui est dit, d'ignorer des propos; refuser d'accéder à une demande.
 - ii. **L'otite** - *Pour que vos enfants dorment sur leurs deux oreilles, découvrez notre dossier.*
 - **TLFi :** **Dormir surses deux oreilles.** Dormir en toute quiétude.
 - iii. **L'hypertension** - *Toutes les réponses à ces questions qui vous tiennent à cœur.*
 - **TLFi :** **Tenir au cœur** (de qqn). S'y attacher par une forte adhésion intime
- b. les unités figées dont le sens est détourné :
 - i. **La constipation** - *Ballonné(e), mal à l'aise... Votre transit vous joue des tours.*

➤ TLFi : **Jouer des tours.** Agir de manière intempestive, extravagante, se livrer à des excentricités.

ii. **Aphrodisiaques : en quête du viagra féminin ?**

Depuis l'avènement de la petite pilule bleue, les chercheurs ne jurent plus que par la sexualité masculine. Mais pour les femmes, rien ou pas grand-chose ! La pilule est dure à avaler. Heureusement, cela est en train de changer... Découvrez dès maintenant ces nouveaux aphrodisiaques.

➤ TLFi : Loc. fig. Être dur à cuire (cf. dur à cuire). C'est dur à digérer, à avaler. C'est difficile à croire, à admettre.

c. les phrases figées :

i. les pragmathèmes

Bon à savoir

ii. les slogans

Santé dans l'assiette

iii. les questions préfabriquées

Que faire ?

Comment les prévenir ?

d. les noms composés familiarisés :

Des petits aux gros bobos, nos médecins et pédiatres répondent ici à toutes vos questions.

Pipi au lit

e. les déterminants et les modifieurs familiers

Voici venu le froid, le vrai froid piquant et cinglant, et avec lui son lot de petits problèmes. Pour éviter de passer l'hiver au lit, découvrez vite nos "infos" et conseils.

4. D'autres perspectives d'analyse - la e-polarité

Aujourd'hui, l'internaute n'est plus qu'un simple *consommateur* passif d'information, mais il est devenu un acteur actif qui « génère » de l'information. Une belle panoplie de *commentaires* se trouve sous les textes paramédicaux. **Ces avis se caractérisent par au moins trois éléments : (i) la liberté d'expression, (ii) la spontanéité d'écriture et (iii) la contextualité.** Ils sont enracinés dans un domaine commenté et dans la nomenclature utilisée. D'où la possibilité de dégager les mêmes unités linguistiques que celles qu'on trouve dans le discours spécialisé : les termes spécialisés (polylexicaux), les collocations spécialisées. Cependant, les unités structurant le discours se rapprochent à celles utilisées dans la langue parlée et elles véhiculent très souvent la polarité (négative ou positive) du commentaire (cf : l'exemple n°5).

L'exemple n°5

Suite à une prise débêta-bloquants depuis longtemps, je suis depuis 1 an environ victime de faux rhume et fausse sinusite (avec expectorations bronchiques à des moments réguliers (matin et soir). On m'a donné Ovar puis Avamis, ce dernier m'ayant occasionné des épistaxis (3 fois) assez graves (je n'ai jamais saigné du nez avant). Bref une horreur de remède à réserver aux cas sévères d'usage de corticoïdes. J'ai tout abandonné sans aggravation de mes symptômes. On a cautérisé un vaisseau du nez = soucis supplémentaires. Comme quoi les spécialistes donnent sans précaution.

Bref, il s'agit d'un texte hybride qui mêle le langage écrit et le langage oral. Ces commentaires ne restent pas pourtant sans importance pour l'industrie du traitement automatique de langue naturelle car ils véhiculent les informations de nature commerciale ou sociale, ils constituent donc l'objet d'intérêt de différents milieux professionnels ou sociaux qui cherchent l'approbation de leur produit. La question de la polarité¹¹ demande donc d'être approfondie.

5. Bibliographie

- Beliakov, V., Mejri, S., (dir.) (2015) : *Stéréotypie et figement. A l'origine du sens*, Presse Universitaire du Midi, France, p. 246.
- Charaudeau, P. (2009) : « Dis-moi quel est ton corpus, je te dirai quelle est ta problématique », in *Corpus* n°8, Nice, 2009.
- Grossmann, F., (2015) : « Les motifs du constat dans les genres scientifiques », in Beliakov, V., Mejri, S., (dir.) (2015) : *Stéréotypie et figement. A l'origine du sens*, Presse Universitaire du Midi, France, p. 39-56.
- Hajok, A., (2015) : « La couverture phraséologique des textes spécialisés » in Muryn Teresa, Mejri Salah, : *Linguistique du discours : de l'intra- à l'interphrastique*, wyd. Peter Lang.
- Legallois, D., Tutin, A., (2013): « Vers une extension du domaine de la phraséologie », *Langages* 189, Larousse, Paris.
- Longrée, D., Mellet, S.,(2013): « Le motif : une unité phraséologique englobante ? Étendre le champ de la phraséologie de la langue au discours » in *Langages* 189, Larousse, Paris, pp.65-79. <http://www.revues.armand-colin.com/lettres-langue/langages/langages-ndeg-189-12013-extension-du-domaine-phraseologie/presentation-extension-du-domaine-phraseologie><hal-01250517>>
- Mejri, S., (2009) : « Phraséologie et traduction des textes spécialisés », *La phraséologie contrastive : Figement et traduction, corpus et traitement des données*, P. Mogorron Huerta (dir.), Université d'Alicante.

¹¹Quant au problème de la polarité, nous menons des réflexions plus approfondies dans le cadre du projet : (*E-Polarité*) *Le numérique : la polarité des avis des internautes*, PHC 2016 POLONIUM de l'Ambassade de France en Pologne et Le Ministère des affaires étrangères et du développement international en Pologne.

- Muryn, T., Niziołek, M. ; Hajok, A. ; Prażuch, W.; Gabrysiak, K. (déposé): « La Matrice lexico-syntaxique du roman policier » in *5ième Congrès Mondial de Linguistique Française*, le 4-8 juillet 201, Institut de Linguistique Française, Université de Rabelais de Tours, France.
- Nahon-Raimondez, A.-M., (2010) : « La phraséologie du discours médical : Discours pour le grand public ou pour le spécialiste ? », in Maurice Kaufler; Gilbert Magnus, *Mélanges en l'honneur de Marthe Philipp*, Presses universitaires de Nancy, pp.56-70, 2010. <hal-00430519>
- Palma, S., (2006) : « Polarité, négation et scalarité », *Langages* 162, Larousse, Paris, p. 127.
- Saemmer, A. (2015): *Rhétorique du texte numérique. Figures de la lecture, anticipations de pratiques*. Presses de l'enssib.
- Tutin A. (2013) : « La phraséologie transdisciplinaire des écrits scientifiques : des collocations aux routines sémantico-rhétoriques », in *L'écrit scientifique : du lexique au discours. Autour de scientext*, Presse Universitaire de Rennes, p. 27-43.
- Tutin, A. (2007): « Autour du lexique et de la phraséologie des écrits scientifiques » in *Revue française de linguistique appliquée* ; 2007/2 Vol. XII, pp. 5-14. <http://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2007-2-page-5.htm>
- Tutin A., Grossmann F., (2013) : *L'écrit scientifique : du lexique au discours. Autour de scientext*, Presse Universitaire de Rennes, p. 242.
- Le Grand Robert* version informatisée.
- TLFi – *Trésor de la Langue Française*, version en ligne atil.atil.fr

**Katarzyna Gabrysiak, dr.,
Alicja Hajok, dr.,
Teresa Muryn, dr., Malgorzata Niziolek,
dr., Wojciech Prażuch**
Université Pédagogique de Cracovie, Pologne

0 Introduction

Le présent article a pour but d'exposer une analyse linguistique des textes littéraires visant l'extraction des structures rhétorico-sémantico-syntaxiques propres à un genre donné. Ce type de structures, se caractérisant par un degré de figement plus ou moins élevé, a constitué l'objet de plusieurs études parmi lesquelles nous pouvons énumérer : unités phraséologiques ou phraséologies, phrases semi-préconstruites (Sinclair, 1991), collocations (Halliday, 1961 ; Blumenthal, Tutin), cadres collocationnels (Renouf & Sinclair, 1991), expressions figées (Gross, 1996), séquences figées (Mejri, 1997), colligations (de type lexical ou textuel - Hoey, 2005), segments répétés (Salem 1986), motifs (Longrée & Mellet, 2012 ; Grossmann, 2015), unités lexicales étendues (Sinclair, 2004), séquences ou patrons formulaires (Biber 2009), routines discursives (Née, Sitri, Veniard, 2014), matrices lexicales (Anscombe, 2011), patrons (Hunston & Francis, 2000), constructions (Fillmore, 1988 ; Bouveret & Legallois 2012 pour le français), constructions préformées

(Schmale, 2013). Toutes ces dénominations se fondent sur le postulat de l'existence de structures plus ou moins figées.

1 Objet d'étude et corpus

Nous avons choisi comme l'objet de nos recherches le roman policier. En effet, ce genre se distingue par une structure narrative plus ou moins stable et par une cohérence interne ce que confirment plusieurs travaux consacrés aux romans policiers datant surtout des années 1960 et 1970 (cf. Barthes, Todorov, Greimas, Brémond). Parmi les études récentes, on peut énumérer le texte de François dans lequel l'auteur présente le cliché comme élément constitutif du genre (2009) :

Parmi les signes de reconnaissance, les clichés, pris en tant qu'« associations figées du lexique » (Jean-Louis Dufays, *Stéréotype et lecture*, Liège, Mardaga, 1994, p. 81.) semblent justement fondamentaux, là où d'autres critères de définition, axés sur d'autres stéréotypies, échouent à couvrir une production mouvante et variée, dès l'origine du « genre » : ceux qui supposent une structure fixe (question/réponse), des personnages immuables (enquêteur/criminel/témoins), un processus récurrent (l'enquête).

La seule étude visant la description du corpus des romans policiers a été proposée par Beauvisage.

Le corpus sur lequel s'appuie cette étude comporte des romans policiers en français d'auteurs reconnus, entre autres : Gaston Leroux, Maurice Leblanc, Conan Doyle, Georges Simenon, Fred Vargas, Agatha Christie, Jean-Christophe Grange, Arnaldur Indridason, Maxime Chattam, Dorothy L. Sayers, Harlan Coben, Jean-Claude Izzo, Pierre Magnan, Boileau-Narcejac, Exbrayat, et d'autres. Il se compose actuellement de 35850957 tokens et s'enrichit progressivement. Il est à souligner que les textes choisis sont d'auteurs français et étrangers traduits en français. En plus, ils viennent des époques différentes. Pour assurer l'objectivité de notre étude ainsi que pour prouver l'existence d'une matrice universelle du genre, nous avons pris en considération aussi des romans policiers polonais ou traduits en polonais.

2 Méthodologie du travail

Le fondement théorique de notre étude englobe quelques principes qui sont les suivants.

2.1 La *répétition* lexicale assure au texte sa cohésion. Elle permet aussi de dégager le mode d'organisation du texte. Selon la définition de Legallois, la *répétition* veut dire « une relation particulière de cohésion, un phénomène par lequel dans un texte donné 1) une unité lexicale est reprise sous la même forme ou sous une forme dérivée ; 2) un contenu informationnel est repris en totalité ou partiellement par une unité sémantique apparentée [...] une ellipse, par une anaphore » (Legallois, 2006 : 57). En plus, Legallois prétend que certains types de textes se distinguent par un mode d'organisation réticulaire. En nous inspirant de ses propos, nous admettons que les unités réticulaires ne portent pas seulement sur les éléments lexicaux, mais sur toutes les structures rhétorico-lexico-syntaxiques et la répétition de ces structures ne se fait pas au niveau d'un texte mais au niveau d'un genre.

2.2 Chaque type de discours possède sa propre organisation de structures sémantiques complexes dont les réalisations lexico-syntaxiques sont propres à un discours donné. Une telle structure peut être réalisée par une phrase complexe, une

phrase simple, un SN, etc., ou bien être inférée en totalité ou en partie. Le dégagement de toutes les séquences lexico-syntaxiques illustrant la même structure sémantique rendra possible de déterminer le schéma rhétorico-syntaxico-lexical d'un type de discours. En plus, cela supprimera tous les problèmes dus aux phénomènes de polysémie, d'inférence, d'ambiguïté.

2.3 Pour le besoin de cette étude, nous introduisons les dénominations suivantes :

- motif sémantique - une représentation abstraite de toutes les structures se référant au même modèle prédicat-argument et se réalisant à travers la structure lexico-syntaxique,
- structure lexico-syntaxique (LS) - toute réalisation du motif sémantique grammaticalement complète,
- matrice englobante - l'ensemble des structures RLS associées aux scènes fixes.

3 Matrice lexico-syntaxique du roman policier

La matrice englobante du genre en question se compose de scènes fixes, à savoir d'unités textuelles plus petites. Elles se divisent en scènes fixes descriptives se rapportant à la description des lieux, des personnages et des circonstances et en scènes fixes opérationnelles rassemblant des énonciations et des propos routiniers apparaissant dans les situations stéréotypées du roman policier. Ladite décomposition du texte a été inspirée surtout par une approche cognitive d'après laquelle tout texte se compose de modules enchaînés et hiérarchisés qui représentent une situation standardisée exprimée par ce texte. "Standardisée" veut dire qu'elle doit contenir certains comportements considérés comme obligatoires pour être reconnue par chaque individu. Les modules en question étiquettent ces comportements et les mettent dans un ordre précis. Selon les théories cognitives, surtout celles du frame et du script, l'homme est capable de reconnaître les concepts déjà assimilés grâce aux schémas mentaux nommés *cadres* permettant de garder en mémoire une série de connaissances qui organisent toutes les informations acquises au cours du processus de perception des objets, des situations, des événements. Le modèle cognitif nous a permis aussi d'extraire les concepts-clés qui sont obligatoires dans les scènes fixes et qui donnent accès à des structures RLS propres au genre. Ce sont entre autres : *mort, corps, cadavre* en français et *martwy, ciało, zwłoki* en polonais. Grâce à ces concepts nous pouvons dégager les structures RLS ce qui constitue la première étape de l'analyse. Ensuite, nous répartissons ces structures en scènes fixes qu'elles sélectionnent. Il est à souligner que notre analyse se déroule sur deux niveaux: celui de l'histoire consistant en descriptions de faits et celui de l'échafaudage textuel de cette histoire fonctionnant comme marquage métadiscursif. Le marquage métadiscursif possède plusieurs fonctions, à savoir il opère entre l'auteur du texte et son lecteur, introduit, conclut, commente ou fait avancer l'histoire. Afin d'illustrer la première étape, nous avons choisi deux suites collocatives *retrouver mort/être retrouvé mort* en français et *znaleźć martwego/zostać znaleziony martwym* en polonais. Pour la deuxième étape, nous nous servons des suites *découvrir corps, cadavre / corps, cadavre être découvert* en français et *znaleźć ciało, zwłoki / ciało, zwłoki znalezione* en polonais

3.1 L'extraction des structures RLS:

Après avoir analysé plusieurs exemples, nous pouvons dire qu'ils se composent des mêmes éléments constants : lieu, temps, la manière de mourir. Au cas où l'un des éléments n'est pas représenté à la surface de la phrase, il est possible de le reconstituer.

Nous avons dégagé trois structures:

- N<hum> + retrouver qqn_PRONOM + mort + la manière de mourir + LIEU + TEMPS
- ON + retrouver qqn_PRONOM + mort + la manière de mourir + LIEU + TEMPS
- N<hum> + (être) retrouvé + mort + la manière de mourir + LIEU + TEMPS

Leurs traits caractéristiques sont les suivantes :

- la linéarisation des éléments constitutifs est prédéterminée ;
- la structure syntaxico-sémantique est figée ;
- les emplois anaphoriques (qqn_PRONOM)
- les restrictions au niveau du sujet – forme impersonnelle (*on*)
 - elles sont lexicalement contraintes

Passons aux exemples réalisant ces structures :

N<hum> + retrouver qqn_PRONOM + mort + la manière de mourir + LIEU + TEMPS

FR: *Je crains que tu te méprennes sur mes paroles : je l'ai retrouvée, morte ! — Morte ? — Plus précisément assassinée, d'une balle dans la tête.*

N<hum> + znaleźć kogoś_PRONOM + martwego + CZAS

PL: *Szofer i osobisty służący, który pana tu przywiózł, znalazł go martwego wczoraj rano.*

ON + retrouver qqn_PRONOM + mort + la manière de mourir + LIEU + TEMPS

FR: *On les a retrouvés morts, empoisonnés*

Leurs regards s'affrontaient. À Messicourt, folie de Me Boutedieu, dans le lit même où on l'avait retrouvé mort avec sa gouvernante, la notairesse ouvrit les yeux et se dressa sur son séant.

FORMA BEZOSOBOWA/ znaleźć kogoś_PRONOM + martwego + CZAS

PL: *Szackiego przechodzi dreszcz. Telak jest w tym samym stroju, w którym go znaleziono martwego .*

Wzywał pomocy, dopóki nie stracił sił, a kiedy znaleziono go martwego dwa dni później, rozpoznano go tylko po uwięzionym w potrzasku bucie, reszta bowiem została rozwleczona przez zwierzęta.

N<hum> + (être) retrouvé + mort + la manière de mourir + LIEU + TEMPS

FR: *Qu'est-ce que vous voulez ? — Vous parler d'une fille retrouvée morte sur une plage de la côte ouest, répondit Osborne.*

La fille a été retrouvée dans un fleuve, trois jours après sa mort. Gonflée à exploser.

STRONA BIERNA+ znaleźć kogoś_PRONOM + martwego

PL: *Paweł Sieklucki został znaleziony martwy. Zamordowany. W sposób taki, że nie będąc panu opowiadał*

Czy to zwykły zbieg okoliczności, że oficer policji zostaje znaleziony martwy w miejscu dawno popełnionej zbrodni, którą badał, ale nie zdołał jej rozwikłać?

3.2 La répartition des structures RLS

Le motif sémantique [découvrir (N<hum>, corps | cadavre)] TEMPS + LIEU est réalisé par différentes structures RLS qui s'extériorisent à travers des phrases à la voix active ou à la voix passive.

N<hum> + découvrir + corps/cadavre + LIEU + TEMPS

FR: *C'est une des serveuses, Mlle Marinette Gassendi, qui a découvert son corps sans vie au milieu d'un désordre indescriptible. Le mystère est total.*

Des officiers avaient découvert dans les dépendances et dans une petite salle de service du rez-de-chaussée trois cadavres de bas domestiques et deux valets solidement ficelés, bâillonnés.

N<hum> + znaleźć + ciało + kogoś

PL: *Stewarz znalazł ciało kilkuletniej dziewczynki. Pozycja w jakiej leżała i strzępy sukienki jasno świadczyły, co przeszła, zanim umarła.*

zwłoki + FORMA BEZOSOBOWA znaleziono +MIEJSCE

Nagle nadeszła wiadomość o śmierci porucznika Hastingsa. Jegozwłoki znaleziono w parku częściowo przykryte gałęziami.

corp/cadavre + être découvert + par N<hum> + LIEU + TEMPS

FR: *Le dénommé Manolo Santiago a été assassiné hier soir. — Où ? — Son corps a été découvert à Manhattan. Dans le secteur de Washington Heights.*

Le cadavre a été découvert au milieu du mois de décembre, dans la calanque de Sormiou. — Quel jour exactement ? — Si tu veux des dates précises, demande aux flics.

MIEJSCE + STRONA BIERNA odnaleźć + zwłoki + kogoś

PL: *Zaledwie trzy domy dalej od mieszkania policjanta Williama Wistinga zostają odnalezione zwłoki mężczyzny, który przez cztery miesiące siedział martwy przed migającym ekranem telewizora*

CZAS + ciało+ STRONA BIERNA znaleźć+ MIEJSCE

Następnego dnia jej ciało zostało znalezione na torach kolejowych.

Nous avons remarqué que la passif domine dans les phrases avec *corps* pendant qu'il apparaît moins souvent dans les séquences contenant *cadavre*. Ces séquences sont présentes le plus souvent dans les scènes opérationnelles surtout dans la conversation entre les professionnels. Elles annoncent un meurtre. Leur rôle est d'avancer l'histoire. Si on les retrouve dans les scènes descriptives, elles reçoivent une valeur métadiscursive. Le motif analysé peut être réalisé aussi par une structure RLS représentée à la surface par une proposition temporelle. Dans ce cas-là, il fonctionne comme le point de référence à une autre situation décrite dans la proposition principale.

Lorsque j'ai découvert le corps de mon ami, et celui de Sophie, je me suis évanoui.

4 Conclusion

La présente analyse constitue une des étapes ayant pour but de déterminer l'organisation linguistique / langagière du roman policier. L'extraction et la répartition des structures RLS nous permettra d'établir la matrice lexico-syntaxique du roman policier. Pour que cette image linguistique du genre soit précise et vraie pour chaque représentant du genre en question, il convient de prendre en considération quelques postulats qui nous semblent essentiels:

- le corpus ne doit être formé que de représentants du genre reconnus comme tels,
- le genre se caractérise d'une structure interne mobile et multiple,
- cette structure comporte des éléments obligatoires et facultatifs.

Nos travaux sur le roman policier ont pour objectif éloigné de construire le CRIMOLEX qui mettra à la disposition des chercheurs un large corpus de romans policiers. Il permettra d'exécuter des recherches des mots et de dévoiler des structures propres au roman policier. Nous espérons que cet outil satisfera aux besoins des linguistes, des étudiants, des traducteurs, des écrivains.

Références bibliographiques :

BARTHES, Roland (1966), « Introduction à l'analyse structurale des récits » In : *Communications*, 8, *Recherches sémiologiques : l'analyse structurale du récit*. p. 1-27.

BARTHES, Roland (1964), « Structure du fait divers », In : *Essais critiques*, Paris : Seuil, coll. Tel Quel.

BEAUVISAGE, Thomas (2001), « Exploiter des données morphosyntaxiques pour l'étude statistique des genres application au roman policier ». Une version augmentée d'un article paru dans la revue *T.A.L.*, n° 43, 2001.

Le texte intégral disponible
<http://www.revuetexto.net/Inedits/Beauvisage/index.html>
<http://www.revuetexto.net/Inedits/Beauvisage/index.html>

BELIAKOV, Vladimir, MEJRI, Salah (dir.) (2015), *Stéréotypie et figement. A l'origine du sens*, Presse Universitaire du Midi, France, p. 246.

BENVENISTE, Emile (1976), *Problèmes de linguistique générale*, vol.1, Paris, Gallimard.

- BRECHT, Bertold (1970), *Les arts et la révolution*, précédé de *Notes sur le travail littéraire. Article sur la littérature*, Paris : L'Arche.
- DUCROT, Oswald ; TODOROV, Tzvetan (1972), *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Paris : Seuil.
- FRANÇOIS, Marion (2009), « Le stéréotype dans le roman policier », In : *Cahiers de Narratologie* [En ligne], 17 | 2009, mis en ligne le 22 décembre 2009, consulté le 30 mars 2015. URL : <http://h/http://narratologie.revues.org/1095>.
- GREIMAS, Algirdas Julien (éds.) (1982), *Essais de sémiotique poétique*, Paris, Larousse, 239 p.
- GROSSMANN, Francis, TUTIN, Agnès (2003), *Les collocations : analyse et traitement*, Travaux et recherches en linguistique appliquée, Amsterdam : de Werelt.
- GROSSMANN, Francis (2015), « Les motifs du constat dans les genres scientifiques », In : *Stéréotypie et figement. A l'origine du sens*, Beliakov, Vladimir, Mejri, Salah, (dir.) (2015), Presse Universitaire du Midi, France, p. 39-56.
- HENRY, Jacques. <http://polarophiles.lescigales.org/domaines.html>
<http://polarophiles.lescigales.org/domaines.html>
- LASIĆ, Stanco (1972) *Poetyka powieści kryminalnej: próba analizy strukturalnej*, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy.
- LEECH Geoffrey, SHORT, Michael. (2007): *Style in fiction: A linguistic introduction to english fictional prose*, Harlow, Pearson.
- LEGALLOIS, Dominique, TUTIN, Agnès. (2013) *Vers une extension du domaine de la phraséologie*, Langages 189.
- LEGALLOIS, Dominique (2006), « Des phrases entre elles à l'unité réticulaire du texte ». In: *Langages*, 40e année, n° 163. *Unité(s) du texte*, Dominique Legallois (éds). p. 56-70.
- LITS, Marc (1993), *Le roman policier: introduction à la théorie et à l'histoire d'un genre littéraire*, Editions du C.E.F.A.L, Liège.
- LONGREE, Dominique, MELLET, Sylvie (2013), « Le motif : une unité englobante ? Étendre le champ de la phraséologie de la langue au discours ». In : *Langages* 189, p. 65-80.
- MAGRI-MOURGUES, Véronique (2006), « Stylistique générique et statistique », In : *Les Cahiers de la MSH Ledoux* 8, p. 655-666.
- MEJRI, Salah (2008), « Construction à verbes supports, collocations et locutions verbales ». In : *Las construcciones verbo-nominales libres y fijas. Aproximación contrastiva y traductológica*, Pedro Mogorron Huerta & Salah, Mejri (éds), p. 191-202.
- NARCEJAC, Thomas (1947), *Esthétique du roman policier*, Paris : Le Portulan.
- NEVEU, Franc (2004) : *Dictionnaire des sciences du langage*, Armand Colin, Paris, p. 317.
- MEJRI, Salah ; MURYN, Teresa, et al. (éds). (2013) *La phraséologie entre langues et cultures. Structures fonctionnement, discours*, Peter Lang.
- MEJRI, Salah ; MURYN, Teresa, (éds), (2015) *Linguistique du discours: de l'intra- à l'interphrastique*, Peter Lang.

- MURYN, Teresa (2013), « Une analyse sémantique des constructions avec le nom motif et mobile. Leur fonctionnement dans le texte littéraire sur l'exemple du roman policier », In : Mejri, Salah ; Muryn, Teresa, et al. (éds) *La phraséologie entre langues et cultures. Structures fonctionnement, discours*, Peter Lang, .pp. 121-137
- TODOROV, Tzvetan (1971), « Typologie du roman policier ». In : *Poétique de la prose*, Paris, Seuil, 1971, p. 55-65
- RASTIER, François, MALRIEU, Denise (2000), *Discours, genres et typologie de textes*.
- RIEGEL, Martin, PELLAT, Jean-Christophe, RIOUL, René (1994), *Grammaire méthodique du français*, Paris PUF.
- SCHANK, Roger Carl, ABELSON, Robert P. (1977), *Scripts, plans, goals, and understanding: An Inquiry into human knowledge structures*. Hillsdale, N.J. New York: L. Erlbaum Associates distributed by the Halsted Press Division of J. Wiley and Sons.
- SINCLAIR, John McH. (2004), *Trust the text: Language, corpus and discourse*, London, Routledge.
- Sketchengine*.<http://www.sketchengine.co.uk/http://www.sketchengine.co.uk>.
- STUBBS, Michael (2005), « Conrad in the computer: examples of quantitative stylistic methods. » In : *Language and Literature*, 14 (1), p. 5-24.
- TUTIN, Agnès, GROSSMANN, Francis , « Collocations régulières et irrégulières : esquisse de typologie du phénomène collocatif », In : *Revue française de linguistique appliquée* 2002/1 (Vol. VII), p. 7-25.

Оглавление

Предисловие	3
АБАКАРОВА Надежда Гаджиевна, Организация проектной деятельности студентов-лингвистов в малых группах	5
АЛИЕВА Тамилла Икрамовна, Аудирование как одно из средств коммуникативного подхода в изучении французского языка	8
АМЕЛИЧЕВА Варвара Максимовна, Предикативные предложные синтагмы во французском и русском языках	11
АНИСИМОВА Ольга Сергеевна, Основные прагматические установки французских пословиц с отрицанием	14
БАРИНОВА Ирина Константиновна, Французское влияние на российское общество (на примере произведений русских писателей конца XVIII века – первой половины XIX века) ..	17
БЕЛИКОВА Галина Васильевна, Семиотика языковых знаков с опорным компонентом «Прецедентное имя» как средство репрезентации концептной информации (на примере фразем-носителей культурной информации в современном французском языке)	20
БЕЛЯЕВА Екатерина Евгеньевна, Кофеологический лексикон в системе французского языка	23
БЕЛЯЕВА Нина Геннадьевна, Межкультурная коммуникация и вызовы современного времени	30
БЕССМЕРТНАЯ Жанна Дмитриевна, Этапы развития обратной связи в процессе обучения иностранному языку	32
БОГОВСКАЯ Ирина Вячеславовна, Кросскультурная грамотность учителя иностранного языка в ценностной парадигме образования	34
БОЙЧУК Елена Игоревна, Грамматика ритма (исследование на материале французского языка)	37
ВЛАСОВА Юлия Николаевна, Межстилевые характеристики грамматического тропа	40
ГЛАДКИХ Марина Викторовна, Лингвистическое изучение обращенности устной речи на рубеже XX и XXI веков	44
ГОСТЕМИЛОВА Наталия Александровна, Избыточное употребление диминутивов в разговорной речи современных мексиканцев	46
ГРЕБНЕВ Никита Андреевич, Лексико-семантическая группа «улица» на примере улиц города Парижа	49
ГРИГОРЬЕВА Елена Яковлевна, Роль аутентичных текстов в современных учебниках иностранного языка	52

ГУРЕВИЧ Дмитрий Львович, <i>Функционирование местоименных форм обращения в бразильском эпистолярном дискурсе XVIII-XX веков</i>	56
ДУБОВАЯ Елена Вадимовна, <i>Изображение течения художественного времени в эпическом тексте</i>	57
ЖАРКОВА Татьяна Ивановна, <i>Феномен «дом» в межкультурной коммуникации</i>	61
ЖОЛУДЕВА Любовь Ивановна, <i>La sintassi delle frasi participiali assolute nella prosa italiana del Cinquecento. Семантико-синтаксическая структура абсолютных причастных оборотов в итальянском языке XVI века</i>	63
ЗАГРЯЗКИНА Татьяна Юрьевна, <i>Этнотекст в контексте эпилингвистического дискурса</i>	66
ЗОЛОТУХИН Денис Сергеевич, <i>Семантическая эволюция термина valeur в терминосистеме Ф. де Соссюра</i>	70
ИВАНОВА Юлия Витальевна, <i>Метафора и жест в романе Бен Желлуна «La réclusion solitaire»</i>	73
КАЩУК Светлана Михайловна, <i>Межкультурная коммуникация в рамках учебных сетевых международных проектов</i>	76
КИРИЛЛОВА Нина Николаевна, <i>Лексема и фразема в сравнительно-типологическом аспекте</i>	79
КОЗАРЕНКО Ольга Михайловна, <i>Анализ научного дискурса студенческих презентаций на французском языке</i>	83
КУЛАГИНА Ольга Анатольевна, <i>Языковая репрезентация колониальной Африки в романе Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи»</i>	87
КУРБАНОВА Камилла Искандеровна, <i>Специфика франко-англо-русских синонимических «ложных друзей переводчика»</i>	90
ЛАРИОНОВА Марина Владимировна, <i>Метафора как лингвокогнитивный механизм терминообразования в испанском газетно-публицистическом дискурсе</i>	93
ЛАЦОЕВА Мадина Казбековна, <i>Коммуникативные особенности дискурса деревянного языка, «la langue de bois» (лексико-синтаксический уровень)</i>	97
МАТВЕЕВА Анастасия Александровна, <i>Функции французского давнопрошедшего времени в XX веке (на материале художественных текстов)</i>	102
МИЛОСЕРДОВА Елена Евгеньевна, ПЕФТИЕВ Владимир Ильич, <i>Досье писателя как жанр в литературоведении Франции (по материалам журнала «Le Magazine Littéraire»)</i>	105
МОРОЗОВА Лариса Юрьевна, ГРИГОРЬЕВА Ольга Александровна, <i>Активизация самостоятельной работы студентов</i>	108
МУРАДОВА Лариса Андреевна, <i>Просто о сложном, или как «вести» студента во французскую филологию</i>	112

ПЕРЕДЕРИЙ Елена Борисовна, Вопросы семантического синтаксиса в трудах В.Г. Гака	117
ПЕТРОВА Юлия Валентиновна, Лексико-грамматические этап формирования аргументативных техник у студентов журналистов на занятии английского языка	120
ПРОХОРОВА Анна Павловна, Аксиология фразеологических единиц фразеосемантического поля «Говорение» (на материале русской и французской фразеологии)	124
ПРОХОРОВА Наталья Сергеевна, Роль периферийной лексики в языковой картине мира носителей французского языка	127
ПУЧКОВ Вячеслав Олегович, Именные фразеологизмы с компонентом-зоонимом: сравнительная метафора (на материале французского и русского языков)	131
ПУШИНА Любовь Александровна, Семантический силлепс как конструктивный приём развернутой метафоры: методологическое введение	133
РЕТИНСКАЯ Татьяна Ивановна, Флористическая лексика арденнского региолекта .	135
РОМАНОВА Ольга Владимировна, Межкультурное страноведение в обучении немецкому языку студентов гуманитарных факультетов МПГУ	138
РЫЖОВА Людмила Павловна, Семантико-прагматическая концепция значения языкового знака во французской лингвистике	140
РЯБЦЕВА Надежда Константиновна, Состояния сознания в языке и речи: Когнитивный аспект	144
САЛЕХОВА Ляйля Леонардовна, К вопросу об использовании интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL) в российской высшей школе	147
СЕРГЕЕВА Александра Борисовна, Особенности семантики и функционирования современных французских образных оборотов	149
СЛИВЧИКОВА Юлия Владимировна, Лингвокогнитивный анализ вестиментарных описаний в газетно-публицистическом дискурсе	152
СОРОКОВЫХ Галина Викторовна, К вопросу о подготовке учителя иностранного языка к изучению языков и культур в условиях лингвоэтнокультурного пространства мегаполиса	155
СТЕПАНЮК Юлия Валерьевна, Диминутивы в языке и речи (на материале французского и русского языков)	158
ТИМОШЕНКО Ирина Владимировна, Контрастивное изучение артиклевых форм (на материале переводов с русского на английский и французский языки)	161
ТИХОНОВА Марина Петровна, Мир воображения и нонсенса во французской поэзии для детей	165
ФРОЛОВА Галина Эдуардовна, История становления фразовых глаголов в английском языке	169

ХАРИТОНОВА Ирина Викторовна, Отражение слуховых ощущений во фразеологическом составе языка (на материале французского языка)	170
ЦЕПЛИНСКАЯ Юлия Эдуардовна, Вид как языковая универсалия	173
ЧЕРВОНЫЙ Александр Михайлович, Субъект речи во фразеологическом выражении (на материале французского языка)	175
ШВЕЦ Элина Игоревна, Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка)	179
ЯЦЕНКО Наталия Тимуровна, Советские преподаватели французского языка в качестве ассистентов преподавателей русского языка во Франции: работа «за железным занавесом» (конец 1960-х – середина 1980-х гг.)	183
Alicja Hajok, Couverture phraséologique textuelle : la vulgarisation scientifique	185
Katarzyna Gabrysiak, dr., Alicja Hajok, dr., Teresa Muryn, dr., Malgorzata Niziolek, dr., Wojciech Prażuch	191

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Сборник статей по итогам международной конференции
«Язык и действительность»
Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака»

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446
Тел.:(499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 26.05.2016. Формат 60x90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 12,5 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 512.

ISBN 978-5-4263-0340-9

9 785426 303409